

Владислав
Крапивин

**ВАЛЬКИНЫ
ДРУЗЬЯ
И ПАРУСА**

Д

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

Владислав Крапивин

**ВАЛЬКИНЫ
ДРУЗЬЯ
И ПАРУСА**

Рисунки Е. Медведева

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА • 1970

Челове́ку непóлных двена́дцать лет. У него́ есть мечты́ и тайны. Есть друзья́, кото́рых он нахо́дит нелегко́, но, ка́жется, уда́чно. Нет врагов. Какие мо́гут быть враги́ у обыкнове́нного пятикля́ссника — споко́йного, недрачли́вого Ва́льки Бегуно́ва? Но среди́ ребят и среди́ взро́слых встреча́ются иногда́ люди́ холо́дные и злые. Прохо́дят дни, и Ва́лька убежда́ется, что с такими́ людьми́ то́же на́до воева́ть. И он защища́ет от них снача́ла го́род, постро́енный из песка́ малы́шами, пото́м па́русную шху́ну, кото́рую придума́л. Потом свой кра́сный га́лстук.

Всегда́ ли он прав в своих оби́дах и спо́рах? По кра́йней ме́ре, он всегда́ ве́рен друзья́м. И когда́ в го́рькую свою́ мину́ту он слы́шит, как зову́т на по́мощь: «Ва́лька, пожа́луй-ста, встань!», он встаёт и идёт. Забыва́ет понемно́гу о своей беде́. Он ещё не знаёт, что и на его́ защи́ту встаю́т това́рищи. Поднима́ются так же дру́жно, как поднима́лся сво́дный отря́д бараба́нщиков, когда́ принима́л Ва́льку в пионе́ры.

НАЧАЛО. БАРАБАНЩИКИ

Барабáнщики шли встречáть сóлнце...

Об éтом нáдо рассказáть сейчáс. Пóсле бóдет нéкогда. Речь пойдёт о зímних сíних рассвётах, о песчáном гóроде с цветнýми стёклами, о двухмáчтовой мáрсельной шхúне, о предáтельстве и дрýжбе и о том, как трóдно держáть в рукé огóнь.

А о барабáнщиках придётся вспóмнить всего один раз. Тогда ужé не бóдет времени, чтóбы всё объяснять. Лúчше рассказа́ть о них сра́зу.

Ита́к, барабáнщики шли встреча́ть со́лнце.

Ва́лька шёл за ни́ми.

Он шага́л по ко́лено в травé, холо́дной и жёсткой. Пробира́лся по кустáм. Травá и кусты́ бы́ли сплошь в росé. С листьёв, бóдто с ма́леньких ладо́ней, скáты-вались ты́сячи тяжёлых ка́пель. Ва́лька вздра́гивал, ёжилсá, но шага́л и шага́л, прикрывáя лóктем лицó от хлёстких вéток.

Он не знал доро́ги и боя́лся отста́ть.

Ва́лькина рубáшка и то́нкие полотня́ные штаны́ ужé наскво́зь промо́кли. Та́почки раскíсли и ста́ли ско́льзкими. Но́ги горéли от цара́пин. Кро́вь проступáла ме́лкими ка́плями, и онí висéли на цара́пинах, слóвно бóсинки на нítках.

Пу́ть к реке́ лежа́л че́рез вы́рубки с невысо́кой бере́зовой по́рослью и широ́кие поля́ны. Среди́ кустóв, над тра́вами, Ва́лька ви́дел впереди́ барабáнщиков.

Онí двíгались ре́дкой растя́нутой це́пью. Шли без разгово́ров и пере́клички, разма́шистым лёгким ша́гом. Переска́кивали че́рез пни и я́мы, огиба́ли чёрные ша́пки кустáрников. Шли прямо́ туда́, где разгора́лись разноце́вные по́лосы рассвёта.

В э́том бы́стром и молчали́вом движе́нии была́ торже́ственная и непоня́тная трево́га. Сло́вно со́лнце могло́ не взойти́, е́сли барабáнщики опозда́ют.

Но онí никогда́ не опáздывали к восхо́ду.

Ка́ждый год в нача́ле ка́ждой сме́ны наступáло у́тро, когда́ сво́дный отря́д барабáнщиков поднимáлся ещё до рассвёта. В о́кнах ползли́ се́рые сýмерки и га́сли звёзды. Не́сколько челове́к отки́дывали одея́-

ла. Это были опытные барабанщики — они приезжали в лагерь не первый раз. Они бесшумно и безжалостно будили новичков. Потом пробирались в дачу к малышам и выносили на руках барабанщиков октябрятских отрядов — вместе с барабанами и одеждой. Стояла тишина, только барабаны, цепляясь за косяки, негромко и встревоженно гудели.

Малышей приводили в чувство на крыльце:

— Тихо ты... Стой и не хнычь. Сам ведь вчера просился. Будешь ты стоять, наконец? Ребята, возьмите его назад...

— Не-е...

— Если «не», надевай штаны. А ботинки где?

Потом они строились за оградой. Барабанщики-сигналисты, барабанщики знаменосной группы, барабанщики отрядов.

— Все готовы?

— Готовы!

— На левом фланге не спят?

— Проснулись!

— Вниманье, отряд... К востоку лицом... цёпью... пошёл!

Так было всегда. С тех пор, как появился в этих лесах пионерский лагерь «Рассветный». А появился он давно — первые барабанщики его уже выросли. Никто теперь не помнил, откуда повелось встречать солнце весёлой барабанной дробью. Но обычай этот стал законом, который не могли отменить самые суровые начальники и самые непреклонные врачи.

Валька не был барабанщиком. Он не мог им быть. Но когда он узнал про их строгий и немного тайный обычай, что-то шевельнулось у него в душе. Какое-то беспокойное чувство, похожее на зависть. Но нет, не зависть. Скорее острая грусть от того, что не может пойти вместе с ними.

Барабáнщики, встречающие рассвёт...

Вáлька понимáл, что свóдный отряд недостúпен для него, но беспокойство не проходило. И в три часа утра Вáлька просну́лся от ясной тревоги, что он мо́жет опозда́ть. Он уви́дел, как с кровати скользну́л барабáнщик трéтьего отряда Гéнка Соловьёв, и вспомнил всё.

Не́бо на восто́ке разгорáлось. Разноцвётные по́лосы то́нких облако́в раство́рились в ро́вном пла́мени рассвёта. Да́льные кусты́ уже́ не ка́зались чёрными.

Барабáнщики пошли́ ме́дленнее. Цепь разорва́лась, и ка́ждый шёл сам по себе́. Мнóгие пёрвый раз ви́дели восхо́д.

Вáльке ста́ло труднее́ прятаться. Ему́ пришло́сь обойти́ стороно́й грома́дную поля́ну, что́бы незаме́ченным до́браться до прибре́жной полосы́ кусто́в. Но он обогна́л ребя́т и пёрвый вы́шел к реке́.

За реко́й, по тёмному гребню́ ле́са, уже́ растека́лось жидкое зóлото — предвэ́стник о́чень бли́зкого со́лнца. А реки́ не́ было ви́дно под косма́той шу́бой тумáна.

Барабáнщики по одному́ выходили́ на бе́рег.

Вáлька отошёл и скры́лся в густо́м переплетéнии вéток. Сно́ва посы́палась росá, но он уже́ приви́к и да́же не вздра́гивал.

Барабáнщики вста́ли у кра́я обрыва́. Левофланго́вый оказа́лся в десяти́ шага́х от Вáльки. Ма́ленький, оди́н из тех, кого́ будили́ уже́ на крыльце́. В на́спех зашнуро́ванных боти́нках и в руба́шке с ко́со застёгну́тым во́ротом. У него́ бы́ло напряжённое серьёзное ли́цо с пúхлыми, но плóтно сжа́тыми губáми. А корóтенькие свéтлые во́лосы смешно́ топо́рщились. Он мог бы́ показáться кому́-нибу́дь забáвным из-за своéй сли́шком усéрдной серьёзности. Но не Вáльке. Вáлька понимáл.

Малы́ш стоя́л с низ́ко наклонённой голо́вой и опу́-

шенными рука́ми. В ка́ждой руке́ — па́лочка. Так же стоя́ли и дру́гие. Де́вятна́дцать неподви́жных, молча́ливых бараба́нщиков. О чём о́ни ду́мали? Почему́ вдруг перед са́мым восхо́дом подкра́лась гру́стная мину́та? Или так полага́лось? Ва́лька не успе́л по́нять.

Пра-ра́х! — отчётливо сказа́л на пра́вом фла́нге бараба́н. Ма́ленький левофланго́вый вски́нул го́лову и торопли́во по́днял па́лочки.

Дзамм... Та-та́... — откли́кнулись ещё два бараба́на.

Дд-дам, да-да́х... — отве́тил ещё о́дин. У ка́ждого был свой го́лос.

Бараба́нщики стоя́ли тепе́рь с по́днятыми голо́вами, бу́дто прислу́шивались: не откли́кнется ли кто́-нибудь с то́го бе́рега? То о́дин, то друго́й посыла́л ко́роткую и тре́бовательную дробь. Это был им о́дним по́нятный разгово́р.

Та-та-та-та́... — осто́рожно вы́бил и ма́ленький Ва́лькин сосе́д.

Бараба́нные сигна́лы станови́лись всё дли́ннее и ча́ще, слива́лись, кре́пли, и Ва́лька вдруг улови́л в э́том беспоря́дочном трёске и гуде́нье твёрдый и увлека́ющий ритм. Ро́вно, негро́мко и уже́ беспере́вно рокота́ли бараба́ны новичко́в. Чёткими и разме́ренными уда́рами разби́вали э́тот ро́кот ста́ршие отря́дные бараба́нщики. А два сигнала́ста то ко́ротко, то раската́исто, с ра́зными перере́ывами выгова́ривали что́-то непоня́тное, но пра́здничное.

Ва́льке показа́лось, что с бараба́нов сы́плются и пры́гают по бе́регу ты́сячи весе́лых же́лтых горо́шин.

Он забы́л, что на́до прятаться, и стоя́л тепе́рь сре́ди ве́ток, откры́тый по грудь. Но его́ не ви́дели. Все смотре́ли впе́рёд, за́ реку, за́ леса́, и левофланго́вый ма́лыш смотре́л туда́ же. А па́лочки его́ ро́вно пляса́ли на бе́лой ко́же но́вого бараба́на.

«Ужé научился»,— с неожиданной ласковостью подумал Вáлька.

Яркий свет прошёл волной по лицу маленького барабанщика. Заблестёл весёлыми точками в сощурившихся глазах и даже на кончиках ресниц зажёг крошечные искры.

Вáлька взглянул на горизонт. Там стремительно вставало солнце. Чистое, не тронутое красным налётом.

Туман, не ожидавший такого быстрого восхода, испуганно взвихрился длинными спиралями и начал рваться на куски. Жёлтым стеклом засветилась чистая вода. Барабаны торжествующе взревели, разбудили наконец дальше многоступенчатое эхо и разом оборвали грохот.

Несколько долгих секунд стояла тишина. Потом она разлетелась от криков и смеха. Это был обычный беспорядочный шум, как на школьном дворе после длинного урока. Но смеялись и переговаривались, всё ещё глядя на солнце.

Только сейчас Вáлька заметил, что среди барабанщиков есть несколько девчонок. И был один человек без барабана. Повыше остальных ребят, смуглый, темноволосый, в зелёной рубашке. Похожий на кубинца. Вáлька узнал его: это был один из вожатых. Другие вожатые и воспитатели звали его Сашей, а все ребята называли его немного странно — Сáндро. И это имя ему как-то очень подходило.

— Сáндро,— вежливо сказала тонкая длинноволосая девчонка,— как ты думаешь, зачем Пётка Бревнов стучает меня барабаном по голове?

— Ябеда! — откликнулся коренастый Пётка и деловито объяснил: — Я хотел узнать, что гудит сильнее.

Девчѡнка погналась за ним, и они помчались в сторону Валькиных кустов. Валька присел.

— Ну, дѣкие!..—неодобрительно произнёс маленький барабанщик. Он стоял на колѣне, отложив барабан, и перешнуровывал ботинок.

Пѣтька и девчѡнка сдѣлали круг и снова проскочили, чуть не сбив малышѣ.

— Вы, страусы! — крикнул он и сердито вскочил. И зацепил пяткой барабан.

Барабан стал на ребро. Качнулся. И нѣхотѣ покатился к обрыву.

Он упал бы в воду у самого берега, но на пути встрѣтил маленький выступ и прыгнул с него, как с трамплина.

Валька вовсе ни о чём не думал. Он увидал растерянные глаза обернувшегося мальчишки и понял: тот сейчас прыгнет. И прыгнул сам.

Он точно рассчитал: угодил в одинокий куст черёмухи, росший на середине откоса. Исцарапался, но замедлил скорость и съехал к водѣ на лавинѣ из песка и комьев глины.

Вода оказалась совсем не холодной. Течение легко обняло Вальку, повернуло, и он увидал барабан. Недалекѡ, метрах в десяти. Барабан сиял красными мокрыми боками и легкомысленно приплясывал на маленьких волнах, которые кругами разошлись от Вальки.

Валька догнал его, ухватил за лямку и стал выгребать к песчаной полосѣ ниже по течению. Он плыл и видел, как вниз сыплются ребята. Их криков он не понимал и думал совсем о другом: о том, что берег, оказывается, весь в чёрных сотах стрижиных гнёзд.

Потом он вышел на песок, вытряс воду из барабана и стал смотреть на подбегавших ребят.

— Это наш Вáлька Бегуно́в,— вы́дохнул запыхавшийся Ге́нка Соловьёв.— Вот э́то да!

— Отку́да ты, Вáлька Бегуно́в? — спроси́л Са́ндро, и в го́лосе его́ послышалась усме́шка.

— Отту́да... из ла́геря,— ти́хо сказа́л Вáлька и стал смотре́ть на бараба́н.

— Ясно,— произне́с так же ти́хо Са́ндро.— А заче́м тебя́ в во́ду понесло́? Бараба́н бы и так приби́ло к бе́регу.

Вáлька глянул наза́д и срáзу по́нял, что прыжо́к его́ оказа́лся нену́жным и смешным. Здесь был изги́б реки́, и течéние выбра́сывало на песо́к всё, что плы́ло у пра́вого бе́рега.

Вáлька поверну́лся и пожа́л плеча́ми. Что он мог сказа́ть?

— Ла́дно, пошли́ наве́рх,— бро́сил Са́ндро.

— А зна́ете, он ведь из-за э́того ти́па в во́ду сига́ну́л,— неторопли́во сказа́л серьёзный художа́вый паре́нок, оди́н из са́мых ста́рших. Он показа́л на ма́ленького виновáтого бараба́нщика.— Из-за него́, то́чно. Э́тот уже́ сам лы́жи наостри́л, да я ухвати́л его́ за ши́ворот.

Ма́лыш тяжело́ засопéл и на́чал тереби́ть на ру́башке эма́левую звёздочку.

— Не́чего тепе́рь пыхтёть,— сказа́ли ему́.

— Он-то здесь при че́м? — с доса́дой бро́сил Вáлька. Сел на твёрдый песо́к и стал снима́ть та́почки.

Песо́к был го́раздо холо́днее воды́.

— Бы́стро наве́рх! — повто́рил Са́ндро.— Костёр приде́тся разжига́ть, суши́ть тебя́. Куда́ с тобо́й, с та́ким мочёным...

— Вот ещё,— хму́ро возрази́л Вáлька.— Я и был та́кой. От росы́.

— Постóй...— Са́ндро припо́днял одну́ бровь.— А воо́бще-то, друг ми́лый, ты здесь как оказа́лся?

— Так...

Сáндро глянул понимающе.

— Смотрáлся из лáгеря, чтобы порыбáчить?

«Тóчно,— обрадовался Вáлька.— Скажý, что рыбáчил. Нет, про úдочки спрóсят. А пускáй. Скажý— уплы́ли».

— Угада́л я? — спроси́л Сáндро.

— Я не рыбáчил,— сказа́л Вáлька.— Я за ва́ми шёл. Прóсто так.

Бараба́нщики стояли крúгом и разгля́дывали Вáльку с молчали́вым сочу́вствием.

— За́чем? — спроси́л кто́-то.

— Ну... так. Посмотрéть,— сказа́л Вáлька.

— Чуда́к! — усмехну́лся Сáндро.— Пря́тался-то за́чем? Ну, шёл бы и шёл. С на́ми.

Вáлька промолча́л. Но все смотре́ли на него́ выжида́юще.

— Я же не знал,— гля́дя в песо́к, сказа́л Вáлька.— У вас же своё де́ло. А я кто...

— А кто ты? — спроси́ла длинноно́гая девчо́нка и наклони́ла го́лову.

— Кто... Никто́. Да́же не пионе́р...

— А поче́му? — спроси́л Сáндро.— Не до́рос, что ли?

— До́рос. Я боле́л, когда́ всех принима́ли.

— А пото́м?

— Что? — не по́нял Вáлька.

— Ра́зве пото́м не могли́ приня́ть?

— Не зна́ю... Никто́ не говори́л.

— А ты сам? — спроси́л Сáндро.— Он смотре́л на Вáльку почти́ равноду́шно. Одна́ко за э́тим равноду́шием скрыва́лся како́й-то интере́с.

Вáлька его́ чу́ствовал, но не понима́л. Это ещё бо́льше смуща́ло его́.

— Сам? Не зна́ю... — нелóвко сказа́л он.

— Что ты не зна́ешь? — с неожиданной доса́дой бро́сил Са́ндро. — «Не зна́ю, не зна́ю»!.. Отку́да вы та́кие берётесь, незна́ющие?..

Ва́лька по́днял глаза́.

— Я ду́мал, так нельзя́, — сказа́л он. — Ра́зве мо́жно проси́ть об э́том само́му?

— А-а... — протяну́л Са́ндро.

Ва́лька смотре́л на него́ и чего́-то ждал.

— Ясное де́ло, — сказа́л Са́ндро. — А мо́жет быть, тебя́ в ла́гере при́нять в пионе́ры?.. Что́бы ты ходи́л, не пря́чась за ку́стами.

— В ла́гере? А мо́жно?

— А чего́ ж... Если отря́д реши́т, то, наве́рное, мо́жно...

— А вы? — ти́хо произне́с Ва́лька.

— Что — мы?

— Вы, отря́д... — не то спроси́л, не то про́сто сказа́л Ва́лька. И сно́ва опусти́л го́лову. Он по́нял, что красне́ет, как девчо́нка. Ве́дь просну́вшаяся в нём наде́жда бы́ла про́сто сме́шной.

Са́ндро молча́л. Бараба́нщики то́же молча́ли.

— Ну, зна́ешь... — сказа́л Са́ндро немно́го расте́рянно. — Нельзя́ же так срáзу.

— Да я понима́ю, — прошепта́л Ва́лька.

— Нельзя́ так, — уже́ уве́ренней повто́рил Са́ндро. — Мы же всего́ пять дне́й в ла́гере. — И доба́вил уже́ с усме́шкой: — Отку́да мы зна́ем, что за челове́к Ва́лька Бегуно́в!

— Да, — сказа́ла длинноно́гая девчо́нка и склони́ла набо́к го́лову. — Действите́льно. Како́й ты челове́к?

Ва́лька пожа́л плеча́ми.

— Обыкновенный челове́к, — вдруг сказа́л Ге́нка Соловьёв. — Как все. Мы с ним в одно́й пала́те, крове́ти ря́дом. Он мне бата́рейку «Са́ту́рн» для фона́рика дал.

— Подумаешь, батарейку дал! — сказала девчонка.

— А ещё в тетрадке что-то всё время рисует, — серьёзно добавил Соловьёв.

— Не в тетрадке, а в альбоме, — хмуро поправил Валька. — И не всё время.

— Ну в альбоме, — согласился Гёнка. — Я один раз хотел посмотреть, а он как двинет подушкой...

Валька глянул на него исподлбья.

— Сам же под руку полёз.

— Ага, — сказал Гёнка.

Длинноногая девчонка прищурилась и потребовала:

— Пусть расскажет биографию.

Это была, конечно, шутка. Но никто, совсем никто почему-то не засмеялся. Все стояли и молчали, будто это было всерьёз.

— Ребята, — сказал Валька, — ну, я... в пятый класс перешёл. Вот...

— Маму и папу слушаешь? — с тонкой улыбкой спросила девчонка и опять наклонила голову.

Сandro быстро обернулся.

— Катерина, — ласково сказал он, — я понял теперь, почему Бревнов бил тебя барабаном.

Потом снова посмотрел на Вальку.

Может быть, он что-то решал?

Может быть, он думал: будет ли плохой человек подниматься до зары, чтобы взглянуть, как барабанщики встречают солнце?

— Сandro, — позвал кто-то за спиной у Вальки. — Мы ведь правда отряд...

— Джаз-оркестр, а не отряд, — сказал Сandro. — Даже сомкнутым строем стоять не умеете.

Тогда все заговорили разом. Об одном и том же:

— Кому он нужен, этот сомкнутый строй!

— В нём локтями не двинешь!

— А ты сам-то его любил, когда был барабанщиком?

— Мы кто? Гвардейцы её величества?

При этом неожиданном и непонятном споре они забыли о Вальке и кольцом обступили Сандро.

И вдруг замолчали. Разом. Словно встревоженные чём-то.

Валька услышал в кустах пеструю разноголосицу птиц.

Барабанщики поворачивались к Вальке.

Он стоял на том же месте, мокрый, исцарапанный, с раскисшими тапочками в опущенных руках. Капли падали с тапочек и оставляли на твёрдом песке следы, похожие на крошечные лунные кратеры.

— Однако... — проговорил Сандро.

Валька резко поднял голову. «Я пойду», — хотел сказать он.

Они стояли широким полукольцом — барабанщики-сигналисты, барабанщики отрядов, барабанщики знаменосной группы. Самый маленький, с эмалевой звёздочкой на рубашке, смотрел на Вальку широкими серыми глазами.

— Три человека пусть займутся костром, — сказал Сандро. И негромко спросил у Вальки: — Обещание знаешь?

Валька вздрогнул, вытянулся. Проглотил комок и кивнул.

В половине девятого лагерь выстроился на утреннюю линейку. Председатель совета дружины — нетопливый очкастый Серёга Лавров — остановился перед старшей вожатой.

— Отряды к подъёму флага готовы. Настроение бодрое, — сообщил он. — Происшествий нет. На рас-

свѣте свѳдный отряд барабанщиков прїнялъ в пионѳры Вальку Бегунова. Рѳпорт сдан.

Вожѳтая смотрѳла на него удивлѳнно и вопросїтельно, гѳтовѳясь что-то сказа́ть. Но Лавров, невозмутимо блестя очками, уже опустил поднятую для салюта руку.

— Не Вальку, а Валью, — сказа́ла вожѳтая. — Рѳпорт прїнят. Вѳльно.

РАССВЕТ. АНДРЮШКА

Валька просну́лся от боли. Во сне он прижа́л щеко́й па́лец и стяну́л с него бинт.

Боль была́ не такая, как вчера́. Она́ тепѳрь не жгла, а слѳвно разъеда́ла. Валька осторожно косну́лся па́льца подборѳдком. Почувствовал вла́жный лоскуто́к лѳпнувшей ко́жи и помѳрщился. Он торопливо нащупал на поду́шке тру́бочку бинта́ и, чуть дыша́, протолкну́л в неѳ па́лец. Боль ста́ла успокаиваться, но ещё дава́ла себѳ знать мягкими затиха́ющими толчками.

Валька передохну́л и поверну́лся на́ спину.

Окна́ бы́ли тѳмными. Сквозь просвѳты в ледяны́х узѳрах Валька ви́дел звѳзды. Ка́ждая звездá висѳла в середїне холо́дного тумáнного пятнышка.

«Часѳв семь, — подумал Валька, — и́ли полвосьмого».

Он сосчита́л до трёх, сбросил одеяло и прошлѳпал к столу́. Нащупал кно́пку «грибка́». От неожиданного свѳта ѳкна́ сде́лались блестящими и непрозра́чными, как чѳрная клеѳнка. То́лько по краѳм зеленова́то йскрились морѳзные развѳды.

За то́нкой стѳнкой зашевели́лся о́тец.

— Валька, ты уже́? Спал бы...

Вáлька взгляну́л на буди́льник.

— Ско́ро во́семь. Па́па, я на коло́нку...

Это была́ его́ обяза́нность. Верне́е, приви́чка. Он ка́ждое у́тро приноси́л два ве́дра воды́. Пра́вда, нали́ва́л их не до́верху: ве́дра бы́ли большúщие и, кро́ме того́, тащи́ть их приходи́лось в растопы́ренных рука́х, что́бы ледяна́я вода́ не плеска́ла в ва́ленки. Когда́ Ва́лька добира́лся до крыльца́, ру́ки и плéчи у него́ прóсто стона́ли. Но он всё равно́ люби́л э́ти «водяны́е» прогу́лки.

Ва́льке нра́вились неяркие зи́мние рассве́ты. Снег и не́бо в э́то вре́мя бы́ли о́чень си́ними, а дома́ ка́зались чё́рными, и в них свети́лись квадра́ты разноцве́тных тёплых о́кон.

Стара́ясь не гро́хнуть ве́драми, Ва́лька вы́брался в се́ни. Си́нее у́тро уже́ просáчивалось в щели. Ва́лька вздохну́л и зака́шлялся: ре́зкий холо́дный во́здух оцара́пал лёгкие. В сеня́х вку́сно па́хло зимо́й: сне́гом, сма́занными лы́жами и ме́рзлым вы́стиранным бельё́м, ко́торое бы́ло развёшано под потоло́ком.

Ва́лька отбро́сил крючо́к и толкну́л дверь.

Он уви́дел сирéновый снег, чё́рные ве́тви над за́бором, а левее́ — тёмные гро́мады но́вых домо́в. В су́мерках ка́залось, что дома́ стоят не за доро́гой, а пря́мо перед Ва́лькой. О́ни слива́лись с за́бором. Окна́ горели́ ре́дко: бы́ло воскрéсное у́тро и во мно́гих кварта́лах ещё́ спа́ли.

А Ва́льке спать́ совсе́м не хоте́лось!

Он поста́вил ве́дра на крыльцо́ и двумя́ пинка́ми сброси́л их в снег.

Тра-та-ра-ра́! Бах!

Ны́нче со́лнце встаёт о́чень ра́но,
Ны́нче день бу́дет дли́нный и я́сный.
Ты послу́шай — гремя́т бараба́ны,
А о́ни не просну́тся напра́сно!

Сóлнце в декабрé встаёт совсём не ráно. Прóсто Вáлька чүвствовал: бўдет хорóший денёк.

Над кры́шами больш́их домо́в не́бо начина́ло светлётъ, и антénны телеви́зоров прорисóвывались в нём чёрными штриха́ми. О́ни бы́ли похо́жи на моде́ли планёров, ещё не обтя́нутые бума́гой.

— То́лько попрóбуйте улетéть! — сказа́л им Вáлька. Подхвата́л ве́дра и вы́шел за калі́тку.

Колóнка наході́лась в концé кварта́ла. Она́ торча́ла у сіней сне́жной доро́ги и была́ похо́жа на озя́бшего ка́рлика с фантасти́чески дли́нным но́сом и в матро́сском берёте с помпо́ном. Обы́чно ка́рлик ску́чал в оди́ночестве: почти́ во всех сосе́дних домо́х был водопровóд.

Но сего́дня ря́дом с колóнкой Вáлька уви́дел заку́танного челове́чка. Малы́ш повёсил на кран ведро́ и копоши́лся у рычага́.

— Андрю́шка, — сказа́л Вáлька.

Ва́ленки малы́ша скользну́ли по выпуклой на́леди, кото́рая окружа́ла колóнку. Он вы́пустил рыча́г, покачну́лся и встал пря́мо.

— Не рабо́тает, — объясни́л он. — Ви́дишь, Вáлька, я нажима́ю, а вода́ не бежи́т.

Вáлька лёг животóм на рыча́г. Ля́згнуло желе́зо, и на э́том де́ло ко́нчилось.

— Вот ви́дишь, — озабóченно повто́рил Андрю́шка.

— Подожди́, — сказа́л Вáлька.

Колóнка нача́ла ме́лко вздра́гивать. Отозвала́сь бўлькающим ка́шлем. Потóм в ней захрипе́ло, закло́тало, и вдруг упру́гая стру́я грянула по веде́рному дну́.

Полве́дра набралóсь в три секун́ды. Вáлька вы́прямился, и рыча́г скакну́л вверх. Колóнка оби́женно фы́ркнула, погуде́ла и успоко́илась. Вáлька сказа́л:

— Такой у неё характер...

Андрюшка взглянул на колонку с уважением и потянулся к ведрó.

— Подожди, сниму́,— сказа́л Ва́лька.— Ута́щишь сто́лько?

Андрюшка припо́днял веде́рko.

— Я бо́льше могу́.

— Хва́тит,— реши́л Ва́лька.— Тебе́ же на тре́тий эта́ж тащи́ть.— И спохвати́лся: — Андре́й! А ве́дь у вас же водопрóвод!

— Да... водопрóвод,— ка́к-то нерешите́льно сказа́л Андрю́шка.— Он то́лько бу́лькает, а из кра́на пузы́ри иду́т. А умыва́ться ве́дь на́до. И ча́й кипяти́ть. Мнóго на́до.

— А кро́ме тебя́, никогó нет, что́бы воды́ принести́?

— Есть... А я ве́дь то́же есть.

— Ну ещё бы. Ты, коне́чно, есть... Да оста́вь ты пока́ ведро́!

Андрю́шка послу́шно опусти́л веде́рko и выжида́тельно гля́нул на Ва́льку. В меховóй шубе́нке и большóй лохма́той ша́пке он каза́лся по́льным и неуклю́жим. Но Ва́лька-то зна́л, что в тёплую оде́жду заку́тан узкоплéчий, ху́денький перво́кля́ссник.

Ва́лька ста́л наполня́ть свой ве́дра. Он налива́л во́ду почти́ до́верху. Что же бы́ло де́лать? Не тащи́ть же при Андрю́шке по полве́дра...

— Пойде́м,— сказа́л он.

— Куда́?

— Ну, не куда́хтай. Сам же говори́л: умыва́ться на́до, ча́й кипяти́ть. Вот и бу́дете кипяти́ть.

— Ну, Ва́лька...— без вся́кой ра́дости проговори́л Андрю́шка.— Не на́до. Я сам.

— Ты сам, а я то́же сам. Ху́же тебе́, что ли?

Андрю́шка две секунды размышля́л. И вдруг обра́довался:

Валька стал наполнять свой вёдра.

— Правда, пойдём! Ты и я.— Он словно о чём-то вспомнил или что-то задумал. Но было ещё не очень светло, и Валька не разглядел его лица.

От колонки до Андрюшкиного дома столько же, сколько до Валькиного. Но ведра-то были почти полные. Руки просто чуть не оторвались. Левое ведро зацепилось кромкой за штанину, и вода ледяным языком скользнула за голенище валенка. Валька зашипел от досады и холода.

— Что? — спросил Андрюшка, не оглядываясь. Он усердно тащил своё ведро вперёд.

— Ногу промочил, — буркнул Валька.

— Я тоже, — утешил Андрюшка.

Пока Валька по одному втаскивал ведра на третий этаж, Андрюшка терпеливо ждал у двери. Дождался и толкнул дверь плечом.

— Мама, я пришёл! И ещё Валька пришёл!

Вальке стало неловко: будто в гости напросился.

Раньше он приходил сюда только два раза, и тогда никого, кроме Андрюшки, в квартире не было. А его родителей Валька видел лишь издалёка, на улице.

Он поставил ведра в маленьком, ярко освещённом коридоре и подумал, что хорошо бы теперь сбежать. Но без ведер не сбежишь.

— Валька пришёл! — вновь жизнерадостно сообщил Андрюшка.

— Не труби ты, — прошептал Валька.

Из комнаты шагнул Андрюшкин отец. У него были лохматые брови, большой лоб с залысинами и широкий, какой-то удивительно добрый подбородок. Человек этот сказал смеющимся голосом:

— Хороший день начинается с хороших гостей. Здравствуй, Валентин.— Он протянул большую ладонь.

Вáлька зубáми сдёрнул заледенёвшую вáрежку и нелóвкó пóдал рúку.

— А ёто что? — Андрюшкин отёц увíдел вёдра.

— Водá,— тíхо сказáл Вáлька. И подумáл, что всё получилòсь глúпо. Обошлись бы и без его пóмощи.

— Агá... — протяну́л отёц. — Ну конёчно... — И спохватíлся: — Пошли в кóмнату! Светлáна, смотри...

— У меня вáленки мóкрые,— попробовал сопротивляться Вáлька. — Я лúчше...

Договáривать не стóило, потому́ что он ужé стоял в кóмнате. И внимáтельными Андрюшкиными глазáми на него́ смотре́ла совсём молодáя Андрюшкина мáма.

— Наконёц-то! — сказáла она́. — А то мы кáждый день слы́шим разгово́ры о тайнственном Вáльке и ни кáк не мóжем на него́ посмотре́ть.

— Какíе разгово́ры? — слегкá обалдéло нáчал Вáлька и умóлк. Сообразíл, что слéдовало бы для нáчала сказáть «здрáвствуйте». Но тепёрь здорóваться бýло ужé смешнó.

Его́ вýручил Андрюшкин отёц.

— Разгово́ры всё одní,— вёсело обьясни́л он. — «Вáлька сказáл», «Вáлька обеща́л», «нáдо у Вáльки спросíть»... Приворожíл ты нáшего дóброго мóлодца, как Мáрья-царёвна. Кстáти, чегó он там вóзится?

Вáлька вýглянул в коридóр. «Дóбрый мóлодец» сидёл на полú и тяну́л с ногí промóкший чулóк. Чулóк тяну́лся мёдленно и потому́ казáлся бесконёчным.

— Тебá отёц зовёт,— мрáчно сказáл Вáлька.

Андрюшка пружíнисто подня́лся. Сня́тый наполовíну чулóк потяну́лся за ним к двéри и оста́вил на полú длíнную сыру́ю полосу́.

— Ты что же ёто? — упрекну́л отёц. — Пригласíл челове́ка и брóсил.

Андрюшка устро́ился на сту́ле.

— Вáлька, ты садись,— попросил он.— Ну, Вáлька... Ты раздётся и садись. Я сейчас.

Он снова потянул чулок, но теперь почти не спускал с Вáлки глаз. Только изредка и быстро поглядывал на отца и мать. Словно спрашивал: «Ну, как вам нравится мой Вáлька?» Потом деловито сказал:

— Мы с ребятами будем крепость строить. Вáлька, ты нарисуешь? Надо план.

— Да ладно... дома,— ответил Вáлька и глянул украдкой под ноги: слишком ли заметные следы оставляют валенки?

— Рисуешь ты очень неплохо,— серьёзно заметила Андрюшкина мама.

Вáлька насторожился.

— Андрей наш вообще заявляет, что ты настоящий художник,— объяснил отец.— Видишь, и рисунок твой вывесил на самом видном месте. Хороший портрет.

Вáлька взглянул на стену и охнул про себя.

На розовой штукатурке, над маленькой Андрюшкиной кроватью, висел альбомный листок. Он был закрыт стеклом и окантован полосками синей бумаги. Будто эскиз или гравюра настоящего художника. На листке был Андрюшка.

А живой Андрюшка сидел на стуле и с удовольствием поглядывал то на Вáлку, то на свой портрет.

«Обор-р-рмот,— подумал Вáлька.— Устроил тут выставку!»

Если бы он знал про такое дело, ни за что бы не отдал рисунок.

Вáлька снова бросил взгляд на листок. Да, а нарисовано было, пожалуй, неплохо. Вáлька теперь это видел. Ведь он смотрел на свою работу свежими глазами, словно посторонний человек. Потому что рисовал Андрюшку он очень давно — четыре месяца назад. В августе.

АВГУСТ. ПЕСЧАНЫЙ ГОРОД

Август начина́лся пло́хо. Ва́лька прие́хал из ла́герь-
я и затоско́вал.

Ла́герь был большо́й, в нём отды́хали ребя́та из
ра́зных городо́в о́бласти. Тепе́рь о́ни разъе́хались кто
куда́. Не́сколько челове́к из отря́да жи́ли где-то на
друго́м конце́, на незнако́мых Ва́льке у́лицах.

Что́бы не береде́ить ду́шу, Ва́лька сре́зал с рукава́
си́ний треуго́льник с вы́шитыми бараба́нными па́лоч-
ками.

Он реши́л наве́стить своих однокла́сников, ребя́т
из бы́вшего четве́ртого «А». Заше́л к одному́ — тот с
роди́телями на ю́ге. Постуча́лся к друго́му — тот на
да́че. Тре́тий чита́л каку́ю-то кни́жку про полёт на
Вене́ру. По́днял на Ва́льку непонима́ющие глаза́, по-
морга́л и сказа́л с ве́жливым зевко́м:

— А, Бегуно́в! Приве́т. Ты тепе́рь не в на́шей шко́-
ле бу́дешь?

— В но́вой, — чуть винова́то объясни́л Ва́лька. —
Она́ бли́же. Я не хоте́л, а роди́тели перевели́.

— Все́ равно́, — лени́во сказа́л бы́вший однокла́с-
ник и о́пять зевну́л. — От на́шего кла́сса ниче́го уже́ не
оста́лось. Полови́на — по но́вым шко́лам, полови́на —
по друго́м кла́ссам...

— Ну, пока́, — вздохну́л Ва́лька.

— Ага́... Пока́.

Одино́чество — как боле́знь.

Конече́но, Ва́лька не сиде́л це́лыми дня́ми с по́ст-
ным лица́м и не взды́хал, как парово́з. В кино́ ходи́л,
кни́жки чита́л, на сосе́дний пруд бе́гал, потому́ что
а́вгуст сто́ял на ре́дкость жа́ркий.

Ва́лька выходи́л во двор, пры́гал че́рез забо́р и
ше́л броди́ть среди́ но́вых домо́в. Эти пятиэта́жные
корпуса́ с тре́х сторо́н обступили́ ста́рый деревя́нный

квартáл. Когда Вáлька уезжа́л в ла́герь, почти́ все о́ни бы́ли пу́стые. А сейча́с в них жи́ли.

Во двора́х и на соседнем пустыре́ ещё не́ были у́браны кучи́ б́итого кирпи́ча, обре́зки труб и раско́лотые бето́нные бло́ки. Незнако́мые ребя́тишки це́лыми дня́ми что́-то стро́или из обло́мков.

Са́мым ста́ршим из э́тих строите́лей бы́ло лет по шесть́ и́ли семь. Други́х ребя́т, повзросле́е, Вáлька ни ра́зу не встре́тил, а лезть в малы́шове́е и́гры бы́ло неудо́бно.

Вáлька уходил на заросший буго́р за пустыре́м, ложился в траву́ и смотре́л на дома́. О́ни бы́ли я́рко-ро́зовые, зеле́ные, све́тло-кори́чневые — расче́рченные бе́лыми кле́тками и разноце́втными по́лосами. Пёстры́е, пра́мо сказа́зный го́род.

Шуме́ла трава́, а вдалеке́ ро́вно и неутоми́мо, как бараба́нщики, би́ли пневмати́ческие молотки́.

Вáлька привы́к быть здесь о́дин. Два ра́за он да́же приноси́л сюда́ альбо́м. И он о́чень удиви́лся, когда́ его́ потрево́жили. Наро́чно потрево́жили. Он лежа́л в траве́, когда́ услы́шал шаги́ и уви́дел перед собо́й ма́ленькие пы́льные санда́лёты. Вáлька по́днял го́лову.

Над ним сто́ял Андри́шка.

Вáлька уже́ тогда́ его́ знал. Не о́чень хорошо́, а та́к, по и́мени. Потому́ что Андри́шка жил в до́ме, кото́рый засели́ли ещё́ весно́й. Но никогда́ ника́ких дел с Андри́шкой Вáлька не имёл, да́же не разгово́ривал. Ка́кие у них мо́гут быть дела́ и разгово́ры!

— Вáлька,— сказа́л Андри́шка,— помоги́ нам утащи́ть до́ску.

У него́ бы́ли све́тло-кори́чневые, ка́кие-то золоти́стые глаза́. Смотре́л он пра́мо и дове́рчиво, бу́дто всё так и ну́жно. Бу́дто Вáлька сию́ секунду́ вскочи́т и неизве́стно заче́м куда́-то что́-то пота́щит.

— Какую доску? — нелюбезно спросил он.

— Обыкновенную тяжёлую доску, — терпеливо объяснил Андрюшка и развёл маленькие ладони. — Вот такую широкую. Мы её под кирпичами раскопали, но она сырая и тяжёлая.

— Вы раскопали, а я должен тащить её, сырую и тяжёлую, — уточнил Валька. — Так?

— Ты с одного конца, а мы с другого, — сказал Андрюшка. Видно, не понял он Валькиного ехидства и смотрел всё так же — открыто и доверительно. Только нетерпеливо шевельнулись плечи. — Ну, Валька, встань... Ну пожалуйста.

Ровно и напряжённо стучали пневматические молотки. На руках у Андрюшки были длинные белые царапины.

Валька встал.

— Зачем вам доска?

— Для парохода.

Пароход был устроен просто: низенькие борты из фанерных обломков, помятый обрезок водосточной трубы посередине, длинная палка с перекладиной — мачта. Не хватало только палубы и руля.

Доску положили внутри бортов на кирпичные подставки. Она прогибалась и покачивалась, будто настоящая палуба расшатанного парусника. Велосипедное колесо для штурвала принёс Павлик — удивительно тихий семилетний мальчик.

— А вечером будут сигнальные огни, — тихонько сообщил Андрюшка. Он словно делился с Валькой секретом в благодарность за помощь. — У нас батарея есть и две лампочки.

— Сигнальные огни бывают цветные, — заметил Валька. — С одной стороны зелёный, с другой — красный.

— Цветных нет, — со вздохом сказал Павлик.

— Где их возьмёшь, цветные-то... — мрачно произнесла коротко остриженная девчонка Ирка.

— Может быть, выкрасить лампочки? — задумчиво спросил Андрюшка и с ожиданием стал смотреть на Вальку.

Если бы они строили какую-нибудь ерунду и если бы Валька был чем-нибудь занят... Но они строили корабль. А Валька всё равно томился от безделья и одиночества. Он сказал:

— Пойдём.

Он привёл Андрюшку домой и выволок из-под кровати картонную коробку. Стёкла в коробке трескливо и тонко задребезжали.

— Ох... — шёпотом сказал Андрюшка. Солнце вместе с ним заглянуло в коробку, и разноцветные пятна разлетелись по потолку, словно большие бабочки.

Стёкла были разные: маленькие, как прозрачные леденцы, и большие, с Валькину ладонь.

— Это твой? — изумлённо спросил Андрюшка. — Тебе их кто дал?

— Сам собрал, — небрежно сказал Валька. — Когда ещё маленький был.

Он врал. Он собирал их в прошлом году. Из этих стёкол он хотел сложить картину, вроде тех, которые давным-давно делал Ломоносов. Валька прочитал о стеклянной ломоносовской мозаике в какой-то книжке, и его фантазия разыгралась. Но стеклянные осколки не держались в пластилиновом переплёте, и Валькина затея рассыпалась.

А стёкла Валька пожалел, не выбросил...

Андрюшка стоял перед коробкой на коленях. У него было очень серьёзное лицо. Словно он увидел не цветные стеклышки, а разбитую и сыпанную в коробку радугу.

Вáлька вы́брал ему́ две стеклянные пласти́нки — руби́новую и я́рко-зеле́ную.

— Вот вам для сигна́лов. Хва́тит?

— Хва́тит...

Вáлька ного́й задвину́л ко́робоку под крова́ть.

— Пойде́м.

Андрю́шка послу́шно подня́лся. У дверей он огляну́лся, но разноце́вные ба́бочки уже́ улетели́ с потолка́...

Три ве́чера подря́д в большо́м дворе́ свети́лись сигна́льные огни́ парохо́да и кипела́ шу́мная морская́ жизнь. Вáлька иногда́ сади́лся в сторо́нке на раско́лотую бето́нную ба́лку и слу́шал, как Андрю́шка отдаёт кома́нды. Кома́нды были́ смешные́, а го́лос во́все не капита́нский, но экипа́ж су́дна подчи́нялся.

Вáлька не понима́л, почему́ капита́ном вы́брали Андрю́шку. Почему́ и́менно его́, а не зади́ристого То́лько Са́жина, или не громкоголо́сого Юрку, или, в конце́ концов, не Ирку-скандали́стку. Андрю́шка ре́дко бе́гал, не суети́лся и никогда́ не крича́л. И е́сли да́же случáлось что́-то о́чень ва́жное, он не подпры́гивал и не ора́л, а рассказы́вал неторопли́во и негромко́. Не всем сразу́, а кому́-то одному́.

Почему́ же его́ сде́лали капита́ном? Из-за костю́ма, что ли?

Андрю́шка носил то́гда матро́сский бе́лый костю́мчик с голу́бым воротни́ком и а́лым я́корем на карма́шке. А под матро́ску он, несмотря́ на жару́, на́тягивал ещё́ настоя́щую тельня́шку. Тельня́шка была́ не о́чень широ́кая, но дли́нная. Внизу́ она́ выполза́ла из коро́тких штанов́ большо́ими полоса́тыми язы́ками. Андрю́шке приходи́лось ка́ждую мину́ту за́талкивать их о́братно, и он тра́тил на них у́йму вре́мени. Но и в э́том слу́чае не теря́л споко́йствия.

Когда парохóд шёл к дальним берега́м, Андрю́шка стоя́л на па́лубе, чуть расста́вив но́ги и объ́яв себя́ за плéчи. Он пока́чивался на упру́гой доске́ и негро́мко роня́л кра́ткие распоря́жения.

Ва́лька та́ким и нарисова́л его́. То́лько уже́ не на па́лубе.

Он изобрази́л Андрю́шку возвыша́ющимся над его́ владéниями. Владéния лежа́ли у ма́леньких сто́панных сандалéт и называ́лись Песча́ным го́родом.

Пра́вильнее бы́ло бы сказа́ть: Песчо́чный го́род, но э́то звуча́ло бы пло́хо. Бúдто песчо́чный тóрт и́ли песчо́чное печéнье.

И назва́ли его́ Песча́ным.

Го́род появи́лся по́сле то́го, как был израсхо́дован запáс батарéек для сигна́льных фонарéй и пропа́ла корабéльная ма́чта. Ктó-то унёс её, что́бы сде́лать антéнну для телеви́зора.

Утром к Ва́льке пришёл Андрю́шка. Нерешíteльно встал у откры́той двéри.

— Ты чего́? — спроси́л Ва́лька.

Андрю́шка помолча́л и негро́мко сказа́л от поро́га:

— Здра́вствуй, Ва́лька... Зна́ешь что, Ва́лька? Те тво́й стёкла тебе́ заче́м?

Ва́лька посмотре́л на него́ с интере́сом:

— А тебе́?

Андрю́шка тереби́л вы́ползший язы́к тельня́шки.

— Там песоќ привезли́... Но́чью до́ждик был, песоќ тепе́рь мо́крый. Мо́жно го́род пострóить,— задúмчиво сказа́л он.— С разноцвётными стёклами́ был бы хоро́ший го́род.

Стёкла Ва́льке бы́ли ни́ к чему́. Прóсто он приви́к, что он́и есть. Та́кие прозра́чные, я́ркие, как разноцвётные огонё́к. Ста́ло немно́го жаль.

— Мы поигра́ем и отда́дим,— вдруг пообеща́л Андрю́шка.— Мы не потеря́ем.

— «Отдадим»...— проворчал Вáлька.— Не сме-
ши... Тащи их из-под кровáти.

От рáдости Андрюшка потерял вьдержку. Под-
скочил к Вáлкиной кровáти и поспéшно брякнулся
на пол — колéнки и лóкти слóвно деревьáшки стýкну-
ли о половицы. Он вытянул корóбку, и разноцвётные
бáбочки взлетéли к потолоку.

— Мóжно всё взять? — шёпотом спросил Анд-
рюшка. Золотистые глаза его сияли.

— Мóжно.

У калитки Андрюшку ждалá вся компáния: Пáв-
лик, Юрка, Тóлька Сáжин, Ирка-скандалистка и два
пятилётних малышá.

Андрюшка сошёл с крыльцá и оглянóлся на Вáль-
ку: «Пойдёшь?»

Вáлька немного подумал и пошёл.

Конéчно, он шагáл в сторонé от шумной ватáги,
и никто не мог сказáть, что ему, Вáлке Бегунóву, за-
хотéлось повози́ться в пескé с дошколятами и перво-
клáсниками.

Взрóслых нé было виднó в Андрюшкином дворе.
Вáлька оглянóлся и вмéсте со все́ми подошёл к песóч-
ной гру́де. Она́ была насыпана у стены, в тени, и пе-
сók ещё не вы́сох пóсле ночнóго дождя́.

— Это нáша Жёлтая горá,— доверительно про-
шептáл Вáлке мáленький тihий Пáвлик.— На ней
бóдет гóрод.

— Нáдо спервá начертить úлицы,— сказáл Тóль-
ка Сáжин и сосредотóченно сдвинул брóви, похожие
на чёрные клáксы.

— Нáдо спервá хоть одiн дом пострóить,— замé-
тила Ирка.

— Какóй? — сýхо спросил Сáжин.

— Хоть какóй,— глядя в нéбо, сказáла Ирка.

— Ин-те-рéсно...— произнёс Тóлька и пóднял лé-

вую бровь-кляксу.— Кто это будет строить дом, если никто не знает, где будет улица?

— Интересно, кто это видел улицы без домов? — въедливо произнесла Ирка и сжала губы.

— Увидишь,— пообещал Сажин и прищурился.

— Да ну? — сказала Ирка.

— Ну, вы! — встревоженно начал Андрюшка.— Хва...— и не кончил.

Они сшиблись, как всадники на полном скаку, и, сцепившись, рухнули на песок.

Они коротко и зло сопели.

Они вздымали локтями песочные фонтаны и взбрыкивали худыми ногами.

— Вот бешеные,— горестно прошептал Павлик и отступил на два шага.

Стриженный толстощёкий Юрка страшно округлил глаза и заорал:

— Прекратить!!

Всё это случилось в несколько секунд. Валька даже не успел растащить рассвирепевших архитекторов. Они сами отлетели друг от друга, как резиновые куклы.

Они сидели в двух метрах друг от друга и дышали часто-часто. Ирка прижимала языком разбитую нижнюю губу. Толик осторожно трогал царяпину, которая тянулась от уха до подбородка.

— Заработала? — деловито спросил Толька.— Ещё хочешь?

— А ты? — коротко осведомилась Ирка.— Бамбес.— Она хотела сказать «балбес», но мешала губа.

— Кончили? — тихо спросил Андрюшка. Они взглянули на него и разом вздохнули.

Андрюшка отвернулся и объяснил Вальке:

— Каждый день так. Иногда два раза в день.

— Разве так строят города? — с досадой сказал Валька. — Надо же план.

Он разорвал коробку из-под стекол и карандашным огрызком на куске картона изобразил старинный многобашенный город. Бросил картонку Андрюшке и отошёл подальше.

Он устроился на треснувшем бетонном блоке, уже тёплом от солнца.

А на Жёлтой горе шла работа.

Вырастали круглые башни. Ощетинивались зубцами стены. Поднимались купола главного дворца.

Ирка-скандалистка и Толька Сажин выводили арку больших крепостных ворот. Они трудились рядышком, щека к щеке. Толькина царапина припухла и порозовела, а Иркина губа вздулась и повисла, как оторванная подошва. К ней прилипли песчинки. А ворота с башнями по сторонам получились неплохие.

Андрюшка сидел на корточках в самой середине города. Он мостил цветными осколками центральную площадь. Он не просто так покрывал её кусочками стекла, а, кажется, хотел выложить какой-то узор. Но узор, видимо, не получался. Андрюшка хмурился и покусывал губы.

Валька мог бы подойти и помочь, но чувствовал, что Андрюшка не обрадуется. Валька знал, как это плохо, если за спиной появляется непрощенный советчик или зритель.

Андрюшка встал, шагнул, как Гулливер, через городскую стену и в раздумье стал смотреть на город.

Он стоял, обняв себя за плечи и наклонив голову. Матросский воротник на правом плече вздыбился до уха. Лицо у Андрюшки было очень сосредоточенное и немного обиженное: «Не получается почему-то...»

Вáлька взглянул и почти машинально попробовал пáльцем остриё карандашá: «Хорóш? Годится?»

На куске картóна он осторóжно вы́вел кóнтур мáленького óстро́го подборóдка. Потóм легкó прочертíл две скóбки — получи́лась нíжняя губá приоткры́того Андрю́шкиного рта. Вéрхнюю губу́ Вáлька на́метил однóй тóнкой чё́рточкой. Он знал: лишние штрихí никогда́ не у́силивают схóдства. Глáвное — тóчность.

Андрю́шка стоя́л не шевеля́сь. Бúдто дога́дывался, что э́то о́чень нúжно Вáльке. А Вáлька ужé нéсколькими лíниями набросáл отрóсшую Андрю́шкину чёлку и провёл корóткие чё́рточки бровей. Нос у Андрю́шки совсё́м простóй: Вáлька поста́вил над вéрхней губóй мáленькую скóбку — и всё.

Сáмое трúдное — э́то, конéчно, гла́зá. Осóбенно когдá их почти́ не вíдно в тенí ресни́ц. Вáлька, чуть дышá, вы́вел тóнкие полумёсяцы опу́щенных век. Аккура́тно прочертíл уголки́ глаз. Нéсколькими тóчками отмéтил ресни́цы. А потóм волося́ными штриха́ми прорисова́л окру́женные свéтлыми ободка́ми зрачки́ — так осторóжно, слóвно он был хирúрг и проводíл остриём по живóму гла́зу. Он не мог ошибáться. Ведь у него́ нé было резíнки.

И, мо́жет быть, хоро́шó, что её́ нé было. Осторóжность помогла́ Вáльке. Он отложи́л каранда́ш, взглянул на Андрю́шку, потóм на рису́нок и уви́дел: похóж. Как ни смотри́, а похóж.

Схóдство рéдко удава́лось Вáльке, и тепёрь он о́чень обра́довался.

Нúжно бы́ло обяза́тельно за́кончить рису́нок. Каранда́ши́к заплясáл по картóну. Вáлька рисо́вал Андрю́шку в пóлный рост. Тóнская ше́я, сбíтый воротни́к матра́ски, мятые штаны́, клок тельня́шки, мáленькие ладо́ни на у́зких плеча́х, сандалёта́ с отскочи́вшим

Лицо у Андрюшки было сосредоточенное и немного обиженное: «Не получается почему-то».

ремешком на правой ноге. Лёвая нога почти до колёна была закрыта крепостной башней.

На остроконечной башне рубиновым светом горел маленький стеклянный осколок...

Взрослые всё чаще проходили недалеко от песочной кучи. С любопытством поглядывали на растущий город, а заодно и на Вальку. Валька встал, сунул картон под рубашку и зашагал домой. Андрюшка посмотрел вслед, но окликнуть, видимо, не решился.

Дома Валька взял резинку и убрал из рисунка всё лишнее. Торопливые короткие штрихи заменил точными лёгкими линиями, и портрет сделался гораздо лучше. Выразительнее.

Валька осторожно перенёс его на папиросную бумагу, а с неё — на альбомный лист. Потом достал чёрную тушь и обвёл карандашные линии тонким пером. Особенно долго он колдовал над лицом Андрюшки, боясь изменить даже самую крошечную черточку.

Кажется, вышло как надо.

Маленький тонкий Андрюшка в задумчивости стоял над Песчаным городом. Впрочем, город получился не очень хорош. Контур крепостных зубцов и башен был слишком ломаным и небрежным. «Если прорисовать ворота и бойницы, будет лучше», — подумал Валька. Но сделать ничего не успел. Взглянул на часы и охнул: было время обеда, а он ещё не сбегал за хлебом...

Уже после двух часов, когда мама и отец снова ушли на работу, Валька взял альбом. Но распахнулись двери, и без стука шагнул в комнату Андрюшка.

— Валька... Кто-то разломал наш город.

Он сказал это тихо, почти виновато. Но глаза у него были совсем не робкие. Потемневшие. Какие-то требовательные глаза...

Город лежал в развалинах. И площадь, недавно блестящая стеклянными узорами, была перепалана и полусасыпана песком. А по песку, по склонам Жёлтой горы, как следы чудовищного змея-хищника, вились изорванные отпечатки велосипедных шин.

Все ребята были уже здесь. Горластый Юрка теперь стоял, крепко сжав губы, и колотил себя по колену смятой тюбетейкой. Два пятилетних малыша — Витька и Борис — одинаково приоткрыли рты и смотрели на развалины опасливо и удивлённо.

Андрюшка опустился на корточки и начал молча выбирать из песка цветные осколки. Потом спросил:

— Валька, теперь тебе их обратно отдать?

— Ну что ты! — торопливо сказал Валька. — За чем он...

Маленький Павлик неслышно подошёл к Вальке и объяснил:

— Нас позвали обедать, и мы все пошли. А кто-то приехал и всё сломал... Почему?

Валька не знал почему. Он отвёл глаза и посмотрел на Ирку. Ирка-скандалистка молча плакала. Так плачут упрямые мальчишки, когда какая-нибудь беда всё-таки доведёт их до слёз. Иркины слёзы падали на утрамбованный подошвами песок и оставляли следы, похожие на крошечные лунные кратеры. Валька машинально подумал, что когда-то уже видел такие следы капельных ударов.

Он услышал мягкий шорох тормоза, оглянулся и увидел велосипедиста.

Вернее, сначала увидел лишь колёса. У Вальки хорошие глаза. Он издалёка разглядел узор на передней шине. «Он», — подумал Валька.

Тогда он посмотрел на хозяина велосипеда.

Это была знакомая личность. Витька Волощук, с непонятным и ласковым прозвищем «Козлик».

В прошлом году он учился в той же школе, что и Валька, только не в четвертом классе, а в пятом.

— Это он,— чуть слышно сказал за спиной Павлик.

Витька, улыбаясь, смотрел на Вальку.

— Привет, Бегунец! Ты разве тут живешь?

— Это он,— злым шепотом сказала Ирка.

Валька быстро оглянулся. Строители Песчаного города стояли позади почти ровной шеренгой. Они смотрели на Вальку с напряженным ожиданием. Валька знал, чего они ждут.

Руки у него противно ослабли: Валька не умел драться. Не встречал он еще в жизни таких врагов, с которыми надо сходитья один на один и драться всерьез. Были, конечно, короткие стычки, были общие свалки, в которых больше шума, чем дела, но там не требовалось ни умения, ни особой смелости.

— А я, понимаешь, уже две недели здесь живу, а знакомых не вижу. Тоска — как на кладбище! — весело продолжал Козлик. Он смеялся. Он был рад, что встретил Вальку. Хоть не очень хороший знакомый, но всё-таки из одной школы. Козлик прыгнул с седла и положил велосипед.

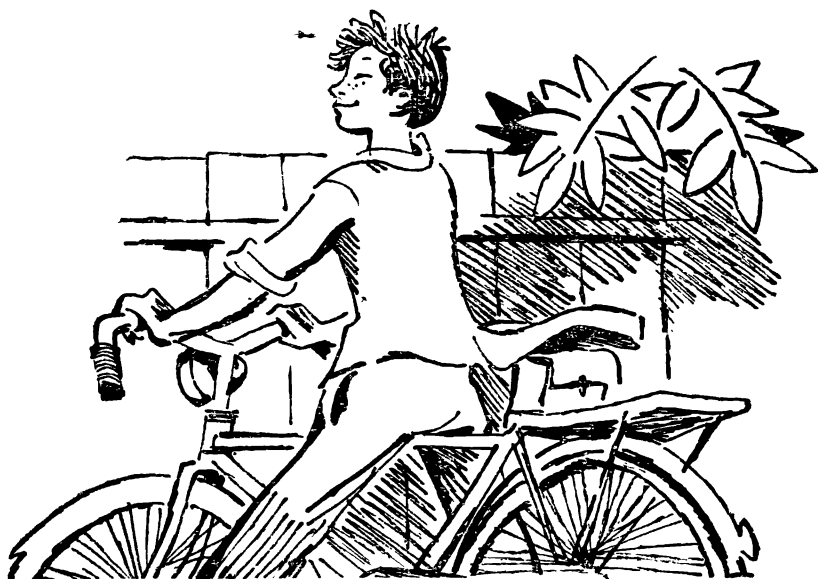
Валька криво улыбнулся и стал подходить к Витьке. Позади он слышал шаги: кто-то двинулся следом. Андрюшка?

— Привет... — сказал Валька Козлику. Шаги оборвались — Андрюшка отстал.

— Что, новая машина? — Валька кивнул на велосипед.

— Отец вчера купил, — охотно объяснил Козлик. — Еле-еле я его сагитировал.

У него было круглое белобровое лицо и коротенькие светлые волосы. Они торчали косичками, как чистые рожки. Может, поэтому он — Козлик?

Переднее колесо велосипеда медленно вертелось, и по спицам прыгали солнечные искры.

За спиной у Вальки было молчание.

— Ну как ездит? — проговорил Валька.

— Люкс! Как по воздуху!

— А по песку? — хриловато спросил Валька. —
Тожe как по воздуху?

— Тянет и по песку. Один раз только забуксовало, там, на ихней куче. Прямо на ихних домиках. Ладно, хоть шины на стеклах не пропорол.

— Ты, — медленно сказал Валька, — гад...

Козлик очень удивился. Он даже не рассердился сначала. Он подумал, что Валька шутит. А когда увидел, что шутки никакой нет, попросил:

— Повтори!

И выпрямился. И стал выше Вальки на полголо-

вы. У него были голубые колющие глазки и длинные мясистые руки. И повторять было незачем.

Валька размахнулся и неумело, из-за плеча, ударил кулаком по Витькиному носу.

— Ух ты... — изумлённо сказал Козлик. Он уже развернулся для ответного удара, но вдруг заморгал, поднёс к лицу ладонь и зажмурился. Из носа густыми струйками текла очень тёмная кровь.

Козлик басовито заревёл. Это было неожиданно и непонятно. Валька даже испугался.

— В чём дело? — спросил кто-то негромко и резко. Рядом с Витькой встал невысокий сухощавый капитан милиции.

«Ну всё», — уныло подумал Валька.

— В чём дело? — повторил милиционер.

И вдруг взорвались тонкие ребячьи голоса. Словоно гомон потревоженных воробьёв. И можно было в этом шуме разобрать, что во всём виноват бандит и разрушитель Витька Козлик, а Валька ни в чём ни капельки не виноват. А можно было и ничего не разобрать. Но капитан понял. Он посмотрел на Витьку, поморщился и, сдерживаясь, приказал:

— Марш домой! Сюю же ми-ну-ту... Там поговорим. — Он повернулся и зашагал прочь. Цок-цок-цок — щёлкали по асфальту каблук.

Витька Козлик, не глядя на Вальку, потащил к подъезду велосипед.

— Это отец его. Он ему покажет, — задумчиво, но без сочувствия сказал Павлик.

— Так ему и надо, — беспощадно заключила Ирка.

У Вальки противно вздрагивали локти. Однако дело закончилось как надо. Можно было уходить...

Он вернулся домой и с удивлением продолжал

вспоминать о своей случайной доброте. А минут через десять снова пришёл Андрюшка.

— Та картинка, где город...— начал он.— Ты унёс. Разве она тебе нужна?

— Нет. А тебе?

— Может быть, мы снова построим.

— Возьми. Там, на столе.

Андрюшка шагнул к столу и странно затих там.

— Это я?— Он смотрел на раскрытый альбом, который Валька забыл убрать.

— Мало ли кто...— проворчал Валька.

Андрюшка навалился на стол грудью.

— Правда, я...— сказал он шёпотом.— Ну и ну...

Он долго смотрел на рисунок. Потом выпрямился и с трудом вытащил из тесного кармана штанишек складной ножик-малютку.

— Давай меняться, Валька. Давай, а? Он хороший, только кончик обломанный. Но его подточить можно. Я сам могу подточить.

Он держал на ладонке своё сокровище с коричневой ручкой из пластмассы и смотрел на Вальку почти умоляюще.

Что-то случилось с Валькой: он засмеялся и осторожно вырвал из альбома листок. Взял ножик и опустился в карман Андрюшкиной матрочки. Протянул рисунок.

— Возьми ты его, если надо... Меняльщик. Догадался тоже... Я же ещё могу сделать.

Конечно, он снова мог перевести Андрюшкин портрет в альбом с картона и папиросной бумаги. Но теперь, когда рядом был живой Андрюшка, рисунок не казался Вальке удачным. Так себе...

Андрюшка свернул листок в небольшую аккуратную трубку.

— Я, Валька, пошёл.

— Подожди, я с тобой. А то Козлик повстречается да навешает тебе блинов.

— Тю! Навешает... Я скажу, что ты ему тогда ещё не так навешаешь.

«Гм»,— самокритично подумал Валька.

— Его теперь никто бояться не будет,— добавил Андрюшка.— И вообще...

Что такое «вообще», Валька понял через два дня. Он случайно услышал, как совершенно незнакомая маленькая девочка кричала какому-то большому парню:

— Только придёшь ещё, ходи! Валька Бегунов тебе ка-ак даст!

«Поздравляю вас, товарищ Бегунов»,— ехидно подумал Валька. И вдруг он встревожился: а что, если Андрюшка начнёт всем рассказывать не только о Вальке-защитнике, но и о Вальке-художнике? И рисунком начнёт хвастаться? Этого ещё не хватало!

Но ничего такого не случилось. Валька решил, что Андрюшка потерял или забросил рисунок.

А оказывается, что он не потерял и не забросил. Вывесил Валькино произведение на стенку и радуется.

Валька натянул шапку.

— Надо мне идти. До свиданья.

— Постой, постой.— Андрюшкин отец взял его за локоть.— Ты давай раздевайся. У нас уже чай готов.

— Разве у вас починили водопровод?

— Водопровод? Да его и незачем чинить. Всё в порядке. Временами только давление ослабевает, но это пустяк. На минуточку.

— Ну да, на минуточку...— угрюмо сказал Андрюшка.

Отец покосился на него и с усмешкой объяснил:

— У этого товарища свои соображения. Ты думаешь, он зачем с ведром на улицу отправился? Чтобы показать, какой он большой и самостоятельный. Мало того. Случилась вещь вообще небывалая: уже два вечера подряд он моет посуду. А зачем ему это надо? Для авторитета? Ничего подобного. Дело в том, что этот товарищ желает иметь коньки на ботинках. А его бесчувственные родители коньки покупать не спешат, потому что боятся отпускать его одного на каток...

Андрюшка сполз со стула и полёз под кровать за тапочками. Из-под кровати он сказал:

— Мы бы с Юркой Померанцевым вместе ходили.

— Ох уж этот Юрка Померанцев! — со вздохом произнесла мама и обратилась к Вальке: — Жаль, что ты не катаешься на коньках.

Она, оказывается, знала и это!

Андрюшка выбрался с тапочками в руках. Валька заметил у него на ресницах маленькие прозрачные капли.

«Скверное дело», — подумал он.

— Ну ладно, — торопливо заговорил отец. — Как-нибудь решим. До зарплаты о коньках всё равно думать нечего.

— Всё-таки я пойду, — сказал Валька. — Дома, наверно, ждут. У нас-то в самом деле нет водопровода.

Андрюшка поморгал, стряхивая капли, виновато улыбнулся и попросил:

— Ты, Валька, не забудь про крепость.

— Не забуду, — сказал Валька. Он осторожно просовывал в отсыревшую варежку руку с забинтованным пальцем.

— Порезал? — сочувственно спросил Андрюшка.

— Обжёг. Да так, чепуха, — отмахнулся Валька.

УТРО. ПАРУСА

Пóсле зáвтрака мáма спросíла мимохóдом:

— Надéюсь, ты не забы́л?

Вáлька сдéлал невинные глаза́:

— О чём?

— О парикмáхерской, рáдость моя,— сказа́ла она́.— Прóсто поразíтельная у тебя́ пáмять.

Вáлька поскрёб в заты́лке.

— Я не забы́л. Но рáзве парикмáхерские откры́ты по воскресéням?

— Не валя́й дуракá,— последовал отвéт.

Мáма стоя́ла перед зéркалом и примеря́ла но́вую кúртку с сереб́ряными пúговицами и нашíвками. Она́ рабóтала бухгáлтером в управлénии желéзной дорóги, и ей полага́лась фóрма.

— Ты похо́жа на капитáна дáльного плáвания!

— Очень приятно,— сказа́ла мáма.— А ты похо́ж на дикобра́за.

— «Дикобра́з» пишется с двумя́ «о»,— спроси́л Вáлька,— или с одním?

— Валенти́н...

Вáлька вздохну́л.

— Поразíтельная вещь! — возмути́лась мáма.— Человéку одíннадцать с полови́ной лет, а он бо́ится стри́жки, как младéнец.

Вáлька обíделся:

— «Бо́йться»! Вре́мени жа́лко. На лы́жах пока́таться хоте́л. Тако́й денёк...

— Успе́ешь. Денёк твой впереди́.

— Па́па, заступи́сь,— попроси́л Вáлька.

Оте́ц вы́глянул из-за газéты.

— Ещé чего́! Чтóбы и меня́ погна́ли в парикмáхерскую? — Он осторо́жно погла́дил свою́ аккуратную лы́сину.

— Вот так всегда,— вздохнул Валька.— Нет, чтобы поддержать, как мужчина мужчине.

— Иди, иди, мужчина,— сказала мама.— А то сама постригу.

И Валька пошёл. На улице он сразу понял, что упирался зря: в такую погоду прогуляться по городу — одно удовольствие. Утро было искристо-розовым. Мороз поскрипывал, как тугое яблоко в крепких ладонях мальчишки.

Настроение у Вальки было солнечное. День начинался совсем не плохо: морозные звёзды в окне, чёрные антенны-планеры на больших домах, Андрюшка и его родители, которые, оказывается, считают Вальку своим человеком...

Валька шагал и насвистывал, хотя при морозе это довольно трудно.

На автобусной остановке галдели и веселились малыши. Человек тридцать. Наверно, первый класс. Тут же была их учительница, совсем молодая, похожая на Валькину сестру Ларису, которая училась на геолога в Ленинграде. Учительница наводила порядок:

— Иванов! И-ва-нов! Зачем ты полёз в снег?! Сейчас подойдёт автобус, сию же минуту становитесь в пары!.. Андреев! Коля Андреев! Кому я говорю!.. Никто не смейте выходить на дорогу — там машины!.. Малеева и Ковальчук никуда не поедут, а медленно пойдут домой, если не перестанут толкаться. Никуда не отходите... А где Новосёлов? Новосёлов Игорь!

Новосёлова Игоря не было. Едва наметившиеся пары опять рассыпались.

— Ребята, кто его последний раз видел? Тише, отвечайте по порядку! Ой, да замолчите же вы!

— Шичас придёт,— пробубнила толстая девчонка, до носа закутанная шарфом.— Он шкоро...

— Вон он идёт! Вёра Пáвловна, вот он!

— Ура́, Новосёл!

Ва́лька огляну́лся, о́хнул и остано́вился. Если бы он был девчо́нкой, то, на́верное, завизжа́л бы от востор́га. Новосёлов был пр́осто вели́коле́пен! Ры́жая уша́нка сиде́ла на его́ голове́ удиви́тельно ли́хо — бо́ком. Она́ сползла́ ему́ на ле́вую бровь, а с пра́вой сторо́ны открыва́ла лоб. Одно́ у́хо ша́пки торча́ло в сто́рону, как у ве́сёлого щенка́, и пружинисто подпрыгивало. Шарф распусти́лся и лежа́л на плеча́х широ́ким зелёным ко́льцом.

То́нкая ше́я Новосёлова торча́ла из рассте́гнутого мохна́того воротника́, сло́вно из гра́чьиного гнезда́. На крúглом лице́ его́ было́ написа́но блаже́нство. Осторо́жно не́с он перед собо́й распеча́танное эскимо́. Че́рез ка́ждые два шага́ Новосёлов ра́достно жму́рился и ро́зовым языко́м касáлся шокола́дного бо́ка. Он держа́л моро́женое го́лыми па́льцами, а прише́тые к рукава́м ва́режки раска́чивались на тесёмках, как ма́ятники.

Вот схвати́ть бы сейча́с каранда́ш, вста́ть бы с альбо́мом в те́нь, за вы́ступ до́ма... Вот был бы рису́ночек! Да́же назва́ние придума́лось сра́зу: «Наруши́тель».

«Ну ла́дно, — подума́л Ва́лька. — Я его́ запо́мню, а до́ма сяду́ за рису́нок».

А у Ве́ры Па́вловны Новосёлов ра́дости не вы́звал. Наобо́рот.

— Это что же такое?! В такой мороз! Кто тебе разрешил? Новосёлов, перестань сейчас же! Где ты был? Я кому говорю!

Но бронебойная очередь запрещений и вопросов не задела Новосёлова. Он приближался всё так же медленно и молча. Остановился.

— Где ты его ухитрился купить? — отчаянным голосом спросила Вёра Павловна.

Новосёлов махнул в сторону гастронома:

— Тама... — Один глаз его был в тени шапки, а другой, синий и блестящий, преданно смотрел на учительницу.

— Не смей есть мороженое! Ангину хочешь получить?

— Не бросать же теперь уж, — рассудительно заметил Новосёлов и нахально откусил почти полпорции.

В толпе заняли:

— Новосёл, обжора...

— Дай лизнуть...

Новосёлов щедрым жестом, не глядя, протянул эским. Оно прошло по рукам, как эстафетная палочка.

— Вёра Павловна, вам оштáвить? — пробубнила закутанная девчонка.

— Оставьте меня в покое, мучители, — скорбно сказала Вёра Павловна.

Валька засмеялся и зашагал вдоль чугунной заиндевшей решётки газона.

Парикмахерская находилась на улице Павлика Морозова. Последний раз Валька был здесь в середине октября. Моросил серый дождик, а к зеркальной витрине парикмахерской прилипли жёлтые берёзовые листья. На громадном стекле витрины белели надпи-

си: «Мужской и женский зал. Стрижка, перманент, окраска волос, бороды и усов. Маникюр». Кроме того, там был изображён лупоглазый красавец с аккуратным пробором.

Но вот что значит не стричься два месяца! Оказалось, что за это время парикмахерская исчезла.

Не было синей вывески. Пропали белые надписи. Над знакомой дверью блестели незнакомые слова, составленные из трубчатых стеклянных букв:

Молодёжное кафе „Бригантина“

А в витрине Валька увидел натянутый на раму холст, на котором был изображён масляными красками грязный трёхмачтовый парусник. Очевидно, художник считал, что это и есть бригантина.

Валька не успел даже удивиться и подосадовать, что парикмахерской нет на старом месте. Парусник сразу привлек его. Не красотой привлёк. Наоборот. Это была какая-то баржа, к которой добавили мачты с раздутыми, как пузыри, парусами. Видимо, художник разбирался в парусах, как Валька в кибернетике.

Оставалось пожать плечами и пойти на поиски другой парикмахерской.

А Валька стоял.

Всё-таки картина чем-то привлекала. Было в ней среди разных нелепостей что-то верное и хорошее.

Что?

Не мог Валька понять.

Художник знал какой-то секрет, а Валька не знал.

Он зажмурился, подождёт несколько секунд и широко распахнул ресницы. Нет, не помогло. Трёхмачтовый парусник берёт свою маленькую тайну.

Валька отвёл глаза и тихонько плюнул с досады. Его прозрачное отражение в стекле тоже плюнуло и

смóршилось. Вáлька глянул на него́ сердíто. И тут замéтил ещё́ одно́ отражéние — дéвушку в в́язаной ша́почке и в пальто́ с воротникóм, похóжим на меховóй калáч.

Ша́пка и пальто́ бы́ли незнако́мыми, а ли́цо — знако́мым. Оно́ смотре́ло из стекла́ на Вáльку вéсело и слегкá удивлённо.

— Ой, здра́вствуйте! — сказа́л он и оберну́лся.

— Здра́вствуй, — сказа́ла она́. — А я иду́ и ви́жу: кто́-то знако́мый на себя́ любéется.

Вáлька немно́го смути́лся.

— Я не на себя. Вот на него́.— Он кивну́л на па́русник.

— Нра́вится?

— М-м...— Ва́лька сморщил нос и помота́л голово́й.

— Почему́? А по-мбему, ниче́го.

— Непра́вильно нарисова́но,— сказа́л Ва́лька.— Смотрите, напи́сано: «Бриганти́на». Ра́зве быва́ют трёхма́чтовые бриганти́ны?

— Че́стное сло́во, не слы́хала,— призна́лась она́.

— О́ни всегда́ двухма́чтовые,— объясни́л Ва́лька.— Бриганти́на — значи́т шху́на-бриг. На фок-ма́че прямы́е паруса́, на гроте — га́фельный. И то́псель. А стексе́ля! О́ни так никогда́ не раздува́ются. О́ни же кре́пятсЯ на шта́гах, а шта́ги...

Ва́лька замолча́л, потому́ что уви́дел: она́ смеётся. Смеётся и поднимáет ру́ку, сло́вно хо́чет защити́ться от него́ вяза́ной ва́режкой.

— Бегуно́в, пощади́! Я же ни ка́пельки не понима́ю...

Ва́лька на секунду́ растеря́лся. Чтóбы ка́к-то за́кончить разгово́р, он пробормота́л:

— В о́бщем, это, наве́рно, трёхма́чтовый барк,— и рассмея́лся. В са́мом де́ле, получи́лось смешно́.

Она́ сказа́ла:

— Ве́рю вам, капита́н. Но... тебе́ в ка́кую сто́рону?

— Хо́ть в ка́кую. Мне одина́ково.

— Я живу́ на Пу́шкинской.

— По пу́ти,— совра́л Ва́лька. Почему́-то ему́ не хоте́лось проща́ться. Но о че́м говори́ть, он то́же не знал и шага́л, мо́лча глядя́ по́д ноги.

— Кажется, подорвала́ я свой авторите́т, да? Учи́тельница геогра́фии — и не зна́ет, ка́кие паруса́ на бриганти́не. Сты́дно.

— Что вы...— нелóвко утёшил Ва́лька.— Это же необяза́тельно. Паруса́ — это ра́ньше бы́ло...

— Ну, не скажи,— возразила она́.

Они́ сверну́ли на у́лицу Кача́лова. Навстрéчу потяну́л ве́тер. Не си́льный, но обжа́гающий ли́цо. В нём бы́ли миллио́ны иго́льчатых невидимых льди́нок.

— Ой, я подниму́ воротни́к,— услы́шал Ва́лька.— Подержи́, пожа́луйста, су́мку.

Су́мка бы́ла совсе́м не зима́няя. Из бе́лой клеёнки с крúпными чёрными ко́льцами. С таки́ми ле́том ходят на пля́ж. Како́й-то увеси́стый груз распира́л клеёнку о́стрыми угла́ми.

— Вот и всё. Дава́й её...

— Я сам бу́ду нести́,— сказа́л Ва́лька

— Она́ ведь тяжёлая.

— Ну и что?.. И не тяжёлая ниско́лько.

— Есть ещё «лы́цари» на Украи́не,— улыбу́лась она́.— Впрóчем, неудáчное сравне́ние. На Украи́ну здесь не похо́же, ве́рно?

— А вы бы́ли на Украи́не?

— То́лько в Кры́му. На раско́пках в Херсонесе. Когда́ учи́лась.

— Я ду́мал, вы там жи́ли,— сказа́л Ва́лька.

— Почему́? Ра́зве я похо́жа на украи́нку?

Ва́лька зама́лся:

— Нет... Не зна́ю. То́лько и́мя.

— А-а... Это де́душка ви́новат. Интере́сный бы́л де́душка. Го́голя люби́л ужа́сно. Па́пу в честь Го́голя Никола́ем назва́л, а когда́ я появи́лась, стал проси́ть: пусть бу́дет Окса́на. Вот и получи́лась Окса́на Никола́евна Га́лина. Де́ду на ра́дость, учени́кам на го́ре.

— Не на го́ре,— сказа́л Ва́лька.

Да́льше це́лый кварта́л они́ шага́ли мо́лча. У Ва́льки ме́рзли па́льцы, и он ча́сто перехва́тывал су́мку из ру́ки в ру́ку.

— Понесе́м по о́череди,— предло́жила Окса́на Никола́евна.

— Нет, я сам.

— Всё-таки она тяжёлая. Там две пары коньков с ботинками.

— Разве каток уже открыт? — удивился Валька. — Ведь рано.

— Я не с катка. Я от товарища, — сказала она. — Это мой бывший одноклассник. Знаменит тем, что великолепно точит коньки. Раньше мы к нему даже в очередь записывались. Важничал он ужасно. Объявлял часы приёма.

Валька засмеялся:

— А сейчас?

— Сейчас у него всего два заказчика: я и Серёжа, мой брат.

— Брат? — почему-то удивился Валька.

— Да, братишка, — сказала она. — Мой оруженосец. Мы с ним вместе на каток ходим.

— Наверно, большой уже... — полувопросительно заметил Валька.

— Да нет... То есть конечно. В четвёртом классе. Кстати, в нашей школе учиться.

Они опять замолчали. Хруп-хруп, хруп-хруп, — скрипели на снежном тротуаре подошвы.

— Оксана Николаевна, — осторожно заговорил Валька, — а тот вопрос... не решился?

— Какой вопрос, Бегунов?

— Про классного руководителя. Вы у нас не будете?

— Ну что ты! У меня уже давно шестой «А».

— У-у, — сказал Валька.

— Вы разве не знали?

— Ничего мы не знали... А в шестом «А» все жулики. Они, говорят, у нас пять кило цветного лёма свистнули, — сказал Валька. — Вы с ними наплачетесь.

— Ну, Бегунов! — воскликнула она и начала сме-

яться. Смех вырывался из-под воротника клубочками пара.

Валька не улыбнулся.

— А чем у вас в классе плохая жизнь? — спросила Оксана Николаевна уже спокойно. — Вами же сама Анна Борисовна занимается.

— Она занимается, — сказал Валька.

— А что?

— Ничего, — вздохнул Валька. — Занимается...

— Она очень опытный педагог.

— Ага, — сказал Валька.

— Вы, по-моему, просто не хотите её понять.

— Наверно, — сказал Валька и отвернулся.

Он проходили мимо большого магазина. За широкими окнами продавщицы развешивали гирлянды ёлочных шаров. В одной из витрин девушка в синем халатике прилаживала ватную бороду молодому симпатичному манекену: превращала его в деда-мороза. Манекен терпел и натянуто улыбался.

— Бегунов... Да послушай. Я ведь даже не знаю, как тебя зовут. Вернее, не помню. В школе всегда почему-то по фамилиям. Нехорошо.

— Валька, Валентин... ну, или Валья. — Он поморщился.

Оксана Николаевна улыбнулась.

— «Валья» не звучит, да?

— Меня все Валькой зовут. Лучше.

— Ты любишь рисовать, да?

Валька быстро сказал:

— Откуда вы знаете?

— Ну... ты так рассматривал картину... Говорил о ней...

Валька пожал плечами.

— Я просто хотела узнать, как ты относишься к урокам рисования. У вас ведь новый учитель.

— Чер...— Вáлька чуть не сказа́л «Черте́жник». Так все зва́ли но́вого учи́теля, потому́ что в ста́рших кла́ссах он ве́л черче́ние.— Ю́рий Ефи́мович. Он не-да́вно.

— Ведь он до́лжен быть ва́шим кла́ссным руково-дителем.

— Хорошо́! — оживи́лся Вáлька.

— Постой. Ра́зве Анна Бори́совна вам не говори́ла?

— Не говори́ла.

— Стра́нно... Мо́жет быть, он не согласи́лся...

Вáлька насто́рожился:

— Почему́?

— Ви́дишь ли, че́стно говоря́, он педаго́г молодóй. Он хоро́ший худо́жник, но в шко́ле неда́вно. А ва́ми да́же Анна Бори́совна недово́льна.

«Дала́сь ей Анна Бори́совна!» — поду́мал Вáлька.

— Чем она́ недово́льна? — бу́ркнул он.

— Ну, вам лу́чше знать... В о́бщем, я, ка́жется, зря тебе́ сказа́ла.

— Ду́маете, я болта́ть бу́ду? — оби́делся Вáлька.— Ни́кому я ни́чего не скажу́.

— Хотя́ огнём жги? — улы́бнулась она́.

Боль ре́зко толкну́лась в па́льце.

— Кто меня́ бу́дет жечь огнём? — хму́ро сказа́л Вáлька.

— Да пока́ наобо́рот. У тебя́ от моро́за нос побе-лёл. Са́мый ко́нчик.

Вáлька отогрева́л пра́вую ру́ку в карма́не. Он не стал её вы́таскивать, а по́днял ле́вую — вме́сте с су́мкой — и на́чал оттира́ть нос кулако́м. Су́мка тяжело́ раскáчивалась и толка́ла Вáльку в грудь. Он рассу́дился и стал терпе́ть сильнее.

Окса́на Никола́евна твёрдо сказа́ла:

— Сейча́с пойдём к нам. Бу́дем пить чай и гре́ться. С Серге́ем познако́млю.

«И зайду!» — вёсело реши́л Ва́лька. Он вдруг подумал, что никогда́ не ви́дел, как живу́т учителя́.

Окса́на Никола́евна жи́ла в зелёном крупнопанельном до́ме на углу́ Пу́шкинской.

Они́ подня́лись на тре́тий эта́ж.

— Подожди́, я возму́ ключ.

Она́ позвони́ла в сосе́дную кварти́ру. Ма́ленькая, сло́вно игру́шечная, стару́шка моментально́ откры́ла дверь и покача́ла голово́й.

— Нет? — спроси́ла Окса́на Никола́евна.

— Нет, Кса́ночка. Не́ был. Заходи́.

— Спаси́бо. Я попóзже.— Она́ отверну́лась к Ва́лке и огорче́нно объясни́ла: — Безобра́зие. Се́рёжка не оста́вил ключ. Ста́рая исто́рия.

— Мо́жет, он во дво́ре? — сказа́л Ва́лька.— Там ребята́ в хоккёй игра́ют.

— Не игра́ет он в хоккёй. Тако́й тихо́ня... И растя́па, как ви́дишь. Наверня́ка поше́л к прия́телю с ма́рками вози́ться. Тепе́рь не дождёшься.

Стару́шка вздохну́ла и бесшу́мно закры́ла дверь.

— А второ́го ключа́ нет? — спроси́л Ва́лька.

— Второ́й ключ ма́ма случа́йно увезла́. Она́ уеха́ла к ба́бушке в Ку́нцево... Ну, пусть он приде́т! Я ему́ устро́ю!

Ва́лька всегда́ чу́ствовал себя́ скве́рно, е́сли при нём руга́ли кого́-нибудь. Что́бы изме́нить разгово́р, он поспе́шно спроси́л:

— Ку́нцево — э́то где?

— Под Москво́й. То есть уже́ в Москве́, райо́н тако́й. Не слыха́л?

Ва́лька покача́л голово́й.

— Я там в шко́ле учи́лась,— успока́иваясь, объясни́ла Окса́на Никола́евна.— Мы все тогда́ счита́ли, что Ку́нцево — знамени́тое ме́сто. Из-за Багри́цкого. Ты чита́л его́ «Смерть пионе́рки»?

— Нет.

— Да ну? Отличная поэма.

— Не люблю я стихів,— честно сказа́л Ва́лька.

— Ну и напрасно... А что любишь? Про шпио́нов?

Мо́жно бы́ло промолча́ть. Но тогда́ она́ подумала бы, что Ва́лька в са́мом де́ле бо́льше всего́ любит чита́ть про шпио́нов.

Он тихо сказа́л:

— Про корабли́. Про мо́ре...

— У Багря́цкого о́чень мно́го про мо́ре. За́меча́тельные стихи́. Он ведь одессит... Но «Смерть пио́нэры» мне бо́льше всего́ нра́вится.

Чуть прищу́рившись и глядя́ мимо́ Ва́льки, она́ вдруг негро́мко сказа́ла:

Над больни́чным са́дом,
Над водо́й озёр
Дви́жутся отря́ды
На вече́рний сбор.
Заслони́ют свет они́
(Да́ль черны́м-черна́),
Пионе́ры Ку́нцева,
Пионе́ры Се́туни,
Пионе́ры фа́брики Ногина́.

Та-та́, та-та́, та-та́! Тра-та-та́! — отдало́сь в Ва́льке. Бы́ло что́-то о́чень знако́мое в э́том уда́рном ри́тме.

— А ещё? — вы́рвалось у него́.

Ру́хнула плоти́на —
И выхо́дят в бой
Блу́зы из сати́на
В си́ньке грозовой́.

Тру́бы. Тру́бы. Тру́бы.
Подыма́ют вой.

Вáлька стоял и молча́л. Бúдто слúшал шагí уходя́щего отря́да.

— Вот так, Вáлька,— сказа́ла Окса́на Никола́евна.— Ну, а что бúдем де́лать?

— Не зна́ю...

— Ты уж извини́. Так получи́лось... Звала́ в го́сти, а получи́лось вот что. Пойду́ к сосе́дке. Бúду сиде́ть и жа́ловаться на современ́ных дете́й. Она́ э́то лю́бит ужа́сно.

— Тогда́ и я пойду́,— сказа́л Вáлька и протяну́л су́мку.— До свида́нья.

— До свида́нья. Но ты потóм заходи́... А Серёжке вме́сто катка́ бúдет сего́дня мытьё посу́ды.

«Почти́ как у Андри́шки»,— поду́мал Вáлька.

И остано́вился.

— Окса́на Никола́евна,— нерешите́льно сказа́л он,— вот вы на катóк... и ваш брат... ча́сто ходите?

— Хóдим,— сказа́ла она́.— Ну, не о́чень ча́сто, а когда́ вре́мя есть. По воскресе́ньям — обяза́тельно.

Вáлька перемина́лся с ноги́ на ногу́.

— Хóчешь с на́ми? — вдруг спроси́ла она́.— В са́мом де́ле, дава́й. С Серёжкой познако́мишься...

— Да нет,— сказа́л Вáлька.— Я на конька́х не приви́к. Я на лы́жах... Есть оди́н ма́льчик. Оди́н мой... знако́мый.

— Твой това́рищ?

— Ну... да, това́рищ. То́лько он в пе́рвом кла́ссе. Ему́ коньки́ хоте́ли купи́ть, а потóм забоя́лись одно́го на катóк пуска́ть...

Окса́на Никола́евна смотре́ла на него́ о́чень вни́мательно.

Вáлька почувство́вал себя́ так, бúдто ему́ веде́ли: «Бегуно́в, дай дневни́к! Я напишу́, что́бы роди́тели пришл́и в шко́лу».

Он сказа́л:

— Ему́ очень хóчется на конькáх катáться. Он дáже ревёл потихо́нку.

Всё так же глядя на Вáльку, Оксáна Никола́евна отвéтила:

— Поня́тно. Зна́ешь, нельзjá, чтóбы человек ревёл. Дáже потихо́нку. Ты меня́ с ним обяза́тельно познако́мь.

— Спаси́бо,— сказа́л Вáлька и почу́ствовал, что сего́дня у него́ весь день бу́дет хоро́шее настро́ение.— Я познако́млю. Спаси́бо. До свидáнья!

Вáлька верну́лся к «Бриганти́не». На́до бы́ло иди́ти стри́чься, но он верну́лся к витри́не с нарисова́нным па́русником, потому́ что тот тайл в себе́ ка́кую-то зага́дку.

«На́до смотре́ть внима́тельней»,— сказа́л себе́ Вáлька. Но сосредото́читься не мог. Потому́ что ду́мал сра́зу и о паруса́х, и о малыше́ Новосёлове, ко́торый так и проси́лся в альбо́м, и об Оксáне Никола́евне. Здо́рово получи́лось: шёл с учи́тельницей, а говори́л о та́ких веща́х, о ко́торых обы́чно говори́т с мальчи́шками. Сло́вно Вáлька и не учени́к её, а прóсто хоро́ший знако́мый. Или мла́дший брат. Как её Серёжка...

Этому́ Серёжке, ко́нечно, совсе́м нева́жно, что его́ сестра́ учи́тельница, и он зовет её прóсто Оксáна и швыряет в неё снежки́, ко́гда они́ вме́сте иду́т на като́к, и дура́чится с ней. Так же, как Вáлька с Лари́сой, ко́гда она́ прие́зжает на кани́кулы.

Лари́са поёт Вáльке хоро́шие пе́сни о лю́дях, иду́щих че́рез тайгу́, о ко́страх и звёздах. Пе́сни негро́мкие и чуть-чу́ть печа́льные, но сме́лые. А Серёжке сестра́, наве́рно, чита́ет стихи́. Хоро́шие стихи́. Сра́зу запомина́ются.

Рухнула плотина —
И выходят в бой
Блúзы из сатина
В синьке грозовой.

— «В синьке грозовой...» — сказа́л Ва́лька, пристально глядя на картину, и уви́дел вдруг, что за па́русником, на горизонте, встаёт грозováя синевá. На мо́ре и на не́бо легла́ трево́жная тень совсе́м недале́кого штóрма.

Соедине́ние слов и кра́ски сде́лало удиви́тельную вещь. Ва́льке показáлось, что картина качну́лась ему́ навстрéчу.

Он уви́дел, что написа́на она́ во́все да́же не пло́хо.

Просто художник не знал, какие бывáют брига́н-тины, и вы́брал па́русную разва́лину, ста́рое пирáтское коры́то. И он здо́рово изобрази́л неуклю́жесть и скрипучесть э́того коры́та, шерохова́тость облупи́вшихся борто́в и тяжёлую си́лу взду́вшейся пару́сины.

Но ещё лу́чше получи́лись во́лны. Невысо́кие, пологие, о́ни шли от горизонта́ прямо на Ва́льку. Э́то была́ зыбь, широ́кие водяные скла́дки. О́днóй сторо́нóй о́ни отража́ли ещё све́тлое не́бо, а друго́й, обра́щенной к горизонту́, — темноту́ штóрма. Темнотá была́ пробита́ неяркими бли́ками круто́й и ме́лкой ряби, покрывáвшей во́лны. В э́том чередова́нии све́тлых и тёмных поло́с заключа́лась глáвная зага́дка карти́ны: каза́лось, что во́лны дви́жутся, раска́чивая и обгоня́я неторопли́вую па́русную грома́ду.

И Ва́лька по́нял, что ему́ отча́янно хóчется взя́ться за каранда́ш или кисть. Нарисова́ть кора́бль на о́живших волна́х. Сво́й кора́бль. Стремíteльный и лёгкий, настоя́щую брига́нтину. Э́то было́ жела́ние ра́достное, как ожида́ние пра́здника. И Ва́лька знал, что оно́ уже́ не исче́знет.

...Оно́ не исче́зло.

День был дли́нный, искри́стый, шу́мный. И весь этот день Ва́лку не покида́ла беспоко́йная, са́мая гла́вная ра́дость. Иногда́ он да́же забыва́л, отку́да э́та ра́дость, но где́-нибудь на лы́жном спу́ске вдруг сно́ва, мгнове́нно и я́рко, воспомина́лось: «А во́лны! А бриганти́на!» И снег был ослепи́тельно чи́стый, как грома́дный лист альбо́ма, откры́того для удиви́тельных рису́нков.

А пото́м пришёл ве́чер с огня́ми, синевой́ и зеленávaтым то́нким ме́сяцем среди́ чёрных антéнн. Ва́лка послéдний раз съéхал с бугра́ и обесси́ленно бухнулся в снег.

Са́шка Бесту́жев не сумёл затормозить́ и налетёл на него́. Свали́лся, потеря́л очки́ и рукави́цу.

— Не мог ты бря́кнуться в сторонé? — спроси́л он, ша́ря в снегу́. — Бе́сишься, как перед кани́кулами...

— Ве́село...

Са́шка вы́тянул из сне́га очки́, сунул их в карма́н, успоко́ился и произнёс:

— Не́чего ра́доваться. За́втра понеде́льник, а не воскресе́нье.

— Поду́маешь, понеде́льник, — отмахну́лся Ва́лка и хоте́л промолча́ть, но не смог. — Вот е́сли бы ты но́вую коме́ту откры́л, ты бы ра́довался?

— А-а... — сказа́л понима́ющий Са́шка и бо́льше не спра́шивал. Наве́рно, стал ду́мать о своéй коме́те.

А Ва́лка пошёл домо́й, кое-ка́к разде́лся и, бу́дто подро́бленный, гро́хнулся в кровáть.

Но он усну́л не сразу́.

Снача́ла он прб́сто закры́л глаза́ и уви́дел свой корабли́. Он устро́ил смотре́ всему́ флóту.

Бли́же всех от бе́рега шли ма́ленькие па́русники: однома́чтовые шлю́пы, полуторама́чтовые йóлы и ке́чи. Чуть подáльше скользи́ли лёгкие шху́ны. По-

то́м — брига́нты и бри́ги, большо́е трёхма́чтовые шху́ны и баркенти́ны. А далеко́-далеко́, почти́ у са́мого горизон́та, грома́дные, как облака́, дви́гались трёх-, четырёх- и пятима́чтовые ба́рки и фрега́ты.

Обгоня́я эска́дру за эска́дрой, проноси́лись узкие клипе́ра с невесо́мыми гру́дами удиви́тельно бе́лых парусо́в...

И вдруг из э́того бесшу́много хорова́да вы́рвался и поше́л прямо́ на Ва́льку двухма́чтовый па́русник с высо́ко вски́нутым бушпри́том. Кру́то накрени́вшись, он почти́ черти́л во́лны дли́нным ги́ком грот-ма́чты.

«Вот она́, моя́ брига́нти́на», — поду́мал Ва́лька. Но э́то была́ ма́рсельная шху́на, потому́ что, кро́ме прямы́х парусо́в, она́ несла́ на фок-ма́чте косо́й га́фельный па́рус.

Поло́гие во́лны шли к бе́регу, череду́я по́лосы све́та и те́ни. Сквозь корабли́ Ва́лька вдруг уви́дел ма́ленького И́горя Новосё́лова, кото́рый держал́ це́лый буке́т эскимо́ и сосре́доточе́нно ду́мал, с како́го нача́ть.

«Не получи́л ещё́ анги́ну?» — спроси́л Ва́лька.

Новосё́лов заулыба́лся и протяну́л ему́ все пор́ции. Но Ва́лька не успе́л отказа́ться от ще́дрого пода́рка. Засну́л.

ПАРУСА. ВАЛЬКИНЫ АЛЬБОМЫ

В сре́ду по́сле пя́того уро́ка Зи́нка Лагу́тина сказа́ла:

— Бегуно́в, а я что́-то зна́ю... — и хихи́кнула.

— Что ты зна́ешь? — поинтересова́лся Ва́лька. Не терпе́л он Зи́нкину приви́чку зага́дочно хихи́кать и де́лать из пустяко́в та́йны.

— Зна́ю, — сказа́ла Зи́нка. — Ты се́годня о́пять сбежи́шь с репети́ции.

— А Во́лга? — мстительно спросил Ва́лька.

Она́ захлопала глаза́ми.

— Что — Во́лга?

— Впада́ет в Ка́спийское мо́ре? А два́жды два — четы́ре? А коле́са — кру́глые?

Зи́нка поду́мала и сказа́ла:

— Не остроу́мно.

Ва́лька серди́то дави́л ко́леном и стара́лся застегну́ть наби́тый портфе́ль.

— Анна Бори́совна говори́ла, что е́сли кто́-нибудь на хор не бу́дет ходи́ть, она́ у того́ роди́телей вы́зовет,— сообщи́ла Зи́нка.

— Она́ э́то ка́ждый де́нь говори́т,— сквозь зу́бы отве́тил Ва́лька и принале́г на портфе́ль.

Зи́нка о́пять хихи́кнула:

— Она́ говори́т, что сама́ бу́дет следи́ть, что́бы никто́ не убежа́л с репети́ции.

— Убега́ют из тюрё́мы,— сказа́л Ва́лька и ще́лкну́л замко́м.

Зи́нка взгляну́ла ка́к-то срáзу уди́вленно и хи́тро. И бы́стро проговори́ла:

— Ой, Бегуно́в, ой, како́й ты...

— Како́й?

Но Зи́нка уже́ шла к своёй па́рте и, не оберну́вшись, покрути́ла над плечо́м растопы́ренной ладо́нью: тако́й, мол, стра́нный...

Ва́лька мо́лча подхвати́л портфе́ль. Зи́нка сказа́ла:

— Я на хор, наве́рно, то́же не пойду́. Лу́чше в кино́. «Вы́стрел в тумáне». Смотре́л?

— Смотре́л,— совра́л Ва́лька.— Дрянь.

Он вы́шел в коридо́р и зорко́ гляну́л по сторо́нам: нет ли за́вуча? Остава́ться на репети́цию и разу́чивать пе́сенки о зи́мних кани́кулах соверше́нно не хоте́лось. До́ма Ва́льку ждала́ «Легенда́ океа́на».

Он реши́л назва́ть так свой па́русник. Шху́ну, ко-

то́рую хотёл нарисова́ть среди́ бегу́щих волн и рва́ных облако́в — предвѣстников шторма. Шху́ну, а не бриган́тину. Ма́рсельная шху́на лу́чше бриган́тины. Её́ ни́жний па́рус на фок-ма́чте не заслоня́ет лёгкого и туго́го переплетѣ́ния снасте́й, и от э́того все паруса́ ка́жутся припо́днятыми и невесо́мыми. И су́дно вы́глядит стройне́е.

Ва́лька три дня ду́мал о па́руснике и не бра́лся за каранда́ш. Боя́лся спугну́ть свою́ «Легѣ́нду». Он зна́л, что так быва́ет: сяде́шь за рису́нок ра́ньше вре́мени — и пе́рвая неуда́ча прогони́т ра́дость.

Но се́годня Ва́лька почу́вствовал: пора́. Ва́лька помча́лся в раздева́лку.

И там он уви́дел Андрю́шку.

Андрю́шка, уже́ оде́тый, стоя́л у окна́ и скуча́л. Замѣ́тил Ва́льку и сде́ржанно заулыба́лся.

«Ждал,— по́нял Ва́лька.— Це́лый ли́шний уро́к ждал».

Они́ вы́шли на у́лицу. Был тёплый бессо́лнечный день, и на тротуа́ры ко́со па́дал снег. Это с дале́кой А́тлантики прише́л на Ура́л вла́жный ве́тер, прогна́л хо́лод и принёс мя́гкие снегопа́ды.

— Мы уже́ сде́лали кре́пость,— сообщи́л Андрю́шка.— Почти́ совсе́м.

— Угу...— сказа́л Ва́лька.

— То́лько ты пять зубцо́в нарисова́л на ба́шне, а получи́лось четы́ре.

— Мо́жно и четы́ре,— сказа́л Ва́лька. Он ду́мал о том, сле́дует ли рисо́вать шху́ну с поста́вленным фор-бра́мселем. Если бли́зится шторм, бра́мсель должне́ убра́ть. Но без него́ па́русник бу́дет вы́глядеть го́раздо ху́же. Исчѣ́знет его́ стреми́тельность, его́ напо́лненность ве́тром.

«Оста́влю»,— реши́л Ва́лька.

В конце́ концо́в, е́сли упущено вре́мя и шторм по-

дошёл вплотную, верхний парус не убрать даже при желании. Пока не сорвёт его ветер...

— Валька...— сказал Андрюшка.— Знаешь что, Валька? Нарисуй мне костюм...

— Ага...

— Ну Валька! Ты же не слышишь.

— Какой костюм? — Валька поморщился.

— На ёлку. Для утренника. Пиратский...

— Че-го?

— Пиратский костюм,— тихо повторил Андрюшка.— Как в «Острове сокровищ». Морской.

— Зачем?

— Ну для ёлки же,— с нажимом повторил Андрюшка.

— Да нет, зачем пиратский? Андрюшка...— И чуть-чуть Валька не брякнул: «Какой из тебя пират? Как ястреб из цыплёнка». Но не сказал. Только губы прикусил, чтобы не поползла улыбка. Он представил щуплого Андрюшку в широченных сапогах с растрёбами, в камзоле с отворотами, в тяжёлых ремнях с громадными пряжками. И пара пистолетов за поясом. И, пожалуй, чёрная повязка на левый глаз... Кар-рамба!

А что! Смешно, но здорово!

— Все одинаковые костюмы делают,— сказал Андрюшка.— Я сперва хотел космонавтом нарядиться, а космонавтов будет двадцать семь! А больше никак не знаю. Балериной, что ли?.. Мама сказала, что, если ты нарисуешь, она костюм сделает. А без картинки не может.

— Нарисую, — согласился Валька. — Только завтра.

— Завтра я приду. А сегодня ты занят?

— Сегодня я чертовски занят,— серьёзно сказал Валька.

...Он с порога метнул в угол портфель и шагнул к столу, печатая каблуками мокрые следы. Как тугая струна, пело в Вальке радостное нетерпение. Хорошо, что на столе всегда стоят отточенные карандаши. Хорошо, что стол покрыт новым листом зелёной бумаги — ещё без клякс, царапин и надписей. Первый набросок можно сделать прямо здесь.

Забыв снять пальто, Валька склонился над столом. Дотянулся до карандаша. Подумал секунду и острым грифелем вычертил гибкую линию форштёвня. Мысленно он тут же продолжил рисунок до бугшприта, лёгкого, словно вскинутае для атаки копьё. А над бугшпритом — три узких парусных треугольника: бом-кליвер, кливер и стаксель...

Знания о парусах приходили к Вальке постепенно и незаметно. Отовсюду. Из книжек, где были краткие морские словари. Из журналов, где нет-нет да и мелькнёт снимок учебного барка или экспедиционной шхуны. Из фильмов, где снятые на киноленту модели в точности похожи на большие фрегаты.

Все люди читают эти книги и журналы. И фильмы смотрят. Но тут же забывают сложные названия ветров, снастей и парусов. Ведь главное — приключения.

А Валька не забывал. Он никогда не видел ни моря, ни парусов, но он любил их, как другие любят музыку, стихи или цветы. И умение отличить барк от фрегата или бриг от бригантины приносило Вальке радость. Такая же радость, наверное, бывает у скрипача, если послушен и лёгок смычок...

Валька радовался и сейчас: знал, что рисунок даст ему много хороших минут.

Он не будет торопиться. Сначала лёгкими линиями наметит корпус шхуны, а потом займётся волнами. Сейчас ему уже не хотелось изображать мерное движение зыби. Он вздыбит позади судна лохматый

грёбень, раскачает море гривастыми валами, с которых срываються хлёсткие клочья пены. И по тёмным волнам раскидает блики от пробившегося луча.

И потом уже, над беспокойным этим морем, построит Валька лёгкие силуэты мачт с кружевом снастей и стремительной парусиной фор-марселя. С узкими, как клинки, треугольниками кливеров.

Валька зажмурился и увидел свою «Легенду» отчетливо, словно на фотографии. Рисуй, как с натуры.

Но Валька отложил карандаш.

Чего-то не хватало в увиденной картине. Была у этой шхуны какая-то одинокость. Слишком много волн — и слишком маленький кораблик. Летит под ветром куда-то...

Куда? Кто его ждёт?

«Никто», — подумал Валька и понял, что нужен человек.

Человек, который ждёт.

И берег, и волны, которые взлетают у прибрежных камней.

Но какого человека нарисовать на берегу? Взрослых рисовать он почти не умел, да и не интересуют взрослых парусные корабли. Валька нарисует мальчишку. Немного помладше, чем он сам. Мальчишку, который сидит на причальной тумбе и смотрит, как возникает из тумана и волн летящий силуэт парусника.

Возникает и проходит мимо. Как «Летучий голландец». Может быть, последний парусник на свете. Почти сказочный. Но настоящий...

Валька медленно стянул пальто. Он опять не решился брать за карандаш — боялся спугнуть новую мысль.

«Только надо найти мальчишку», — сказал себе Валька.

Он открыл тумбочку письменного стола и оттуда, из-под старых учебников, вытащил свой альбом.

Это был не тот альбом, который Валька носил на уроки рисования. В том, в школьном, были изображены кособокие, старательно растушёванные, кувшины, чучела уток, гипсовые завитки и уходящие вдаль рельсы (последний рисунок назывался «перспектива»). Под рисунками стояли отметки: четыре, четыре с минусом, очень редко пятёрка, иногда тройка.

Рисовать кувшины и перспективы Вальке было лень. Кому они нужны? Учителя по рисованию (а они часто менялись) не говорили ему одобрительных слов. И никто, почти никто не знал, что Валька может на самом деле. Потому что почти никто не видел его второго альбома.

В нём Валька рисовал то, что любил: парусные корабли, фантастические города и своих приятелей-малышей. Корабли и города он рисовал давно, а ребята начали позднее, но они занимали много страниц.

Валька сам не ожидал, что так получится.

В августе, когда зачастил к нему Андрюшка, Валька не думал, что это всерьёз и надолго. Но проходили дни, и почти каждый из них начинался с Андрюшкиного появления. Иногда он приводил всю компанию. Шумная компания в Валькиной комнате вежливо притихала и смотрела на хозяина с почтением. «Валька, ты поможешь кирпичи притащить? Мы будем печку складывать», — говорил Андрюшка и смотрел уверенно и спокойно. Он никогда не сомневался, что Валька поможет. «Ты не знаешь, где взять во-от такой циркуль? Нам надо круг на земле начертить, мы будем цирк строить». «Валька, нарисуй нам ракету. Мы её из бочки будем делать».

Чаще всего они просили именно нарисовать. По-

то́м по Ва́лькиным рисúнкам онí возводили свой сооруже́ния: мосты́ че́рез кана́ву, звездолёты, крёпости и поездá. Не всегда́ э́то получа́лось, не хвата́ло вре́мени и материáлов, и где-нибудь в середине́ дня Андрю́шка появля́лся снова. Исцара́панный, перемáзанный, но споко́йный и делови́тый, «Ва́лька, а е́сли кры́лья сде́лать не из досо́к, а из карто́на?..»

Но одна́жды Андрю́шка не появил́ся. Проше́л день, пото́м второ́й, и Ва́лька почувствовал ревни́вое беспоко́йство. Он прихвати́л альбо́м, бу́дто идёт порисова́ть на у́лице, и отпра́вился к ним во двор. Вся компа́ния дру́жно скака́ла по асфа́льту на одной но́жке — игра́ла в кла́ссы. Почему́ вдруг в а́вгусте онí вспо́мнили э́ту весе́ннюю игру́?

Ва́лку малы́ш встре́тили ра́достными кри́ками, но пры́гать не переста́ли.

И тут он отчётливо по́нял, что онí, в конце́ концо́в, без него́ обойду́тся, а он без них не мо́жет.

С тех пор Ва́лька стал приходи́ть к ним с альбо́мом. Э́то было́ о́чень удо́бно: онí занима́ются своим де́лом, а он рису́ет.

Иногда́ Ва́лька броса́л каранда́ш, что́бы помо́чь малы́шам в како́м-нибудь трудо́м де́ле, но онí не ча́сто обраща́лись за э́тим. Онí о́чень уважа́ли Ва́лькину рабо́ту. И е́сли он проси́л их постоя́ть и не дви́гаться, онí послу́шно замира́ли в са́мых неудо́бных по́зах.

...Ва́лька листáл альбо́м. Среди́ набро́сков и за́конченных рисúнков он хоте́л найти́ что́-нибудь подхо́дящее для но́вой рабо́ты, для «Легéнды океáна». Како́го-нибудь мальчи́шку, кото́рый сиди́т так, как сидят на бере́гу. Но о́чень ско́ро он по́нял, что э́то беспо́лезно. Ка́ждый рисúнок мог быть хоро́ш сам по себе́, но не годи́лся, что́бы его́ использо́вали для друго́го.

Вот «Гладиаторы»: Тóлько Сáжин вскочил на перевёрнутую бóчку и отбивáется деревянным мечóм от наседающих мальчишек. Чёрные брóви сведены к перенóсице, а вóлосы встáли торчком, как грёбень у бойцóвого петухá. Кáжется, похóже получилòсь...

«Космонавты»... Всё та же бóчка, превращённая тепёрь в ракétу. Чётверо сидят в ней, а пятилётний Бóрька стоит в сторонé и надúлся; ему поручили руковóдить зáпуском с Земли.

«Пёрвый снег»... Дерёвья и палисáдники ужé в пушистых оторóчках, но снéга ещё óчень мáло, и двóе мальчишек скребут лыжами по замёрзшей землé. Это он Андриóшку и Пáвлика рисовáл.

«Ирка и мёсяц»... Тóнкая берёзка, узкий свётлый мёсяц над ней и притихшая Ирínка. Стоит, запрокинув гóлову. В бóтах, в капюшóне. Конéц октябрá...

И ещё рисúнки. Лётние, осénние, зímние...

Постепенно Вáлька перестáл стесняться своёй дру́жбы с Андриóшкиной компáнией. А вот рисúнки эти не показывал никомú. Наверное, так же прýчат свой пёрвые стихи начинающие поёты и так же какáя-нибудь девчóнка никомú не показывает записку с приглашénием в кино, полúченную от мальчишки из соседнего клáсса... У кáждого бывáет своя тáйна, и кáждый имéет на неё право.

Вáлька слíшком мнóго любви вклáдывал в свои рисúнки и боялся, что ктó-то скользнёт скúчным или насмéшливым взглядом и спросит: «Зачём ты вóзишься с этой мелкотóй? Неужели охóта?» А мóжет быть, не спросит, но подúмает.

Показáть бы томú, кто обязáтельно поймёт. Но комú? Учителá по рисовáнию менялись в шкóле буквáльно чéрез кáждые две недéли, и ни одín из них Вáлке не нравился. Крóме послéднего.

Недáвно в клáссе появилсá Чертёжник. Чертёж-

ником его прозвали старшекласники, к которым он пришёл немного раньше. Звали его Юрий Ефимович.

Он был высокий, русоволосый и очень молодой. Чуть сутулился, но иногда вдруг резко выпрямлялся, и тогда Вальке казалось, что на боку у него висит невидимая шпaga. Говорил Юрий Ефимович, слегка запинаясь на звуке «р», и у него получалось временами вместо «рисовать» и «ребята» — «р-лисовать», «р-лебята». Но это даже нравилось Вальке так же, как нравился его спокойный голос и какая-то особая уверенность движений.

На первый урок Чертежник пришёл с глобусом и сказал:

— Давайте попытаемся изобразить эту штуку... Только обратите внимание, что глобус — это не просто шар на подставке. Это модель Земли. Планеты. С морями, горами и пустынями... Не знаю, как вам, а мне глобус всегда напоминает о приключениях и о космосе... Короче говоря, я не буду возражать, если вы нарисуете его летящим среди комет, облаков, спутников или в окружении какой-нибудь... ну, скажем, тайны.

Класс загудел.

— Думайте, — сказал Чертежник.

Валька нарисовал тогда громадный земной шар, который восходит из-за морского горизонта. А по морю, навстречу ему, скользит высокая трёхмачтовая каравелла.

Море не получилось у Вальки, да и весь рисунок был поспешным и неудачным. Но Чертежник взглянул и тихонько сказал:

— Интересно...

«Может, показать ему всё?» — подумал тогда Валька. Но было страшновато. И он решил посоветоваться сначала с Сашкой.

...В старших классах Сашку, наверно, будут звать декабристом. Но пятиклассники о декабристах знали не очень много и звали Сашку просто Стужей. Фамилия у него — Бестужев.

Сашка — человек непростой. Иногда казалось, что он весел, а иногда становился задумчивым или раздражительным. Кроме того, Сашка отличался рассудительностью в речах и небрежностью в одежде. Круглые очки у него всегда сидели «наперекосяк», руки пестрели чернильными веснушками, одна штанина казалась короче другой, а пуговицы на рубашке были перепутаны. Время от времени Сашкины родители спохватывались, отмывали его, обряжали в новый костюм какого-нибудь рижского фасона и приводили в порядок причёску. Сашка появлялся в школе — тонкий, изящный, похожий на юного скрипача. Но, верный своим привычкам, через несколько дней он приводил себя в обычный вид, а родителей в уныние.

Валька не обращал внимания на Бестужева. А их близкое знакомство началось с короткой и сдержанной ссоры. Случилось это в начале октября, в парке, куда пятый класс ходил на экскурсию.

Бестужев был не виноват. Виноват был скорее сам Валька. Когда все разбрелись по усыпанным листьями лужайкам, Валька повесил портфель на ветку. Не хотелось таскать лишнюю тяжесть. В портфеле среди учебников лежал заветный альбом. Валька принёс его, потому что надеялся порисовать в укромном уголке. Укрытых уголков не оказалось, и Валька отправился бродить по сухим шелестящим тропинкам.

А ветка в это время сгибалась и сгибалась.

Когда он вернулся к берёзе, портфель с отскочившим замком валялся в траве, а рядом стоял Сашка

Бестужев и внимательно разглядывал Валькины рисунки.

И хотя пугаться было нечего, Валька в первую секунду испугался. От неожиданности. Потом разозлился и почувствовал жгучую обиду. Что же это такое, в самом деле! На всякий замок, что ли, портфель заперать? Он шагнул к Бестужеву и очень невежливо рванул альбом. Сашка вздрогнул, и очки у него перекошились сильней обычного. Опустившись на колёно, Валька стал заталкивать альбом в портфель. Он ощущал противную дрожь, словно только что подвергся страшной опасности. Сашка неловко топтался у него за спиной. Наконец он сказал:

— Этот альбом валялся рядом с портфелем. Он всё равно был открыт. Ветер перелистывал у него страницы.

— Какой любопытный ветер! — язвительно заметил Валька.

— В конце концов, тут не написано, что это твой альбом.

— Может быть, написано, что он твой? — спросил Валька и выпрямился.

Такой надписи не было, и Сашка нерешительно пожал плечами. Потом сказал:

— У тебя нервы слабые.

— Зато кулак крепкий, — с вызовом ответил Валька и понял, что брякнул глупость: во-первых, кулак не был крепким, во-вторых, драться сейчас было просто смешно и бесполезно.

Он поднял портфель и, не оглядываясь, пошёл к парковым воротам.

Впрочем, на следующий день он уже почти не думал об этом случае. Вспомнил только тогда, когда поймал Сашкин взгляд. Взгляд был внимательный и немного виноватый. Валька отвернулся.

Когда Вáлька возвращáлся из шкóлы, Бестúжев догна́л его. С мину́ту он молча́л и шёл, отставáя на полшага́. Потóм сказа́л:

— Зря ты зли́шься.

— Я не злюсь,— сказа́л Вáлька. Он в са́мом де́ле не зли́лся. Чего́ тепе́рь зли́ться? Гла́вное, что́бы э́тот очка́стый, худо́й и почти́ незнако́мый однокла́ссник не болта́л всем про альбо́м. Но он, ка́жется, не болту́н.— Я не злюсь,— повтори́л Вáлька.— Я то́лько вчера́ разозли́лся. Ду́маешь, приятно́, когда́ кто́-то...— Он сбился. Хотел́ сказа́ть «суёт свой нос не в своё де́ло», но побо́ялся но́вой ссо́ры.

— ...когда́ кто́-то любопы́тный лезет куда́ не на́до,— доба́вил Са́шка.— Я зна́ю. Понима́ешь, я удержи́ться не мог. Если бы обыкнове́нный альбо́м, а то та́кие рису́нки замеча́тельные...

Он сказа́л «замеча́тельные» так прóсто, что Вáлька снача́ла да́же не почу́ствовал похвалы́. И то́лько че́рез секун́ду по́нял, что услы́шал оцёнку. Причём отл́ичную оцёнку. До сих пор почти́ никто́ не говори́л Вáльке, хоро́шо и́ли пло́хо он рису́ет. Ра́зве что Андри́шка и его́ друзья́. Но им всё ка́залось хоро́шо. Иногда́, пра́вда, роди́тели ви́дели его́ набро́ски па́русников и́ли ры́царских за́мков. Но, похвали́в, они́ обы́чно спра́шивали, вы́учил ли Вáлька уро́ки. Потому́ что карандаша́ми сын забавля́ется ещё́ с дошкóльного во́зраста, к э́тому приви́кли, а к тому́, что он временáми двóйки хвата́ет, приви́кнуть тру́дно...

А Са́шка взял и сказа́л «замеча́тельно». И сразу́ ви́дно, что и́скренне сказа́л.

Вáлька молча́л. Ему́ и приятно́ бы́ло и нелóвко.

— Я не люблю́ показывать, что рису́ю,— наконёц проговори́л он.— Начи́нают сразу́ спра́шивать: э́то как, э́то заче́м, а э́то что? Ну, в о́бщем, пло́хо э́то ка́к-то. Не зна́ю...

— Я понимаю,— откликнулся Бестужев.— Ну ладно, ты не беспокойся, Бегунов. Я будто ничего и не видел. И не скажу никому никогда.

Это «никому никогда» он произнёс так просто и твёрдо, что Валька понял: отрезано.

Валька покусал губу, покраснел и спросил:

— А тебе... вот тогда, в альбоме, что больше понравилось?

— Да всё,— сказал Сашка.

На следующий день они пошли домой вместе, хотя не договаривались заранее.

— Раньше я переулками ходил,— сказал Бестужев,— но эта дорога, пожалуй, ближе.

Они жили в квартале друг от друга.

Кроме этих возвращений из школы, они редко бывали вместе. Даже на переменах разговаривали не часто. Но когда Валька остался на дополнительные занятия по немецкому, Бестужев целый час сидел в коридоре на подоконнике, ждал. А до дому идти было пятнадцать минут.

У Сашки было очень серьёзное, симпатичное лицо. Очки его не портили. Они словно отдельно от лица существовали. Когда Сашка начинал говорить о чём-нибудь серьёзном, он очки снимал и, прищурившись, смотрел мимо собеседника. Словно разглядывал дальнюю мишень. Именно так он однажды взглянул на Вальку и сказал:

— Зайдём ко мне...

Они зашли, и Бестужев выложил перед Валькой какие-то блестящие стёкла и картонные трубки.

— Вот. Завтра собирать начну,— сказал он, немного волнуясь.

— Что это?

— Да так... Вроде телескопа. Но ты никому об этом. Вдруг не получится.

Валька молча кивнул. Понял, что Сашка доверяет свою тайну в благодарность за альбом, который Валька уже показal ему.

Впрочем, он не очень верил, что Бестужев построит телескоп. Но Сашка построил.

Валька хорошо помнит, как впервые глянул в окуляр телескопа. В черном космосе среди бледных звездных точек висел светлый кружок планеты.

— Юпитер со спутниками, — сказал сзади Сашка.

Валька боялся вздохнуть. Юпитер медленно сползал к краю видимого кружка неба. Шумел далекий поезд, дребезжало стекло открытой форточки, и Вальке вдруг показалось, что это сдержанно гудят громадные моторы, вращающие Вселенную.

— Ну и сила...— выдохнул он.
Но Сашка, сняв очки, сказал:
— Юпитер... Это всем известная планета.
— Ты хочешь открыть неизвестную? — спросил Валька.

Бестужев помахал очками.

— С такой трубкой планету не открыть... Но знаешь, было много случаев, когда неизвестные кометы впервые замечали любители. И даже сверхновые звёзды открывали. Это точно.

Валька не знал, что такое сверхновые звёзды. Он поинтересовался:

— А как ты узнаешь, открытая это комета или ещё не открытая?

— Как-нибудь, — ответил Бестужев. — Когда ты берёшь карандаш, ты ведь знаешь, как его держать. Ну вот. И я кое-что знаю.

— Понятно... — сказал Валька.

— Ну, и ещё... — попросил Сашка. — Этот разговор о кометах... между нами.

— Никому, хоть огнём жги, — поспешно пообещал тогда Валька.

Бестужев вдруг усмехнулся.

— А тебя жгли огнём?

— Что?

— Ну, вот ты говоришь: хоть огнём жги...

— Подумаешь... — немного обиделся Валька. И чего Сашка прицепился к слову?

Сашка сказал:

— Может, слышал про Гая Муция Сцевола? Был такой в Древнем Риме, я читал. Только точно не помню. Кажется, его в плен захватили и начали пытками грозить. А он взял и положил руку в огонь. Печка там, что ли, топилась... Ну, враги сразу от него отступились.

— Ну и что? — сказа́л Ва́лька.

— Я оди́н раз попро́бовал па́лец над свѣчкой по-
держа́ть. До десяти́ счита́л. Просто́ дым из уше́й...
А как он — всю ру́ку?

— А Венѐру ви́дно в твой телеско́п? — спроси́л
Ва́лька.

Па́лец бо́лит до сих пор. До ско́льких уда́лось
сосчита́ть, Ва́лька не по́мнит. Сейча́с да́же воспомина́ть
не хо́чется: на́до же бы́ло тако́й глупо́стью занима́ть-
ся. Оди́н па́лец обжа́г, а каза́лось, что все́й руко́й дер-
жа́л ого́нь. Хорошо́ ещё, что ле́вая рука́.

В пра́вой — каранда́ш, Ва́лька сно́ва над листо́м.

ПАРУСА. АНДРЮШКА И ВЕТЕР

Снача́ла каза́лось, что рисо́вать бу́дет легко́. Все́
представля́лось о́чень я́рко: ма́льчик на кру́глой при-
ча́льной ту́мбе, взлетѣ́вшая гри́ва прибо́я и шху́на,
иду́щая вдоль бе́рега... И ве́тер, кото́рый ду́ет с мо́ря.
Он ду́ет не пра́мо в лицо́ ма́льчишке, а немно́го сбо́ку.
Лохма́тит во́лосы и тре́плет рубашку́.

Но когда́ Ва́лька взял каранда́ш, все́ оказа́лось
в ты́сячу раз трудно́е. Он изве́л уже́ с деся́ток листо́в,
но так и не смог сде́лать ну́жного набро́ска.

Шху́на получа́лась непло́хо. И рва́ные языки́ при-
бо́я над пи́рсом бы́ли таки́ми, как он хоте́л. Но чу́в-
ствовался в рисо́нке како́й-то разнобо́й: па́русник сам
по себе́, а ма́льчишка сам по себе́. Не́ было ме́жду
ними́ связа́и. Не́ было та́йны и ожида́ния, Равноду́шно
ка́к-то все́ выходило́.

Наве́рно, потому́, что не получа́лся ма́льчишка.

Ва́лька с ним заму́чился. Он приви́к рисо́вать ре-
ба́т с нату́ры, а сейча́с приходи́лось де́лать набро́ски
«из голо́вы». Фигу́рка ма́льчика на прича́льной ту́мбе

получáлась какой-то неестественной. То он вы́глядел слишком споко́йным, то, наоборот, каким-то испуган-ным, то просто походил на кривобóкого уродца.

А нáдо было, чтóбы он волновáлся, ждал и рáдовался, чтóбы всё это чувствовалось в том, как он сидит, в его поворóте головы. Ведь лица у него не видно: он спиной к зрителю.

Не получáлось.

До сих пор всё было лёгче. Вта́йне Вáлька дáже гордился своим умением рисовать. Тóнками, чёткими штрихáми он мог тóчно и выразительно передáть на бума́ге то, что ви́дел, а иногда и то, что придумал. Но сейчáс нáдо было показáть в рисунке не просто корáбль и мальчишку. Нáдо было показáть ч у в с т в о. И умения не хватило.

Измученный и злой, забывший об уро́ках, Вáлька вспомнил, одна́ко, что вот-вот придёт Андрю́шка, кóторому обещан эскиз маскарáдного костю́ма. В Вáлькиных переживáниях Андрю́шка не виновáт, а костю́м ему́ очень нýжен.

Вáлька взял но́вый листóк и за пять минут изобразил отчая́нного пирáта в испáнской косы́нке, в сапо́гах с отворóтами, в камзо́ле и с кортиком. Этот рисунок не трéбовал особóго вдохновéния.

Андрю́шка слóвно тóлько и ждал, когда Вáлька кóнчит.

Он постучáлся и, сбросив у поро́га вáленки, мохнáтым шаром вкатился в кóмнату.

— Получáй, — сказа́л Вáлька.

Андрю́шка взял листóк осторожно, как почётную гра́моту. Нёсколько секунд он смотре́л серьёзно и внимáтельно, потóм заулыбáлся.

— Годится? — спросил Вáлька.

Андрю́шка кивну́л, не отрывáя глаз от рисунка.

Он стоял без ша́пки, и голова́ его́ с тóнкой шеей

и взъерошенными волосами чётко рисовалась на фоне яркого окна.

— Андрюшка...— осторожно сказал Валька.— Ты бы снял свою шубу, а?

Андрюшка послушно скинул шубёнку и повесил на ручку двери. Потом вопросительно глянул на Вальку. Валька спросил:

— Ты когда-нибудь слышал о «Летучем голландце»?

— Корабль такой...— нерешительно сказал Андрюшка.

— Ага... Ну ладно. Ты вообще видел парусные корабли?

— В кино.

— Андрей...— Валька посмотрел на него почти жалобно.— Ты мне поможешь, ладно? Мне надо нарисовать одну вещь... Понимаешь, тебе ничего не надо делать, только сесть на табуретку и подумать, будто на берегу моря сидишь. На такой чугунной тумбе...

— Я знаю, они кнэхтами называются,— оживился Андрюшка.

— Точно! Сможешь? Будто ты сидишь и видишь, как у берега корабль идёт. Красивый, парусный...

— Ладно,— сказал Андрюшка,— я посижу. А на море шторм?

— Почти.

Валька принёс из кухни круглую табуретку и усадил Андрюшку у стены, спиной к себе.

Неизвестно, представил ли Андрюшка море и корабль. Может быть, он просто был благодарен Вальке за эскиз костюма. Но он старался. Он опустил одну ногу, а вторую поставил на сиденье и обнял колёно. Потом чуть подался вперёд, изобразил внимание.

В первый момент Вальке показалось, что всё теперь как надо. Он схватился за карандаш и набросал

уже на листе Андриюшкину голову, как вдруг заметил, что дальше рисовать не стоит, Андриюшка сидел в неудобной каменной позе, будто на шатком заборе.

— Ну что ты как деревянный...

Андриюшка шевельнулся и устроился поудобнее. Но теперь у него топорщилась куртка, а голова ушла в плечи. И вообще в своём лыжном костюме он казался сейчас толстым и неуклюжим.

— Какой-то мешок, только уши торчат,— не выдержал Валька.

Андриюшка виновато покрутил головой. Он, видимо, очень хотел помочь Вальке. Но как?

— Может, курточку снять? — спросил он.

— Точно... Хотя нет... Послушай, Андриюшка, у тебя ведь был летом моряцкий костюм. С воротником. Он сейчас тоже есть?

— Есть,— сказал Андриюшка не очень уверенно.— Только где? Надо в шкафу поискать... В нём будет хорошо, да?

— Ещё бы! — сказал Валька. Он представил, как заплещет под ветром синий воротник. А ветер сделать нетрудно. Есть старый верный вентилятор, который служит семье Бегуновых много лет.

— Тогда я схожу,— предложил Андриюшка. Наверно, были у него свои дела, тоже важные и интересные, и в голосе его уже не слышалось прежней готовности. Но всё-таки он оделся и снова сказал: — Я схожу. Я скоро.

Валька отыскал вентилятор. Разбуженный от зимней спячки, вентилятор загудел сонно и недовольно, а потом рассердился и раскрутил в комнате такой вихрь, что все Валькины листы взмыли со стола к потолку.

— Тебя бы на самолёт вместо пропеллера,— сказал ему Валька.

Хлопнула дверь, и в коридоре слышалась возня. Это Андрюшка стягивал свой зимний доспехи.

Он шагнул в комнату будто прямо из июльского дня. Лёгонький, тонконогий и словно сразу же подросший. Видно, он и в самом деле подрос за осень: матроска стала коротка и выбивалась из-за пояса, а руки смешно торчали из синих с белыми полосками обшлагов.

— Вот...— стесненно сказал Андрюшка и поёжился.

Валька понял его: отвыкший от лета, Андрюшка чувствовал себя неловко и зябко при холодном свете замёрзших окон и при этом вихре, который гулял по комнате.

Валька выключил вентилятор и бодро сказал:

— Ну, ты отлично выглядишь! Давай садись. Я тебя долго мучить не буду. А ветер я сделал нарочно, чтобы как на море.

— Хороший ветер,— заметил Андрюшка и повеселел.

Он опять устроился на «кнэхте», а Валька послал на него шуршащий воздушный вихрь. Воротник рванулся и захлопал, как синий флаг.

Андрюшке не сиделось спокойно. Он ворочался, двигал локтями, крутил головой, не мог поставить как следует ноги. «Что ты крутишься, как флюгер!» — чуть не сказал Валька. Но не сказал, а схватил карандаш и лёгкими длинными штрихами начал набрасывать Андрюшкину фигурку. Одну, вторую, третью. Скорей, скорей!

Это самое лучшее, что можно сделать. Пусть Андрюшка вертится, а он будет рисовать. Потом он выберет, что нужно. Так же, как на киноленте выбирают лучший кадр для фотоснимка...

Первый набросок был совсем неудачный: голова вскинута, сам Андрюшка подался назад, локти растопырены и колéно торчит из-под руки острым углом. Остальные были лучше, но и они казались не очень хорошими. И Валькин карандаш метался по бумаге ещё и ещё.

Для Вальки время летело. А для Андрюшки оно, видимо, тянулось до ужаса медленно. И он не выдержал наконец:

— Валь, сколько уже на часах?

Было половина пятого. День за окнами начал синеть.

— В пять по телевизору мультик будет, — нерешительно высказался Андрюшка.

Валька устало распрямился:

— Ладно. Хватит. Бегй смотреть телевизор.

— Получилось у тебя?

— Да. Спасибо, Андрюшка.

На самом деле он не был уверен, что получилось. Белый лист ватмана пестрел Андрюшкиными фигурками, но ни про одну из них Валька не мог сказать: «Это та».

Когда Андрюшка ушёл, Валька взглянул на листок снова. Внимательней и спокойней.

И удивился.

Первый набросок вдруг показался ему удачнее всех. Именно здесь Андрюшка выглядел очень живым. Словно что-то увидел он над собой, вверх, и, чуть откинувшись, смотрит с удивлением.

«Шхуна!» — вдруг понял Валька. Шхуна подошла к самому берегу, и мачты её кажутся Андрюшке высокими, как старые сосны.

Но парусники не подходят к берегу так близко при волне и ветре. Это же смертельно опасно!

И всё-таки пусть подойдёт. Пусть шхуна возникнет у самого берега, выйдет из влажного тумана и нависнет парусами над изумлённым мальчишкой... А потом, накренившись влево, уйдёт вдоль берега в штормовую мглу. На то она и легенда океана.

Пусть парусы и мачты займут почти весь рисунок и станут громадными. И не тёмными они будут, а светлыми, почти белыми на фоне рваных облаков и свинцовых волн.

Валька сгрёб со стола все листы и вытащил альбом. Теперь можно было рисовать уже в альбоме.

А когда-нибудь позже Валька напишет акварелью большую картину.

ПАРУСА И ЖЕЛЕЗО. ВЕЧЕР

На альбомном листе рисунок получался просто здорово. Вернее, начал получаться. Всё выходило так, как Вальке хотелось. И чтобы не спугнуть удачу, он решил не торопиться, закончить его потом. Завтра или послезавтра.

Валька взглянул на тонкие мачты, на мальчишку со вздыбленным воротником матроски, улыбнулся им как живым. И прикрыл альбом.

Было уже около восьми часов. Мама и отец давно пришли с работы, но Вальке не мешали. В соседней комнате они вели долгий разговор о том, что, получив зарплату, необходимо купить Вальке новое пальто, недорогое, но хорошее, потому что старое уже совсем...

— Не надо пальто. Купите лучше транзистор,— подал голос Валька. Транзистор ему был абсолютно ни к чему, просто захотелось подураться,

— Ещё не легче, — откликнулась мама, и после этого за дверью наступило молчание. Оно было негодующим и укоризненным.

— Хорошие такие транзисторы продаются, — жалобно сказал Валька.

— Совершенно не понимаю эту современную моду! — возмущился отец. — Таскать на животё громкоговорители и оглушать улицу разными твистами!

— Лучше бы вспомнил, на что похоже твоё пальто, — вмешалась мама. — Ты в нём на беспризорника похож. У других дети как дети. Вот Саша приходит — посмотреть приятно...

Пришёл Сашка, и Валька захотел, чтобы родители выглянули из своей комнаты и посмотрели. Пальто на Бестужеве сидело каким-то удивительно перекошенным образом, верхняя пуговица висела на ниточке, а шапка лихо съехала на левый бок. При этом Сашка сохранял невозмутимый вид.

Валька оглянулся на дверь. Родители понизили голоса и не показывались. Жаль. Но не звать же их, чтобы нарочно посмеяться над Сашкой.

Бестужев сел верхом на стул, поискал в кармане платок, не нашёл и шапкой начал протирать запотевшие очки. Он был явно не в духе. Наверно, облачное небо помешало его астрономическим наблюдениям.

— Раздётся, — сказал Валька.

— Не буду. Я сейчас пойду. Что по немецкому задано? Я не записал.

— Завтра нет немецкого. Завтра арифметика, русский, рисование...

— Да знаю я, он послезавтра. А когда готовить? Завтра опять металлолом собираем. Забыл?

— Какой ещё металлолом? — недовольно сказал Валька.

— Обыкновенный. Такой же, какой в субботу собирали, когда ты не пришёл.

— И не придёт,— буркнул Валька.— Надоело уже до зелени в глазах. Одно и то же...

— Ну и дурак,— отрезал Бестужев.— Вот обскачет нас пятый «Б», кому лучше будет?

— А кому хуже?

— Нам хуже.

— Почему?

— Что ты из себя глупого балбеса изображаешь?

Валька подумал, что умных балбесов не бывает, но вслух повторил:

— Ну, скажи почему?

— Потому что соревнование,— устало сказал Сашка.

— Очень полезное соревнование. Консервные банки ищем. А на пустыре за Андрюшкиным домом старый башенный кран валяется. Разобрали и бросили. Он уже полгода ржавеет. Уже в газете писали. А потом говорят: нужен металл.

— Нужен,— сказал Сашка.

Вот и поговори с ним. Валька даже разозлился.

— Ну и ройся в свалках, если нравится.

— Нравится. По крайней мере, весело. Не то что одному дома торчать.

— Кому что...— сказал Валька.

— Конечно. Только могут подумать, что кое-кто плюёт на весь отряд.

— Отряд...— сказал Валька. Даже без насмешки. С грустью.— При чём здесь отряд? Просто пятый «А». Даже барабана нет...

— Вот горе-то!

— «Кто не придёт на сбор, пусть без родителей в школу не является»,— голосом Анны Борисовны произнёс Валька.

Сашка промолчал. Что уж тут скажешь!

— А Равенков ходит как фельдмаршал. «Встать! Сесты! Смирно!» Думает, если в военное училище собрался, значит, уже полковόдец... Вот у нас в лагере был вожатый свόдного отряда...

— И пятнадцать барабанов,— вставил Сашка.

— Деятнадцать,— сүхо сказа́л Валька и в упор посмотре́л на Бестужева.

Сашка опустил глаза́.

— Вожатый у нас так себе,— согласи́лся он.— То́лько я не про него́, а про ребят говорю́. О́ни-то чем плохи́е?

— А я разве сказа́л — плохи́е?

— Не сказа́л. То́лько о́ни идут желе́зо таска́ть, а ты до́ма рису́ешь.

— Рисую́,— с вызовом сказа́л Валька.— Когда́ каток залива́ли, я не рисо́вал, а рабо́тал, хоть у меня́ и конько́в-то нет. А ерундо́й занима́ться мне неохо́та. Жестя́нки собира́ть. А кран лежи́т и ржа́веет. Ско́лько в нём тонн? Пусть сперва́ его́ перепла́вят, а пото́м ба́нки.

— Перепла́вят и кран и на́ши ба́нки. И, ме́жду про́чим, па́русные корабли́ сейча́с то́же стро́ят из желе́за. И да́же десяти́ кра́нов на о́дин кора́бль не хва́тит.

— Ме́жду про́чим, не стро́ят. Из желе́за не стро́ят. Ра́ньше стро́или, уже́ давно́. Бы́ли стальны́е ба́рки. А сейча́с баркенти́ны с деревя́нными корпусами́.

— Не ве́рится что́-то.

— То, что у коме́ты голова́ из ледяны́х глыб, то́же не ве́рится. А я ве́дь не спо́рил, когда́ ты говори́л.

Сашка молча́л.

— Я тебе́ говорю́ не о коме́тах, а о тебе́,— на́конец возра́зил он.— А ты все́ виля́ешь.

— Не на́до обо мне мно́го говори́ть,— ти́хо сказа́л

Вáлька и с тревóгой почу́вствовал, что Сáшка ему́ неприятен.

— Хорошó,—сказáл Сáшка тóже тíхо и спокойнó.

Вáлька вы́олок из угла́ портфёль и вы́тряхнул на стол тетра́дки и кнѳи. Тóлько так мóжно б́ло достáть из набѳтого портфёля дневнѳк.

— Вот запиши́, что зáдано...

— Спасѳбо, не нáдо.

Неужели Сáшка обѳделся? Впрóчем, э́то его́ дѳло. Вáлька не виновáт. Он сказáл:

— Как хóчешь.

— Пóздно ужé,—объяснѳл Сáшка,— Не успею́ сдѳлать. Потóм спишу́ у когó-нибудь.

— Ну смотри́...

— Смотриó.— Сáшка снóва зевну́л.

И Вáлька почу́вствовал, что за э́тим пустым разговóром прѳчется и растёт у них обѳда друг на дру́га. Нáдо б́ло сказáть чтó-нибудь хорóшее. Мóжет быть, смешнóе. Поскорее́ разогнáть обѳду. Но что сказáть, Вáлька не знал. Потому́ что подѳемный кран действѳтельно ржáвеет на пустыре́, у баркентѳн деревѳнные корпусá, а Равенкóв стрóит из себя́ фельдмáршала. И, крóме тогó, у Сáшки б́ло такóе лицó, что говорѳть хорóшие словá не хотѳлось. Казáлось, онѳ отскóчат от Бесту́жева, как ягóды рябѳны от гѳпсовой стáтуи (óсенью в шкóльном сквѳре мальчѳшки стреля́ют ѳми из тру́бочек).

Сáшка встал.

— Пойду́.

— Я запру́ за тобóй дверь.

Он вы́шел за Бесту́жевым в сѳни в однóй рубáшке, и хóлод сра́зу охватѳл его́.

Сáшка замѳшкался у поро́га.

— Не копáйся,—ворчлѳво сказáл Вáлька.— Вон какóй холоди́га.

— Придёшь завтра? — вдруг спросил Сашка, словно не было долгого разговора.

— Желёзо собирать?

— Желёзо.

«Видно будет», — хотел сказать Валька. Или можно было ответить: «Завтра и поговорим». Но Вальке показалось, что Сашка заранее готов услышать этот ответ и снисходительно улыбается в темноте. А тут ещё этот холод.

— Я сказал: не придё.

Сашка и в самом деле, кажется, улыбался. Он спросил уже с крыльца:

— А якоря у деревянных баркентин тоже деревянные?

— Отвяжись ты...

— Отвязаться — это пожалуйста.

Снег заскрипел под его ботинками. Валька хлопнул дверью.

В комнате он начал дрожать от запоздалого озноба. Так часто бывает: попадёшь с мороза в тепло и начинаешь вибрировать, как стиральная машина.

— Бегает раздетый, а потом трясётся, — сказала мама. — Попробуй только заикнуться завтра, что у тебя температура.

Валька сердито промолчал.

— Не трогай его, — сказал отец. — Он поссорился с Сашкой и теперь будет тихо рычать весь вечер. Вон как дверью ахнул. Я думал, потолок рухнет.

— Не рухнет. Мы не ссорились, а просто поспорили.

— Хорошо хоть, что так поджентльменски. В наше время споры больше кулаками решались.

— Чему ты учишь ребёнка! — сказала мама.

— В ваше время... — буркнул Валька. Представить, что они с Сашкой раздерутся, он просто не мог.

Да́же при са́мой смерте́льнойссора́ они́ разгова́ривали бы ти́хо и споко́йно.

А сейча́с была́ссора́? Ва́лька не мог поня́ть. Мо́жет, и была́, но он не чу́ствовал осо́бого беспоко́йства. За́втра всё равно́ они́ забуду́т э́тот спор, потому́ что приде́т но́вый день с но́выми дела́ми. Мо́жно, в конце́ концо́в, сходи́ть на сбор металлоло́ма, раз уж Са́шка так уцепи́лся за э́то. Найду́т они́ како́е-нибудь ста́рое ко́рыто и с победным гро́хотом поволоку́т по у́лицам... Все́ бу́дет хорошо́. Не мо́жет быть пло́хо, потому́ что наконёц у Ва́льки нача́л получа́ться рису́нок с ма́рсельной шху́ной. Когда́ у челове́ка есть ра́дость, она́ не оставя́ет ме́ста для глупыхогорче́ний...

— А уро́ки ты сде́лал? — услы́шал Ва́лька ма́мин ежевече́рный вопро́с.

— Почти́,— уклóнчиво отве́тил он и сел писа́ть упражне́ние по ру́сскому.

АНТИЦИКЛОН. ДЕНЬ

Перед тем как усну́ть, Ва́лька услы́шал пронзи́тельный го́лос ве́тра. Да́же здесь, в тепле́, чу́ствовалось, что ве́тер ледяно́й и ре́зкий. Э́то примча́лся антицикло́н, кото́рый зимо́й вторга́ется на Ура́л из Арктики и сви́щет вдоль хребта́.

Ве́тер не успоко́ился к утру́. Он гнал по асфа́льту зме́йки колю́чего сне́га. Заледене́лые ве́тки мертво́ стуча́ли друг о дру́га.

Ва́лька бежа́л в шко́лу, прикрыва́я лицо́ портфе́лем. Но когда́ он сверну́л к шко́ле, портфе́ль опу́стил. Ве́тер тепе́рь дул в спи́ну, а впе́реді в три ря́да горе́ли же́лтые ква́драты шко́льных о́кон.

Ва́лька люби́л э́ти о́кна. Люби́л за те́плый свет в моро́зной синеве́ у́тра, за то, что они́ обеща́ли шу́м-

ный день, встречу с ребятами, с Сашкой. А если школьный день приносил огорчения, на завтра Валька забывал об этом, и окна школы снова казались ему приветливыми и радостными.

Сегодня Валька особенно спешил. Хотелось поскорей укрыться от злого ветра, окунуться в тепло и весёлый шум школьных коридоров.

Он влетел с разбегу в вестибюль и наскочил на Пётрку Лисовских. Большой, грузный Петро ухватил Вальку за воротник и голосом Анны Борисовны произнёс:

— Бегунов! Бегунов! Мне надоело повторять, что по школе следует ходить спокойно. Кстати, почему ты опять не был на репетиции хора?

— Отцепись,— сказал Валька.

Лисовских отпустил его и пригорюнился:

— Валь, ты мне подскажешь сегодня? Она меня обязательно вызовет разбор предложения делать, и я опять заплёхаюсь. А мне надо «пару» исправлять.

— Подскажу, только слушай как следует, а то прошлый раз я — одно, а ты — другое.

— Туговат я на ухо,— сокрушённо сказал Петро.

— Взял бы да и выучил этот несчастный разбор,— заметил Валька.

— Так я же лодырь,— печально произнёс Петро.— Лодырь и неразвитый тип. Мне бы во второгодники...

Валька засмеялся и пошёл раздеваться.

Всё время он искал глазами Сашку, но того не оказалось ни в коридоре, ни в классе. Бестужев пришёл перед самым звонком. Мельком и равнодушно глянул на Вальку и заспешил к своей задней парте. Не будь вчерашнего спора, Валька не обратился бы на это внимания. Но сейчас он слегка встревожился.

Русский был первым уроком. Анна Борисовна медленно оглядела стоявших ребят и вздохнула:

— Садитесь.— Она́ всегда́ вздыха́ла в нача́ле у́рока.— Кто дежу́рный? Подбери́те на полу́ бума́гу. Неужели́ вам приятно́ начина́ть у́рок, когда́ сто́лько мýсора в клáссе?

Ва́лька не́ был дежу́рным, но клочо́к бума́ги валя́лся у его́ па́рты. Ва́лька по́днял бума́жку и сýнул в карма́н.

— Неужели́ нельзя́ бы́ло прибра́ть в клáссе до прихода́ учи́теля? — сказа́ла Анна Бори́совна.— Не класс, а муче́ние. Я, ме́жду про́чим, с тобо́й разгова́риваю, Бегуно́в. Ты вообще́ последне́е вре́мя разболта́лся что́-то. Шко́льные мероприя́тия не для тебя́; на хор ты не ходи́шь; пра́вила поведе́ния, ви́димо, то́же счита́ешь лишними. Убра́ть класс перед у́роком для тебя́ тяжкий труд.

Ва́лька встал. Объясня́ть, что не он сегодня́ дежу́рит, бы́ло ка́к-то нехорошо́: бу́дто ябедничаешь на друго́го. К сча́стью, в дверь посту́чали, и в класс шагну́л вы́сокий молодцева́тый десятикля́сник. Реба́та вста́ли.

— Интере́сно, почему́ Лисовских не счита́ет ну́жным встава́ть, когда́ входит вожа́тый? — поинтересова́лась Анна Бори́совна.

— А я не пионе́р,— сообщи́л Петро́.

— Но всё равно́ — Вале́рий твой ста́рший това́рищ...

— Како́й он мне това́рищ,— сказа́л Петро́.— Он на́шей Га́лке това́рищ, они́ ка́ждый день вме́сте на като́к бе́гают. А я ему́ не па́ра — двóчник и безде́льник...

— Наконе́ц-то ты э́то по́нял.

Вожа́тый Вале́рий Равенко́в мо́лча ждал, когда́ ко́нчится разгово́р. Потóм поверну́лся к за́вучу:

— Извини́те, Анна Бори́совна, я помеша́л. То́лько о́дно объявле́ние. Вы, ребя́та, сади́тесь.

— Говори́, говори́, Вале́рий.— Го́лос Анны Бори́совны за́мётно поте́плёл.

— На се́годня́ был на́значен сбор металло́ма. Из-за хо́лодной пого́ды отменя́ется. Вме́сто э́того чле́ны редко́ллегии по́сле уро́ков в пионе́рской ко́мнате выпуска́ют фотомонта́ж. В семь часо́в ве́чера сове́т дру́жны: о подгото́вке встре́чи Но́вого го́да. У ко́го есть предло́жения и пла́ны, приходи́те. Все́,— отчекáнил Равенко́в.

— А Га́лка с тобо́й на семь три́дцать в кино́ собира́лась,— лени́вым го́лосом произнёс Петро́.

По кла́ссу пронесли́сь смешки́.

Равенко́в ме́дленно о́гляде́л всех.

— Я хожу́ в кино́ и на като́к с Га́лей Лисо́вских,— отчётливо сказа́л он.— Э́то зна́ют все. Что здесь смешно́го?

Класс прити́х.

— Дика́ри,— усмехну́лся Равенко́в.

Когда́ он скры́лся за две́рью, Анна Бори́совна разверну́ла журна́л и объя́вила:

— А сейча́с Лисо́вских пойдёт к доске́ и напи́шет предло́жение...

К уди́влению всех, Петро́ сде́лал разбо́р почти́ без оши́бок. И без подска́зок. Не́сколько раз, пра́вда, он вопро́сительно смотре́л на Ва́льку: «Так?» — «Так»,— отве́чал Ва́лька глаза́ми.

— Ну что же,— сказа́ла Анна Бори́совна.— Если бы все́гда́ так, то жить ещё мо́жно. Трёйку я тебе́ поста́влю твёрдую... Пожа́луй бы, четвёрку поста́вила, е́сли бы ты ра́ньше так не пла́вал.

Лисо́вских подумал и спроси́л:

— Вы мне за се́годня́ или за ра́ньше отме́тку ста́вите?

Анна Бори́совна гля́нула на него́ с подо́зрением.

— Мо́жет быть, ты недово́лен? Мо́жет быть, по-

у́чишь меня́, как ста́вить отме́тки? Или вообще́ х́очешь сесть на моё ме́сто?

— Упаси́ го́споди,— серьёзно сказа́л Петро́.

Ребѣта засмеялись. Анна Бори́совна поду́мала и то́же рассмеялась. Потомъ сказа́ла:

— Распусти́лись вы, голу́бчики. Ну ниче́го, ско́ро приде́т но́вый кла́ссный руководи́тель, он вас возьме́т в узду́.

— А он кто? — спроси́л Серёжка Ко́льчик.

— Когда́ спра́шиваешь, на́до поднимáть ру́ку,— сказа́ла Анна Бори́совна.

Ру́ку поднимáть Ко́льчик не захоте́л, и вопро́с оста́лся без отве́та.

День бежа́л бы́стро. Синевá за окно́м смени́лась со́лнечным блёском холо́дного дня. Антицикло́н вы́скоблил не́бо, и каза́лось, что со́лнце он начи́стил про́волочной щёткой — так оно́ сия́ло.

Са́шка на перемена́х не подходи́л. Бы́ло непоня́тно, ду́ется он и́ли про́сто за́нят свои́ми дела́ми. Во вре́мя уро́ков не́сколько раз Ва́лька огляну́лся, но Бесту́жев смотре́л в тетра́дь и не отве́тил на его́ взгляд. «А, ерунда́,— реши́л Ва́лька.— Домо́й всё равно́ пойдём вме́сте...»

По́сле ру́сского бы́ла исто́рия, потомъ арифме́тика. Ва́лька не люби́л э́тот уро́к, но люби́л учи́теля Матве́я Ива́новича, пожи́лого и о́чень споко́йного челове́ка. Матве́й Ива́нович все́гда огорча́лся Ва́лкиной неспо́собностью к арифме́тике, но це́нил его́ за старáние.

— Матема́тик из тебѣ́, Бегуно́в, как из меня́ поэт,— говори́л он, разгля́дывая на доске́ Ва́лкино реше́ние приме́ра.— Но четве́рку с ми́нусом я тебе́ поста́влю, учи́тая твоё прилежа́ние. Э́того ка́чества недостаё́т о́чень мно́гим, напри́мер Поля́нскому, кото́рый второ́й уро́к подрѣ́д чита́ет под па́ртой рома́н Дюма́ «Аска́нио» и ду́мает, что я э́того не зна́ю.

Воло́дя Поля́нский вздра́гивал и роня́л кни́жку, класс хохота́л, а Ва́лька возвра́щался на ме́сто с четвёркой и был дово́лен.

Рисова́ние бы́ло на четвёртом уро́ке. Ю́рий Ефи́мович пришёл в класс не сра́зу по́сле звонка́ — задержа́лся на три мину́ты. Он не принёс ни ва́зы, ни кувши́на, ни пти́чьего чу́чала. Встал у доски и, дожда́вшись тишины́, сказа́л:

— Вот что, наро́д. Да́йте во́лю фанта́зии. Нарису́йте, кому́ что хо́чется. Жела́тельно что́-нибудь новогóднее. Договори́лись?

Класс вразнобо́й отве́тил, что договори́лись, и зашелестёл бума́гой.

Ва́лька не знал, что рисо́вать. Ниче́го новогóдного, кро́ме засне́женных ело́вых ве́ток с поздра́вительной откры́тки, в го́лову не приходи́ло. Мо́жет быть, ска́зку каку́ю-нибудь? Каки́х-нибудь пингви́нов и медвежа́т? Неинтересно...

Вспомни́лся первокла́ссник Новосёлов с эскимó. Вот бы нарисова́ть, как он ло́пает моро́женое и разглядыва́ет в витри́не ёлочные игру́шки. Но это не для уро́ка.

Так и не придума́в, Ва́лька потяну́л из портфе́ля альбо́м. Большо́й, сти́снутый уче́бниками, альбо́м вы́полза́л неохóтно. Ва́лька сердито́ вы́дернул его́ и то́лько сейча́с уви́дел, что это не тот, не шко́льный. Это был альбо́м, где жи́ли Ва́лькины друзья́ и корабли́. Ва́лька перепу́тал вчера́, когда́ собира́л портфе́ль.

Он с доса́дой затолка́л всё иму́щество в па́рту и обрати́лся к сосе́дке Светла́не Левашо́вой:

— Да́й ли́стик...

Та заворча́ла и нача́ла вырыва́ть лист.

— Что у вас случилось? — Юрий Ефимович подошёл и остановился рядом со Светланой. — Зачем ты бумагу терзаешь?

— Я попросил листок, — объяснил Валька.

Юрий Ефимович перевёл на него взгляд.

— Между прочим, — негромко сказал он, — когда разговариваешь, следует встать.

Валька медленно поднялся, с удивлением отмечая, что Чертёжник сегодня немного не такой, как всегда. Он в новом гладко-сером пиджаке, а под пиджаком вместо обычной клетчатой рубашки белая сорочка с новым галстуком. И лицо у него подчёркнуто не улыбочное и твёрдое.

Раньше на уроках рисования ребята с учителями переговаривались, не вставая и не поднимая рук. Так было удобнее работать. Замечание Чертёжника слегка обидело Вальку, и, встав, он отчётливо повторил:

— Я попросил лист бумаги, потому что мне не на чем рисовать.

— А твой альбом?

— Я оставил его дома.

Юрий Ефимович приподнял брови.

— Кому ты рассказываешь! Я отлично видел, как ты держал его в руках и прятал в парту.

— Да нет же... — начал Валька.

— Что за фокусы! — Чертёжник откинул крышку парты и вынул альбом.

Валька опомниться не успел, а он уже шагнул к столу, на ходу перевортывая обложку.

И вмиг забыл Валька, что сам хотел показать ему рисунки. Он видел только, что холодный и раздражённый человек вламывается в его тайну.

— Это другой альбом! — почти крикнул Валька.

— Ну и что же? — спросил Юрий Ефимович, поворачиваясь лицом к классу и открывая первый лист.

На первой странице был неинтересный и совсем случайный рисунок — портрет соседского котá Яшки. Но дальше...

Дальше было то, что Вáлька очень берёт. Особенно на последней странице, где он ещё не совсем закончил рисунок мальчика и шхуны.

От обиды стало горячо в горле и глазах. И Вáлька заговорил торопливо и отчаянно:

— Я ведь ва́ши картины не разглядываю без спросу! Отдавайте... Не имеете права!

Он не знал, пишет ли Чертежник картины. Но Юрий Ефимович вдруг резко задержал руку, так и не перевернув лист. И, видимо, почувствовал, что действительно не имеет права, чуть побледнел и положил альбом на край стола.

— Хорошо. Допустим... — сказал он («хор-лошó» получилось у него). — Но ты тоже не имеешь права являться на урок без необходимых вещей. Работы на вырванных листках я не принимаю. Будь любезен, дай дневник, я напишу, чтобы родители проверяли твой портфель. А заодно поставлю двойку.

⇒ Дневника нет, ⇒ с облегчением сказал Вáлька. Альбом был спасён, и всё остальное казалось неважным.

— Тоже забыл? — поинтересовался Юрий Ефимович.

⇒ Да.

На самом деле Вáлька не забыл, а оставил дневник дома специально, потому что не успел его заполнить.

— Поразительная рассеянность, — усмехнулся Юрий Ефимович.

— Можете проверить, — сказал Вáлька.

— Проверять я, очевидно, тоже не имею права. Но я могу написать твоим родителям записку... Впро-

чем, я боюсь, что из-за твоёй забывчивости ты не вспомнишь о ней дома. Может быть, её передаст кто-нибудь другой?

Он без особой уверенности обвёл глазами класс. И тогда случилось непонятное. Просто дикое. Поднялся Сашка Бестужев и лениво сказал:

— Давайте, я передам. Мне по пути...

И удивительно, что ничего не гробнуло, не сломалось. Так же солнце блестело на партах, так же смотрел с портрета Максим Горький. Прогудел самосвал за окном... Почему кругом так спокойно, когда совершается измена?

И сам Валька остался спокоен. Не дрогнул, по крайней мере. Только холодно как-то стало и то скливо.

— Предатель, — тихонько сказал Валька.

Кое-кто услышал это слово. Юрий Ефимович, во всяком случае, услышал. Он перевёл взгляд с Бестужева на Вальку и предложил:

— Ты, Бегунов, отправляйся в коридор. В классе тебе всё равно делать нечего, — и сел писать записку.

Валька вышел, сел на подоконник и прижался плечом к холодному стеклу. «Зачем Сашка это сделал? Неужели такой сильной была вчерашняя обида и Сашка захотел отомстить? Да разве так мстят! Это всё равно что ножку из-за угла подставить, подлое такое дело!

Или Сашка подумал, что Валька побоится сам передать записку, и решил отучить его от трусости? Дурак он тогда, только и всего. Но нет, Сашка не дурак. И значит — предатель.

Если бы вчера Вальке сказали, что Бестужев предаст его, он бы засмеялся. Ни за что бы не поверил. Ну, а если бы поверил, то, наверно, места бы не нашёл

себе от такого горя. Почему же сейчас он так спокоен? Может быть, потому, что всё равно ничего уже не поделаешь?»

Звонок резанул по ушам, но Валька не двинулся. Надо было подождать, когда Чертежник уйдёт из класса. Подскачили двое ребят из шестого, чтобы выяснить, в каком настроении Петька Лисовских и поможет ли он им решить задачки по физике. Пятиклассник Лисовских был членом физического общества во Дворце пионеров.

Юрий Ефимович, не взглянув на Вальку, прошёл в учительскую. Сразу же выскочил в коридор Бестужев.

— Валька, слушай...

Было просто удивительно, как у него после такого дела хватало наглости лезть с разговорами. Валька пожал плечами и повёл к Петьке шестиклассников.

— Валька... — сказал за спиной Бестужев.

Может быть, в другой момент Вальку остановил бы этот Сашкин возглас. Но сейчас Валька его даже не услышал. С порога он увидел, как Зинка Лагутина листает его альбом, который учитель оставил на столе.

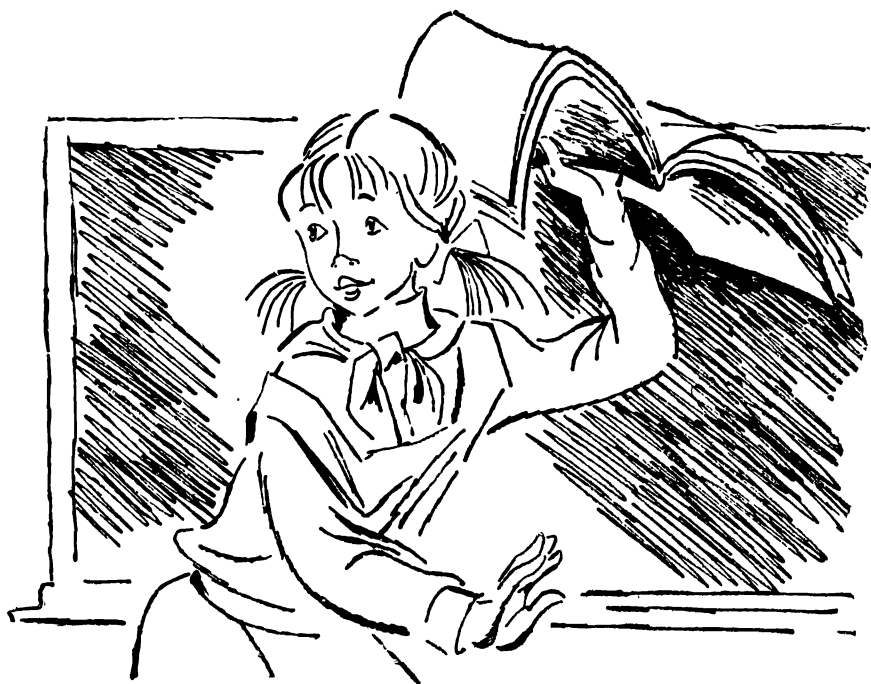
И тут словно взорвалась в Вальке бесшумная бомба. Он прыгнул к столу и размахнулся, чтобы выбить альбом из Зинкиных рук. Но ей, Лагутиной Зинке, видимо, не было дела до Валькиных переживаний. Она, как коза, отскочила к доске, показала язык и начала вертеть альбом над головой.

Было смешно и, пожалуй, бесполезно гоняться за Зинкой. Валька сдавленно сказал:

— Отдай.

Зинка продолжала улыбаться.

— Ну... — сказал Валька.

Класс, почуяв серьёзное, затих. Зинка вроде бы тоже поняла, что сейчас не до шуток. Но, наверно, какой-то вредный бес сидел в ней и мешал просто так расстаться со своей добычей. Зинка стрельнула глазами в сторону двери. Валька успел перехватить её взгляд. Они бросились к выходу вместе, но Валька успел заслонить дверь, и Зинка прижалась к косяку.

— Врежь ты ей, Бегунов,— посоветовал Пётка Лисовских.

Валька близко увидел Зинкины глаза — испуганные и злые. Он рванул альбом. Зинка выпустила его.

Наверно, ничего бы не случилось, если бы Анна Борисовна вошла в класс минутой позже. Зинка успе-

ла бы прийти в себя, Валька спрятал бы альбом и успокоился. Но именно сейчас, когда Зинка затравленно моргала и готовилась зареветь, Анна Борисовна возникла на пороге и пожелала узнать, что здесь происходит.

— Я тебя спрашиваю, Бегунов.

— Ничего не происходит,— сказал Валька, тяжело дыша.— Очень много любопытных для одного раза.

Он совсем не думал про Анну Борисовну, когда так говорил. Он думал о тех, кто интересовался его альбомом. Но ведь она этого не знала. И Валька увидел, как сжались её губы.

Лагутина тихонько захныкала.

— Перестань,— сказала Анна Борисовна.— После уроков во всём разберёмся.— И громко добавила: — После занятий никто не уходит домой. Кого не будет на классном собрании, тот завтра в школу без родителей пусть не является. Прошу это запомнить!

АНТИЦИКЛОН. ВАЛЬКА, ДЕРЖИ ОГОНЬ!

На географии Валька сидел, ничего не слыша. Он был погружён в свои мысли. Впрочем, никаких особых мыслей не было. Просто свалившиеся разом несчастья придавили его какой-то сонливой усталостью. Валька разглядывал сучок на крышке парты и чувствовал, что всё теперь очень плохо.

Свою фамилию он услышал, когда Светка толкнула его локтем.

— Бегунов,— повторила Оксана Николаевна,— ты что-то слишком уж задумался. Иди-ка отвечать.

Ужасно не хотелось вставать. Однако пришлось. Но идти к доске и рассказывать там про что-то было слишком уж тошно.

— Ты что, не выучил уро́ка?

Ва́лька пожа́л плеча́ми. Он не по́мнил, вы́учил ли. Не всё ли равно́? По сравне́нию с Са́шкиным преда́тельством э́то бы́ло та́ким пустяко́м.

— Да что с тобо́й? — Окса́на Никола́евна смотре́ла обеспоко́енно и уди́вленно.

— Со мной? — сказа́л Ва́лька.

И тогда́ сза́ди разда́лся го́лос Серёги Ко́льчика:

— Пусть он сиди́т, Окса́на Никола́евна. Непри́ятности у него́...

— Из-за одної́ ду́ры,— доба́вила Левашо́ва и вы́разительно гля́нула на Зи́нку.

— Ну и ну,— ме́дленно сказа́ла Окса́на Никола́евна.— Ла́дно, Бегуно́в, сиди́... А ты, Ко́льчик, отве́чать пойдёшь? У тебя́ нет непри́ятностей?

— То́лько одна́: не учи́л я ниче́го...— мра́чно отве́тил Серёжка, но всё-таки пошёл к доске́.

На собра́ние, кро́ме Анны Бори́совны, пришёл Равенко́в. Он сел на за́дную па́рту и шёпотом спроси́л у Ко́льчика:

— Что о́пять натвори́ли?

— Ка́жется, буфе́т взорва́ли,— звонким своим го́лосом сказа́л Серёга.

Анна Бори́совна посмотре́ла на него́ до́лгим взгля́дом и посту́чала карандашо́м о стол. Потом сообщи́ла:

— Шко́ла у нас но́вая. И коллекти́в то́же но́вый. Вы прекра́сно чу́вствуете и понима́ете, что э́то создаёт свой тру́дности...

Све́тка ря́дом с Бегуно́вым шу́мно вздохну́ла.

— Кто́-то вздыха́ет,— заме́тила Анна Бори́совна.— Ви́димо, э́тим он хо́чет сказа́ть, что я говорю́ изве́стные ве́щи. Да, изве́стные. Но я вы́нуждена их

напоми́нать, раз вы забыва́ете. У нас свои́ трудно́сти. Не хвата́ет не́скольких преподава́телей, до сих пор нет ста́ршей вожа́той. Вы учи́лись без кла́ссного руково́дителя. Но э́то не зна́чит, что мо́жно распуска́ться и позволя́ть себе́ что уго́дно. Тем бо́лее, что вам повезло́: у вас отли́чный вожа́тый, о́дин из лу́чших активистов шко́лы. Я не бою́сь сказа́ть э́то при нём...

Все шу́мно заобора́чивались, сло́вно ви́дели Ра-венко́ва пе́рвый раз.

— Ах, ах... — тихо́нько сказа́л Лисо́вских.

Равенко́в недово́льно опу́стил гла́за и забараба́нил па́льцами. Шум не утиха́л.

— Тихо... Тихо! — Анна Бори́совна боле́зненно мо́рщи́лась.

Ва́лька слу́шал и не слу́шал. Все́, что говори́лось, бы́ло приви́чным. Привы́чные слова́ скла́дывались в приви́чные предложе́ния: «Вме́сто того́ что́бы бо́льше заботи́ться об успева́емости... Без дисципли́ны не доби́ться... Ду́мать о че́сти шко́лы... Коллекти́в отве́чает за ка́ждого...» И вдруг он услы́шал про себя́:

— А Бегуно́в позволя́ет себе́ такие ди́кие вы́ходы. Я уж не говори́ю, что он по́лностью игнори́рует рас-поряже́ния шко́льной администра́ции, плюёт на кол-лекти́в: на репети́ции х́ора не явля́ется, на сб́оры то́же... Да ещё заяви́ть своему́ преподава́телю, за́вучу шко́лы: «Вы сли́шком любопы́тны!» Нет, Бегуно́в, э́то не любопы́тство. Э́то моя́ обяза́нность вме́шиваться в подо́бные безобра́зия и доби́ваться, что́бы их не́ было! И будь уве́рен, что...

Мгнове́нно вся уста́лость, все́ равноду́шие слете́ли с Ва́льки. Ну́жно бы́ло отстаива́ть справедли́вость! Он вско́чил.

— Я не вам говори́л, а ей! Она́ сама́...

— Сядь! — Анна Бори́совна хлопнула ладо́нью о стол. — Потруди́сь хоть сейча́с вести́ себя́ прили́чно!

Тебя ещё спросят, как это она «самая»... Не хватает даже мужества признаться. Или ты думаешь, я ничего не видела и не слышала?

Валька медленно сел. Но класс уже гудел, и голоса в поддержку Бегунова ясно выделялись в общем шуме.

— Интересно вот что,— перекрывая шум, заговорила Анна Борисовна.— Бегунова защищают те, кто сам не в числе лучших: Лисовских, Кольчик, Воробьев... («Раньше она сказала бы ещё «Бестужев»,— подумал Валька. Но сейчас Сашка молчал.)

Маленький Витя Воробьев смешно сморщился: «С чего это я в худшие попал?»

— Да-да! И ты, Воробьев! Ты тоже последнее время распустился... И меня удивляет, почему молчат наши активисты?

— Можно, я скажу? — Эмма Видулова на передней парте вскинула руку.

— Очень хорошо. Скажи.

— Все мальчишки считают, что если они сильные, значит...

Мальчишки подняли гвалт.

Встал Равенков и резко потребовал:

— Тихо! Пять секунд на установку тишины. Раз...

Тишина повисла над партами, тяжёлая, но непрочная.

— Непонятно, почему молчат пионеры,— сказал Равенков.— Почему молчит командир отряда Левашова? Она, кстати, соседка Бегунова по парте.

Светлана встала.

— Я в командиры не просилась. И в соседки к Бегунову не просилась. Пусть Бегунов сам говорит.

— Хорошо, пусть,— согласилась Анна Борисовна.— Говори, Бегунов.

Что говорить? Опять доказывать одно и то же?

— Я уже говорил.

— Мы пока ничего не слышали, кроме грубостей. Может быть, ты объяснишь своё поведение?

— Я вырвал свой альбом. И я не грубил, я про неё сказал.

— А ты не мог не вырывать, а сказать спокойно, чтобы она отдала.

— Будто она понимает! — крикнул Витька Воробьев. — Она как обезьяна!

— Она дразнилась!.. Сама виновата! — зашумели мальчишки.

— Ти-хо!

— Разрешите, я скажу, — попросил Володя Полянский. И, не дожидаясь ответа, вышел к столу.

Высокий, в отутюженном чёрном пиджачке, подтянутый и какой-то слишком взрослый, Вальке он не нравился. Казалось, что Полянский считает себя умнее остальных и в класс ходит только по необходимости. Говорят, он занимался в драмкружке Дворца пионеров и даже по телевидению выступал. Может быть, Валька не знал.

— Бегунову трудно говорить. Не все умеют говорить, когда волнуются, — сказал Полянский, поглядывая исподлобья на класс.

— Ты зато умеешь, — хихикнула Эмка Видулова.

— Я умею... Я хочу сказать про Бегунова. Получается, будто он какой-то преступник. И в том виноват и в этом. А тут всё просто. Лагутина схватила его альбом. Она знала, что Бегунов не хочет, чтобы альбом смотрели, но схватила... Вот Видулова говорит, что ребята силой пользуются. Это неправда. Бегунов не сильный. И он не дрался, он просто альбом вырвал, чтобы она не смотрела. Даже Юрий Ефимович не стал смотреть, когда Бегунов сказал, а она...

— Постой, постой! — Анна Борисовна встревó-

женно взглянула на него, а потом на класс.— При чём здесь Юрий Ефимович?

— Сегодня же рисование было.

— Ну и что?

Волodia почувствовал, что, кажется, сказал больше, чем нужно.

— Ну и вот... Бегунов попросил не смотреть альбом, и Юрий Ефимович не стал.

— И двойку поставил,— язвительно сообщила Викилова.

— Ябеда,— сказал Кольчик.

— Кто ябеда? Всё равно Юрий Ефимович записку написал!

— Викилова, стой. Какую записку? В чём дело?

— Ну, простую записку. Потому что Бегунов как заорёт: «Не имеете права!»

Анна Борисовна ладонями потёрла щеки.

— Так...— тихо сказала она.— Я просила Юрия Ефимовича быть вашим классным руководителем. Сегодня утром он почти согласился. Хорошо же вы его встретили...

Хотелось есть, но возиться с печкой или плиткой не хотелось. Валька поставил на клеёнку сковородку и стоя жевал холодную жареную картошку без хлеба. Всё равно, лишь бы притупился голод.

Он не включал свет, хотя в кухне стало совсем темно.

В коридоре грохнула дверь, и через секунду с клубящимся холодом кто-то маленький ввалился в кухню.

— Валька! Ты дома, Валька?

Андрюшка.

— Ну что? — сказал Валька.

— Можно, я включу свет?

— Я сам.— Он давлнул кно́пку выключа́теля.

Андрю́шкина шу́ба засия́ла блёстками йнея и нача́ла оку́тываться па́ром.

Андрю́шка стяну́л косма́тую ша́пку и сообщи́л:

— Мы се́годня шу́турм начина́ем. Приде́шь?

— Како́й шу́турм?

— Кре́пость бу́дем брать. Я же расска́зывал.

Счастли́вый он челове́к, э́тот Андрю́шка. Бу́дет шу́турмова́ть се́годня сне́жную кре́пость, нет у него́ други́х забо́т. Глаза́ блестя́т, и ще́ки ро́зовые от мо́роза.

— В тако́й-то хо́лод,— сказа́л Ва́лька.

— Когда́ бе́гаешь, ника́кого хо́лода нет,— возра́зил Андрю́шка и немно́го опеча́лился.— Ты не приде́шь, да?

— Я не могу́.

— Не мо́жешь...

«Не до кре́пости мне»,— хоте́л сказа́ть Ва́лька. Но сказа́л:

— Я пра́вда не могу́. Мне в шко́лу ещё на́до. Я, мо́жет быть, за́втра приду́, Андрю́шка.

— Ну хорошо́. За́втра.— Он помолча́л и доба́вил: — Часо́в на кре́пости нет. Пло́хо э́то.

— Ла́дно...

Он закры́л за Андрю́шкой дверь. До́ма было́ до тошноты́ ти́хо. Оте́ц, как всегда́, задержа́лся в те́хнике, у ма́мы — профсо́юзное собра́ние.

Интересно́, заходи́л ли с запы́ской Са́шка? Если заходи́л, всё равно́ никогó не заста́л. По́сле кла́ссного собра́ния Бесту́жев ещё раз пробы́вал подойти́ к Ва́льке. Ва́лька сказа́л:

— Поше́л к че́рту.

На э́тот раз, ка́жется, Бесту́жев кре́пко разо́злился...

Ва́лька глянул на часы́. До се́ми ещё почти́ час.

Совет дружины в семь. Равенков сказал: «Здесь мы ничего не решим. Не отряд, а базар какой-то. Сами хуже делаете. А ты, Бегунов, придёшь сегодня на заседание совета. Ясно?» И он взглянул на Анну Борисовну.

«Правильное решение,— сказала она.— По крайней мере, там ребята, у которых есть чувство ответственности».

А у класса чувства ответственности нет. Собрание кончилось тем, что мальчишки переругались с девочками, а про Вальку и про дисциплину говорить никто не хотел.

У Бегунова чувства ответственности тоже нет. Он оторвался от коллектива, нарушил школьную дисциплину, оскорбил нового классного руководителя, а потом завуца, виню свою не осознал и извиняться не захотел.

Часы на стене отчетливо стучали. Это были большие старинные ходики. Валька посмотрел на них, принёс лист ватмана и достал тарелку, чтобы вычертить по ней циферблат крепостных часов. Тарелка выскользнула и грохнулась на пол.

Валька постоял, потом задвинул ногой под стол черепки, оделся и вышел из дому.

В чистом темно-синем небе светилась россыпь звёзд. Среди этой россыпи дрожала золотая капля. Валька знал — это Юпитер. Вчера он снова смотрел на него в Сашкин телескоп. Видел светлое зеркальце планеты и четыре точки спутников. Вчера... Эх, Бестужев...

Школа работала в одну смену и по вечерам делалась непривычно пустой.

Лестница была полутёмной и гулкой. Валька поднялся на второй этаж. Плафоны в длинном коридоре

горели через один, и стоял полумрак. Только открытая дверь пионерской комнаты в конце коридора ярко светилась. Валька пошёл туда, и справа, в чёрных стёклах, двигалось за ним его тёмное отражение.

Часы показывали без двадцати семь.

В пионерской был только один мальчишка. Маленький, но с двумя нашивками. Видимо, четвероклассник. Он стоял у тумбочки с барабаном и щёлкал по нему пальцем. После каждого щелчка над барабаном поднималось облачко пыли.

Когда Валька вошёл, четвероклассник вздрогнул и обернулся.

«Знакомое лицо,— подумал Валька.— На кого он похож?»

— Ты на совет? — спросил мальчишка.

— Да,— сказал Валька и усмехнулся.

— Хорошо. А то меня дежурить тут оставили, пока все не соберётся. Скучно,— пожаловался четвероклассник.

Валька промолчал и сел в угол. Привычная обстановка пионерской комнаты успокоила его. «В самом деле, не съедят же», — подумал Валька.

Собирались ребята. Почти незнакомые. Пришёл рослый семиклассник с ленивым лицом, толстая девчонка в очках, потом ещё две девчонки — одна из шестого, другая из пятого «Б». Ещё кто-то... Вальке было всё равно. Знакомыми оказались только Олег Ракитин и Зинка. Олег раньше учился в Валькином классе, но потом перешёл в параллельный, чтобы учить английский, а не немецкий язык: английским он с детства занимался.

Интересно, будет Лагутина жаловаться на Вальку или она пришла просто как член совета дружины?

Смотреть на неё не хотелось.

А Олегу Валька обрадовался. Олег ему все-

гда нравился. Раки́тин сам подошёл к Ва́льке и спроси́л:

— Зи́нка не проси́ла помири́ться?

— Зи́нка Лагу́тина? С чего́ это она́ бу́дет мири́ться?

— Ну ла́дно...— сказа́л Раки́тин.

Ва́лька помя́лся и спроси́л:

— Ты отку́да про всё зна́ешь?

— Воло́дька Поля́нский сказа́л.

«Воло́дька хоро́ший,— подумал Ва́лька.— Зря я на него́ коси́лся».

Ро́вно в семь пришёл Равенко́в. Ме́льком, без вся́кого выраже́ния, взгляну́л на Ва́льку. Спроси́л у собра́вшихся:

— Почему́ так ма́ло?

— Не всех предупреди́ли...

— Ана́рхия,— сказа́л он.

— По-мо́ему, Равенко́в ме́тит в ста́ршие вожа́тые,— ни к кому́ не обраща́ясь, го́лко сказа́л Раки́тин.

— Нет,— откли́кнулся Равенко́в.— У меня́ други́е пла́ны. Но е́сли понадо́бится...

Раки́тин оберну́лся к нему́ и что́-то сказа́л по-англи́йски.

— Очень остроу́мно,— серди́то бро́сил Равенко́в.

Оле́г тихо́нько засви́стёл...

Наконе́ц появи́лась Анна Бори́совна.

Ра́зом задвигались сту́лья, и оказа́лось, что все сидят у дли́нного блестя́щего стола́. Лишь Ва́лька оста́лся в углу́. Сиде́л нахо́хлившись и разгля́дывал сте́ны с плака́тами. Плака́ты бы́ли знако́мые и неинте́ресные.

— Ма́ло наро́ду,— сказа́ла председа́тель сове́та дру́жны, высо́кая восьмикла́ссница с у́зким стро́гим ли́цом.— Бу́дем всё равно́ начина́ть?

— Что же дѣлать,— откликнулась Анна Борісовна.— Начинаяте. Вы на меня не смотрите, я у вас гостья.

Председательница стояла за столѳм и вертѣла в тонких пальцах авторѳчку.

— Значит, так... У нас два вопроса. Пѣрвый — ѳто подготовка к Новѳму году, а вторѳй — поведѣние... то есть разбѳр поведѣния... пятиклѣсника Бегуновѳ... Он пришѣл?

— Пришѣл,— сказѣл Равенковѳ.

Все заоглядывались на Вѣлку, а мѣленький четвероклѣсник посмотрѣл на неѳ с удивлѣнием, почти с испѳгом.

Вѣлка устѣвился в пол и сжал гѳбы.

— Ну хорошо...— Председательница вопросительно глѣнула на Анну Борісовну.— Ты, Бегуновѳ, пока побѳдь в коридѳре, у нас сначала пѣрвый вопросѳ.

Анна Борісовна досѣдливо помѳрщилась.

— Подожди, Коротковѳ,— вполголѳса заговѳрила она.— Какѳй пѣрвый вопросѳ, когда от половѳны клѣсов нет представителей. Потѳм об ѳтом.

— Ну, тогда сразу вторѳй... Значит, так. В ѳбщем, дѣло в том, что ѳтот Бегуновѳ... В ѳбщем, пусть он сам расскажет. Вѳйди к столѳ.

Вѣлка мѣдленно встал.

— Что рассказывать?

— Ты сначала вѳйди сюдаѳ.

Вѣлка подошѣл блѳже.

— Что рассказывать? — повторѳл он и почувствовал злость. Он сам не ожидаѣл, что бѳдет злѳться, и вот разозлѳлся.

— Совѣт дружѳны хѳчет знать, что ты натворѳл,— твѣрдо сказѣла председательница, и еѳ стрѳгое лицѳ стѣло ещѣ стрѳже.

— Я думал, вы всё знаете, раз позвали,— ответил Валька, глядя поверх голов.

— Мы знаем,— вмешался Равенков.— Но мы хотим услышать, как ты сам объяснишь это дело.

— Как оцениваешь свой поступок,— подсказала Анна Борисовна и взглянула на Вальку почти доброжелательно.

Вот и всё. Теперь осталось сказать, что он был неправ, погорячился и очень об этом жалеет. И просит простить. И больше не будет. На это уйдёт минута. Ещё минуты три его поругают для порядка и отпустят домой. И сегодня он ещё успеет начертить часы для крепости.

Для той крепости, которую штурмует сейчас маленький капитан Андриюшка. Андриюшка, который нарисован в Валькином альбоме — на берегу, перед возникшим из тумана летучим парусником...

— Никакого поступка не было,— сказал Валька. Довольно долго все молчали.

— Вот как...— сказала наконец Анна Борисовна.— Ну, а что же тогда было? Видишь, ты молчишь. Не знаешь, что сказать. Наговорить массу непозволительных вещей учителям было легче.

Аккуратная девочка в белом переднике подняла руку и сообщила:

— В той школе, где я раньше училась, мальчишек исключали на две недели, если у них дисциплина плохая.

— Ну, это уж дело педсовета,— заметила Анна Борисовна.— А вы решайте по своей пионерской линии.

— Почему нет Юрия Ефимовича? — вдруг спросил Олег.

— Потому что он сразу после урока ушёл домой и не знает о совете... И что это такое?! — вдруг запоз-

да́ло возмути́лась она́.— Обсужда́ть учите́лей — не твоё де́ло.

— Да,— сказа́л Раки́тин.— Я лу́чше Лагу́тину бу́ду обсужда́ть. Почему́ она́ молчи́т? Она́-то зна́ет, про кого́ Бегуно́в говори́л: «Мно́го любопы́тных разве́лось...»

— Тебе́, Раки́тин, сло́ва не дава́ли,— нача́ла председа́тельница.

— А я взял. Потому́ что я её зна́ю, Лагу́тину. Лу́чше вас. Мы с пяти́ лет в сосе́дних кварта́рах жи́вём. Она́ из-за своёй вре́дности мно́гое мо́жет. И сейча́с то́же. Ведь зна́ет, а молчи́т! А тут все сидят и уша́ми хло́пают!

— И я? — спроси́ла Анна Бори́совна.— Ты ду́маешь, что говори́шь?

— Я говори́ю про сове́т дружи́ны,— не смути́лся Оле́г.— Лагу́тина схвати́ла чужо́й альбо́м, дове́ла челове́ка и в ус не ду́ет. Я бы ей воо́бще башку́ оторва́л.

— Но-но́,— сказа́л Равенко́в.

— Оторва́л бы,— серьё́зно повто́рил Оле́г.— Что́бы не совала́сь. Потому́ что у любо́го челове́ка быва́ют та́йны. Оди́н челове́к, наприме́р, стихи́ пи́шет, друго́й там... Ну, я не зна́ю. Не всегда́ ведь лю́бят лю́ди расска́зывать. А она́ ла́пает свои́ми рука́ми! И нос суёт. Если я вот сейча́с начну́ расска́зывать, как она́ до́ма в куклы́ игра́ет це́лыми дня́ми, её ведь то́же не понра́вится!

— Что ты врёшь! — вспыхну́ла Зи́нка.— Сам, на́верно, игра́ешь! Дура́к!

— Я не вру. Это я для приме́ра...

— Дура́к!

— Не нра́вится? — спроси́л Раки́тин.

— Ти́хо! — крикну́ла Коротко́ва.— Раки́тин, как ты сме́ешь!

— А что я сказа́л?

Зи́нка вдруг закры́ла ли́цо ладо́нями и вы́скочила в коридо́р.

— За́ело,— с мра́чной ра́достью заме́тил Оле́г.

— Раки́тину, по-мо́ему, здесь не ме́сто,— сказа́ла Анна Бори́совна.

— Я член сове́та дружи́ны.

— Бою́сь, что ненадо́лго.

— Пожа́луйста.— Раки́тин споко́йно отпра́вился к двéри. С поро́га сказа́л: — Слу́шай, Коротко́ва. Мало-ва́то вас. Как голосова́ть бу́дете?

— Ниче́го, спра́вимся,— отрэ́зала она́. И поинтересова́лась: — Все́-таки не понима́ю, заче́м ну́жно прятать свой альбо́м от това́рищей?

— От това́рищей я не прячу́,— сказа́л Ва́лька.

Анна Бори́совна ре́зко поверну́лась.

— Ты хо́чешь сказа́ть, что мы, что Лагу́тина и Ю́рий Ефи́мович — твои́ враги́? Тогда́ я́сно. Зна́чит, ты и на учи́теля набро́сился бы, как на Лагу́тину, е́сли бы он не закры́л твой альбо́м?

Вот сейча́с Ва́лька растеря́лся. Ниче́го тако́го он сказа́ть не хоте́л и не знал тепе́рь, что отве́тить. Но Анна Бори́совна не ждала́ отве́та.

— В конце́ концо́в, ни меня́, ни Ю́рия Ефи́мовича не интере́сует твоё отноше́ние к нам как к лю́дям. Но как учи́телей ты обяза́н нас уважа́ть. Обяза́н!

— Учи́теля и лю́ди ра́зве не одно́ и то же? — ти́хо спроси́л Ва́лька.

— Что? — Она́ расте́рянно поднесла́ ру́ку к подборо́дку.— Что ты говори́шь?

— Ниче́го,— произне́с он, сло́вно шага́я в про́пасть.— Я постара́юсь... уважа́ть. Раз я обяза́н.

— Ты ду́маешь, что ты говори́шь?!

Ва́лька ду́мал. Но не отве́тил.

— Анна Бори́совна,— со всей своёй ве́жливостью

начал Равенков.— Извините, но по-моему, мы слишком долго говорим об этом... Бегунове.

Валька сам не понял, как это случилось. Будто толкнул его кто-то. Наверно, это прорвалась накопившаяся обида. Он коротко засмеялся и бросил Равенкову:

— С Галкой Лисовских на каток ты всё равно не успеешь.

Несколько секунд все молчали. Даже Равенков, кажется, растерялся. Наконец Анна Борисовна произнесла:

— Ну, вот перед вами весь Бегунов. Во всей красе.— В голосе её слышались довольные нотки. Она словно хотела сказать: «Видите, я не ошиблась».— Решайте,— сказала она.— Видимо, Бегунов не чувствует себя виноватым. Он считает себя героем.

Вот уж героем-то он себя никак не считал!

— Какие будут предложения? — спросила Короткова.

Предложений не было. Молчание затягивалось.

— Веди собрание, Короткова,— сказала Анна Борисовна.

Председательница пошевелила губами и вдруг объявила:

— Тогда я сама. У меня предложение. Мне кажется, все всегда очень долго возятся вот с такими... как Бегунов. Я никак не понимаю: если он такой, как он может быть пионером? Ведь пионер — это же... Ведь он же торжественное обещание давал, а сам нарушает. А раз нарушает, то что делать? В общем, я предлагаю исключить, а потом уж с ним разговаривать, если надо. Вот и всё.

— Что? — шепотом спросил Валька.

— Вот так,— чётко сказала Анна Борисовна.

— Я согласен,— сказал Равенков.

Онй что, с ума сошли? Или так просто, решили по-пугать?

— Будем голосовать? — спросил у Анны Борисовны Равенков.

Валька медленно шагнул от стола. Маленький четвероклассник смотрел на него с испуганной жалостью. Толстая девчонка шевельнула на столе локтем: словно проверяла, удобно ли будет держать поднятую руку.

— Вы же... не знаете, — тихо сказал Валька, — ничего...

Анна Борисовна взглянула на часы.

— Я полагаю, мы знаем достаточно.

А что они знали?

Разве они знали, как ранним утром он стоял на берегу, счастливый, босой, в мятых, кое-как выжатых штанах и чьей-то сухой рубашке, а перед ним разворачивал строй сводный отряд барабанщиков!

Разве они это знали?

И как полыхало на берегу пламя костра, почти незаметное при солнце, но такое жаркое, что на Вальку несло теплом, как из Сахары. Толстая головешка выстрелила в огне, крошечный пунцовый уголёк вылетел из костра и клюнул Вальку в колено. А Валька даже не дрогнул. Потому что барабанщики уже насторожили палочки, а Сандро потянул с себя галстук, чтобы завязать его на Вальке...

— Может быть, объявить выговор? — лениво сказал семиклассник.

— Что значит «может быть»? — недовольно откликнулась Анна Борисовна. — У тебя такое предложение?

— Ну, предложéние.

— Есть ещё предложéние: вы́говор,— сказа́ла она́.— Но мне ка́жется, что Коротко́ва вы́сказалась пра́вильнее. Едва́ ли вы́говор заста́вит его́ задума́ться.

— Кто за то, что́бы исклю́чить? — спроси́л Равенко́в.

...А они́ ви́дели когда́-нибудь, как принима́ют в пионе́ры под весёлый гро́хот девятна́дцати бараба́нов?

Де́вочка в бе́лом перéднике подня́ла ру́ку.

— Раз,— маши́нально произнёс Равенко́в.— Что, всего́ один го́лос?

— У меня́ предложéние,— нача́ла де́вочка.

— С предложéниями, по-мо́ему, ко́нчено,— полувопроси́тельно сказа́л Равенко́в и посмотре́л на Анну Бори́совну.

— Пусть говори́т,— разреши́ла она́.— Говори́, Вале́ева.

— У меня́ предложéние,— сказа́ла Вале́ева, глядя́ на плака́т «Занима́йтесь авиамоде́лизмом!».— В той шко́ле, где я ра́ньше учи́лась, иногда́ на ме́сяц исклю́чали, а не насовсе́м. А потóм, е́сли дисципли́на хоро́шая, сно́ва принима́ли.

— Посмо́трим,— сказа́ла Анна Бори́совна.— У тебя́ всё?

Де́вочка облизну́ла гу́бы и кивну́ла.

— Садись.

— Кто за пе́рвое предложéние? — раздражё́нно повто́ри́л Равенко́в.— Голосу́ем... Коротко́ва, счита́й. Ты же председа́тель.

— Раз,— нача́ла Коротко́ва,— два...

То́лстая девчо́нка акку́ратно укрепи́ла свой ло́коть

на краю стола. Девочка в белом переднике медленно подняла полусогнутую ладошку.

Равенков небрежно вскинул руку к плечу, словно останавливал на улице такси:

— Три...

Стойте! Ну что вы делаете!

— Мы всегда очень долго возимся...— повторила председательница и сама подняла руку.

Глядя на неё, проголосовала и всё время молчавшая девочка из пятого «Б».

— Я воздерживаюсь,— сказал семиклассник и коротко зевнул.

— Что так? — с улыбкой спросил Равенков.

— Да так...

— Дело хозяйское,— сухо заметила Анна Борисовна.— Ну а ты, Серёжа, почему не голосуешь?

Маленький четвероклассник сидел, напряжённо приподняв плечи, и молчал.

— Тёже воздерживаешься? — спросил Равенков. Серёжа помотал головой.

— Значит, против?

Он кивнул, не глядя на вожакого.

— Странно,— произнёс Равенков.

— Это его право,— сказала Анна Борисовна.— Хотя, честно говоря, от Сергея я этого не ожидала.

Четвероклассник сидел всё так же, ни на кого не глядя. Маленький и упрямый. «Спасибо»,— мысленно сказал ему Валька. И в ту же секунду Равенков громко объявил:

— Всё равно большинство.

Значит, всё кончено?

— Встать! — резко скомандовал Равенков.

Все торопливо поднялись, загремев стульями, и Равенков повернулся к Вальке:

— Подойди сюда.

Валька сделал несколько шагов. Трудные были шаги. Ноги стали как неживые.

Равенков дернул подбородок, указывая на галстук:

— Сними.

— Не надо, — шепотом сказал Валька.

— Сними галстук, — отчеканил Равенков.

А на галстуке, на уголке, — маленький огненный прокол. След летучей искры из большого костра.

Если снять — значит, надо забыть про этот костёр?

И про другие костры, значит, надо забыть?

Их разжигали на вырубке, среди мшистых еловых пней. Из-за леса выкатывалась медная луна, повисала над головами и слушала, как трещат сучья. Они трещали так, что барабан, который Валька держал на коленях, откликнулся лёгким звоном. Если снять галстук, надо забыть про этот барабан?

Он достался Вальке не сразу. Сначала была лишь нашивка на рукаве — синий треугольник с перекрещенными палочками, а барабана не было. И поэтому не раз Валька слышал смех: «запасной козы барабанщик». Но он не обижался, он доволен был и этим. Хоть и запасной, а всё-таки... А в середине смены за Петькой Бревновым приехали родители, чтобы забрать его с собой в отпуск на Кавказ. Валька перестал быть запасным.

Ему нравилось подниматься, когда лагерь ещё спал, и вместе с горнистами разбивать тишину: «Вставайте. Начинается день!» И ещё ему нравились боль-

шие линейки, когда барабанщики выходили к флаш-току для торжественного марша. Они вставали растянута́й шеренгой, потому́ что не любили сомкну́тый строй: в плотной шеренге трудно двига́ть рука́ми.

Но сейчас они встали бы тесно-тесно. Если бы найти́ такой бараба́н, чтобы́ рокот его́ разнёсся за горизонт, и дрожа́ли бы стёкла, и тяжёлые ша́пки снёга в леса́х срыва́лись бы с сосен! Чтобы́ гремела трево́га...

Они́ встали бы тогда́ локоть к локтю — бараба́нщики отрядов, бараба́нщики-сигналисты, бараба́нщики знаменосной гру́ппы. И, глядя в упор на Равенкова, они́ бы сказа́ли ему́...

Ва́лька тихо сказа́л:

— Не сниму́.

Он не снимет. Потому́ что бы́ли походы, когда́ Ва́лька шёл по поя́с в сырoм папоротнике и стрелка ко́мпаса неуве́ренно рыскала по траве́, а на́до бы́ло иска́ть доро́гу и де́лать вид, что ты не уста́л.

И появля́лась доро́га, и уходила́ уста́лость.

Бы́ли и́гры, когда́ Ва́лька врыва́лся на верши́ну ка́менного холма́, опроки́дывая чужо́е зна́мя с нама́лёванной хвоста́той коме́той.

И ещё́ бы́ло ра́ннее у́тро ию́ля, когда́ на рассвете́ бараба́нщики вно́вь собра́лись встреча́ть со́лнце. Просыпа́лись и тихо́ вздра́гивали бере́зы. Ва́лька неслы́шно вошёл в октяб́рятскую пала́ту, осто́рожно тряхну́л за плечо́ и по́днял на́ руки тёплого́ от сна малы́ша.

И сказа́л обы́чные слова́:

— Не хнычь. Сам проси́л вчера́.

Тот дове́рчиво обхвати́л Ва́лкину шею́ и со́нно прошепта́л ему́ в у́хо:

— Мы не опозда́ли? Я просну́сь сейчас...

Тогда́, засмея́вшись от неожи́данной не́жности к ма́ленькому това́рищу, Ва́лька прошепта́л:

— Просыпайся. Будет хорошее солнце...

А кругом было тихо, только малыш, просыпаясь, громко дышал у Валькиной щеки...

Если отдать галстук, значит, сделать, будто ничего этого не было? И не будет?

— Не отдам,— сказал Валька так отчетливо, что пыльный барабан в углу откликнулся тихим гудением.

У Равенкова шевельнулся уголок рта. Это была его, равенковская, усмешка. Конечно, это звучало смешно: «Не отдам». Как он сможет, как он посмеет, этот чуть не плачущий пятиклассник!

Равенков протянул руку. Но еще быстрее метнулась к галстуку Валькина рука и стиснула его в кулак. У самого узда.

Кулак сжался так отчаянно, что казалось, кожа лопнет на костяшках.

Наступило молчание, тяжелое и тоскливое.

Равенков слегка пожал плечом.

— Извините, Анна Борисовна. Видимо, придется применить некоторое усилие.

— Не нужно никаких усилий,— сказала она.— Здесь не спортзал. Что еще за новости?

Она встала рядом с Равенковым. Он слегка шагнул в сторону, словно уступая свое место и свою роль.

— Бегунов, сейчас же снимй галстук! — произнесла она привычно требовательным голосом. Так же она говорила во время урока: «Лисовских, немедленно дай мне дневник... Сергеев, выйди из класса». — Я тебе говорю, Бегунов...

Валька тяжело поднял глаза. Ей навстречу. Она смотрела на него с досадливым нетерпением, но старалась скрыть это нетерпение и казаться спокойной и уверенной.

И вдруг Валька понял, что Анна Борисовна устала. И что ей, наверно, очень хочется скорее уйти до-

мой и, может быть, по дороге ещё надо зайти в булочную, которую скоро закроют; а потом придётся готовить ужин, возиться с посудой и думать о завтрашних уроках... И он, Валька Бегунов, только маленькая частичка многих забот. И, возможно, она вообще не была уверена, что его следует исключить из пионеров, но, раз уж к этому дело пошло, надо доводить до конца. Надо, потому что нельзя поддаваться слабости и усталости, когда на тебя смотрят ученики.

И на секунду Валька ощутил даже что-то вроде смутной жалости к ней, уставшей и раздражённой. Но чувство это почти мгновенно забылось.

Она хотела от Вальки слишком многого: чтобы он отдал галстук. Она всё ещё не понимала, что он не отдаст, и ждала.

Валька смотрел ей в глаза. Это очень тяжело — смотреть так в глаза человеку, который сильнее тебя. Смотреть и молчать. И мягкий шелковистый узел галстука сжимать в окаменевшем кулаке.

Это, наверно, не легче, чем держать в руке огонь.

Или всё-таки легче?

Или труднее?

Тишина сделалась такая, что стук часов начал нарастать, как грохот молотков.

Или барабанов?

Но когда же это кончится?

И когда стоять так и смотреть он уже не мог, сзади рванули дверь, и Сашкин голос ввинтился в тишину:

— Валька, не отдавай!

Это было как толчок.

Валька рванулся назад, бросился в дверь. Он успел заметить столпившихся у окна ребят: Володю

— Бегунов, сейчас же снимй галстук! — произнесла она привычно требовательным голосом.

Полянского, Кольчика, Воробьёва, Петьку Лисовских. И Сашку, отскочившего к косяку. Он увидел их встревоженные лица. Но остановиться не мог. Он пошёл, пошёл вдоль запертых дверей, под слепыми, погасшими плафонами, всё скорей и скорей. И очень хотелось сорваться и побежать, но Валька чувствовал, что нельзя. Бегут те, кто виноват.

И только на лестнице, где никто уже не смотрел вслед, Валька кинулся через три ступеньки. Вниз. Вниз...

Он так и не заплакал.

Он толкнул низкую дверцу раздевалки, сорвал с крючка шапку, пальто. И только тут заметил, что свободна у него лишь правая рука. Левой рукой он всё ещё держал галстук.

Валька стал разжимать кулак. Пальцы словно окоченели и разгибались медленно.

КРЕПОСТЬ. ВАЛЬКА, ПОЖАЛУЙСТА, ВСТАНЬ!

Валька плечом отодвинул тяжёлую дверь, и морозный воздух резанул ему лицо. Валька остановился на крыльце.

Что же делать дальше?

Та упрямая сила, с которой он держался в пионерской комнате, теперь покинула его.

Валька медленно спустился с крыльца, прошёл вдоль школы, свернул в переулок и зашагал наугад, не думая о дороге и доме.

Что же будет дальше? Завтра?

Нет, он ни капельки не жалел, что не отдал галстук. Никаких сомнений тут не было, но и просвета не было тоже.

Чего он добился? Завтра, наверно, всё повторится.

Ну, опять галстук не отдаст. Ну и что? Носить его всё равно запретят, если считается, что исключили.

Самое страшное, что никто не поможет, никто не защитит.

А может быть, кто-нибудь защитит? Кто?

Где-то в этом городе живёт Сандро, старый Валькин вожатый. Но где его найдёшь? Забыл Валька летом взять адрес. Так глупо получилось...

Кто ещё?

И вдруг Валька понял, кто поможет. Оксана Николаевна. Она всегда понимает. Надо пойти и всё рассказать. Прямо сейчас надо пойти, ещё не поздно.

Путь до большого зелёного дома на углу Пушкинской показался ему очень коротким и знакомым. И лестница в доме, и дверь, и даже коричневая кнопка звонка в белом колёчке. И поэтому вдруг поверилось Вальке, что всё сейчас решится, всё будет хорошо. Он смело вдавил кнопку, и звонок за дверью словно взорвался. Валька вздрогнул и замер, испуганный своей решительностью и этим оглушительным звонком. Но за дверью уже дёргали запор, и вот она открылась. Валька увидел Серёжку.

Того Серёжку, который отказался голосовать за Валькино исключение.

«Брат», — подумал Валька даже без удивления, а просто с досадой: как он не догадался в школе. Они с сестрой так похожи...

Ещё скользнула мысль, что он, Валька, видно, долго бродил по улицам, если Серёжка успел прийти из школы и даже переодеться.

Наверно, брат Оксаны Николаевны удивился. Он несколько секунд смотрел на гостя и моргал. Потом смутился и шагнул в сторону, чтобы пропустить Вальку.

Ничего не сказал.

— Здравствуй,— поспёшно и растёрянно пробормотал Вáлька. И тут же по́нял — глúпо здоро́ваться, ёсли то́лько час наза́д ви́делся с челове́ком. И воо́бщё всё получи́лось так глúпо и проти́вно. Да́же у́ши на́чали горéть под ша́пкой. За́чем он пришёл? Како́й по́мощи он хо́чет? Чтóбы Оксáна Никола́евна пошла́ уговáривать за́вуча?

Емú показáлось, что Серёжке извёстны его́ мы́сли, страх его́ и сла́бость. И Вáлька по́нял, что не пересту́пит поро́га.

— Оксáна Никола́евна до́ма? — спроси́л он, отча́янно жела́я, чтóбы до́ма её не оказа́лось.

— Она́ ско́ро придёт,— ка́к-то ви́новато сказа́л Серёжка.— Ты подожди́. Заходи́...

— Нет, я пойду́,— прýча глаза́, отве́тил Вáлька. Бы́ло нелóвко скрывать за пусты́ми слова́ми гла́вную свою́ большúю трево́гу, и оба они́ понима́ли это. «Что там бы́ло по́сле меня́?» — хоте́лось спроси́ть Вáльке, но он знал, что скорéй умрёт, чем спрóсит. Вме́сто это́го он сбивчиво и торопли́во сказа́л совсём друго́е. И да́же обра́довался, что нашёл такие спаси́тельные слова́: — Я то́лько спроси́ть хоте́л... Мы договáривались с Оксáной Никола́евной... Оди́н мальчи́шка с ва́ми на катóк хоте́л ходи́ть. Емú когда́ мо́жно прийти́?

— Да. Я зна́ю,— оживи́лся Серёжка.— В воскресе́нье мо́жно. Утром.— И глянул на Вáльку с просто́душным уди́влени́ем: «Зна́чит, из-за это́го ты и пришёл?»

— Я переда́м емú. Я пошёл,— сказа́л Вáлька. На ле́стнице он попрóбовал да́же засвистéть чтó-то весе́лое, но не получи́лось.

Теперь уже́ не ви́делось никако́й наде́жды.

Вáлька побрёл к до́му. Но что де́лать до́ма? Не всё ли равно́ тепе́рь... Он о́чень уста́л. Уви́дел скаме́йку на пусты́ре и сел.

Это был пустырь за Андрюшкиным домом. Вернее, уже не пустырь, а молодой садик: из-под снега торчали тощие прутьики осенних саженцев.

Валька привалился к спинке скамьи и взял пригоршню снега. Снег был сухой и сыпучий, как песок. Совсем не холодный.

«Никто не поможет», — подумал Валька.

Даже мама и отец не помогут. Ну что они делают?

До сих пор при любой беде можно было найти у них защиту. Даже если очень виноват или несчастен, можно было прижаться к отцу и спрятаться от всяких бед.

Один такой случай Валька помнит удивительно ярко.

Был солнечный летний день. Хороший день, потому что все ждали папу. Он должен был вернуться из командировки.

Все радовались, и пятилетний Валька радовался. И, наверно, эта самая радость заставляла его прыгать, хохотать и вертеться под ногами. И он довертелся: зацепил на краю стола фаянсовую пепельницу и грохнул на пол.

Стало тихо-тихо, и день потемнел.

Поникший Валька стоял над черепками и не понимал, как это случилось: было всё хорошо и вдруг в одну секунду стало плохо.

Он чувствовал, что совершил ужасное. Это была любимая папина пепельница — смешная собака с розовой пастью. Она казалась такой же вечной и прочной, как дом, как деревья, как земля. И такой же нужной. Она была всегда, эта веселая собака.

И вот — черепки. Из-за Вальки.

Самое страшное было то, что никто не закричал на Вальку, не потащил в угол, не назвал разбойником

и хулига́ном. То́лько Лари́са деревя́нным го́лосом сказа́ла:

— Так, допры́гался. Прие́дет па́па — он с тобо́й побесе́дует, По́мнишь его́ реме́нь?

Ва́лька по́мнил. Это был широче́нный реме́нь с жёлтой пря́жкой и аккура́тными кру́глыми ды́рками в два ря́да. Па́па нико́гда не носы́л его́, он то́чил на нём бры́тву. Это был реме́нь для бры́твы.

Неуже́ли не то́лько для бры́твы?

По́давленный несча́стьем, Ва́лька вы́шел во дво́р и забра́лся на череда́к.

Здесь па́хло землёй и сухим де́ревом. Со́лнце пробива́лось пы́льными поло́сками. По желе́зной кры́ше сту́чали клю́вами воро́бьи, а за ста́рым сундуко́м скребли́сь мы́ши.

Ва́лька просиде́л в те́сном углу́ це́лый час. Или це́лый год. Он слы́шал ра́зные голосо́а: и ра́достные, и трево́жные. И молча́л. А пото́м ему́ пря́мо на ко́лено опу́стился мохноно́гий щеко́чуший па́ук, и Ва́лька, вздра́гивая, полёз к вы́ходу. Будь что бу́дет. Лишь бы не оста́ться наве́гда в э́том су́мраке с паути́ной и мыши́ной возне́й.

Ме́дленно двига́я нога́ми, он поше́л в дом. остано́вился на поро́ге и стал смотре́ть в пол.

— А, яви́лся, престу́пник, — сказа́ли ему́.

Ва́лька гляну́л туда́, где ра́ньше лежа́ли чере́пки. Чере́пко́в уже́ не́ было, а на их ме́сте сто́ял ры́жий мохна́тый ко́нь. Ро́стом с большо́ую соба́ку Па́льму. На блестя́щих зеле́ных ко́лёсах. Как настоя́щий.

Но заче́м он здесь, э́тот ко́нь? При че́м здесь ко́нь, е́сли Ва́лька гро́хнул пе́пельницу?

И что сейча́с бу́дет?

— Ва́лька, — услы́шал он го́лос, от кото́рого не́много́ отвы́к.

И уви́дел отца́.

— Вáлька, глúпый...

Вáлька зажмúрился и брóсился к нему́. За по́мощью; за прощёнием. И, прёжде чем уткну́лся в знако́мый жёсткий пиджа́к, он успéл крй́кнуть:

— Я бо́льше не бúду разбивáть тво́их соба́к!

И, ужé подхва́ченный большо́ими рука́ми, всхли́пы-
вающий и счастлй́вый, он повто́рил, прижима́ясь ще-
ко́й к отцо́вскому плечу́:

— Не бúду разбивáть...

— Эх ты, малы́ш,— тихо́нько сказа́л па́па.— Ну, перестáнь.

Вáлька приоткры́л глаза́, посмотре́л вниз и сквозь мо́крые ресни́цы уви́дел блеск золоти́стой ко́нской грй́вы...

Но сейча́с не запла́чешь, не уткнё́шься в пиджа́к. Потому́ что де́ло не в файнсовой соба́ке. Ра́зве помо́гут слёзы?..

Конёчно, до́ма придётся всё расска́зать. Это не-
приятно, но не стра́шно. Ли́шней бе́ды от э́того ужé
не бúдет, и по́мощи то́же. А что де́лать в шко́ле?

За до́мом, за сне́жным ва́лом сугро́бов слы́шались
ребя́чьи крй́ки. Там Андрю́шка вёл с То́лькой Са́жи-
ным бой за кре́пость. Оди́н раз крй́ки ста́ли о́собенно
гро́мкими, пото́м хри́пло затруби́л горн, одна́ко сигна́л
оборва́лся на полови́не.

Вáльку не тро́гал шум сра́жения. Не удивй́ла и на-
ступй́вшая тишина́. Он сидёл, не чу́вствуя хо́лода, и
не собира́лся вставáть и иди́ти.

И когда́ вдруг появи́лся перед ним Андрю́шка,
Вáлька не срáзу по́нял, что ему́ на́до.

— Вáлька, встань...

Бо́же мой, что лю́дям на́до? Все то́лько и зна́ют:
«Вáлька, Вáлька, Вáлька!» Оста́вьте Вáльку в покóе!

— Ну, Вáлька...— Го́лос Андрю́шки звуча́л жа́-
лобно и тре́бовательно.

Ва́лька т́хо сказа́л:

— Уи́ди.

— Ну, Ва́лька. У Па́влика идет кровь.

У когó-то иде́т кровь. А при че́м здесь он?

— Ва́лька...

Одна́жды то́же не хоте́лось встава́ть. В ла́гере. Он до двена́дцати просиде́л у костра́, а в три на́до бы́ло поднимáться на встре́чу со́лнца. А его́ как свинцо́м придави́ло. Но кто́-то сказа́л: «Со́лнце всхо́дит в три три́дцать...» И Ва́лька вскочи́л. Ве́дь в са́мом де́ле — со́лнце должнó взойти́ че́рез полчаса́. Его́ не остано́вишь. На́до вста́ть.

Ва́лька шевельну́лся. Потому́ что в Андрию́шкиных слова́х прозвуча́ло то же тре́бование неме́дленного подьё́ма. Ты сиди́шь, а у когó-то беда́. Кровь иде́т. Пусть у тебя́ хоть ты́сяча несча́стий, но у когó-то — ещё́ одно́.

— Ну, Ва́лька. Ну, пожа́луйста, встань.

Встань, Ва́лька. Это так же обяза́тельно, как восхо́д со́лнца.

— Почему́ у него́ кровь? — сказа́л Ва́лька и подни́лся. Рывко́м.

Штурм был горя́чий, и Па́влик, ма́ленький горни́ст кре́пости, заигра́л боево́й сигна́л. Он забы́л, что у ста́рого го́рна металличе́ский, а не пла́стмассовый мундшту́к.

Была́ со́рвана с губ ко́жа. Реба́та сгруди́лись у столба́ под фонаре́м и бестолково́ топта́лись вокру́г ра́неного горни́ста. Па́влик не пла́кал. Он то́лько наклони́л го́лову, что́бы кровь не па́чкала пальти́шко, и испуганно́ смотре́л, как че́рные ка́пли дыря́вят снег.

— На́до же бы́ло догада́ться... — сказа́л Ва́лька.

*И когда вдруг появился перед ним Андрюшка, Валька
не сразу понял, что ему надо.*

Торопливо схватил пригоршню снега и прижал к губам Пávлика.

От ладони и от тёплой крови снег таял, превращаясь в кашицу.

— Он даже не заметил сперва, что губы примёрзли,— сказал Тóлька Сáжин.

— Домой надо,— сказал Вáлька.— Здесь ничего не сделать.

— Домой нельзя,— объяснила Ирка-скандалистка.— Дома ему попадёт.

— За что попадёт? Что ты чепуху говоришь! У человека беда, а ему попадёт.

— Нет, правда,— тихонько сказал Андри́шка.— Его всегда за такое ругают.

— Порядочки...— процедил Вáлька.— А ну, дайте платок. У кого есть?

Платок нашёлся у Ирки. Вáлька приложил его к губам горниста, но тонкая ткань быстро промокла. Вáлька снял шарф и прижал его к платку.

— Держи так. Пошли ко мне.

Мысли о сегодняшней беде слегка отодвинулись, дав место тревоге за малыша-горниста.

Он всей толпой ввалились в тесную кухню.

— Тихо вы!..— прикрикнул Вáлька.

Дома ещё никого не было. Он сдёргнул с Пávлика пальто и валенки и уложил его в комнате на диван. Вверх лицом. Кровь шла уже не так сильно.

Потом он включил электрочайник.

Малыши сидели в кухне притихшие. Запотевший горн стоял на столе.

— Что теперь с ним будет? — шепотом спросил Тóлька Сáжин и смешно приоткрыл рот.

— Наверно, жив останется,— сказал Вáлька.

С тёплой водой он вернулся в комнату. Пáвлик лежал спокойно, только часто моргал.

— Бóльно?

Пáвлик помотáл головóй.

— Немнóго потерпí, ёсли бóдет бóльно.

Он дéйствовал осторóжно и бýстро. Убрáл платóк и кусóм бинтá нáчал смывáть кровь с подборóдка и щёк. От вíда крóви слегкá мутíло, но ёто бýли пустякí.

Глáвное то, что он, Вáлька, óжил. Если бы не ётот рáненный горнíст, он до сих пор сидёл бы на проклýтой заледенёвшей скамéйке, не знáя, что дéлать. Ёто прóсто здóрово, что в такýю минúту он оказáлся нýжен. Хорошó, что пришёл Андриóшка и потрéбовал: «Встань!»

И, как нагрáда за то, что он всё-таки встал, к Вáльке пришлó спокóйствие.

Конéчно, ёто бýло не настоящее спокóйствие. Мысль о том, чтó же бóдет зáвтра, не уходíла.

Но нé было стрáха.

И нé было беспóможности. Слóвно снéжные стéны крéпости-малýтки могли защитíть Вáльку от всех бед за то, что он спас её рáненого бойцá.

— Всё,— сказáл Вáлька.— Полежí тепérь немнóго. Бóльше ничегó не сдéлать. Рот ведь не забинтúешь.

Пáвлик слегкá улыбнýлся.

Вáлька взял егó пальтó и вáленки, вýнес на кúхню и мóкрой щёткой нáчал стирáть с них бýрые кровяные кáпли.

Андриóшка следíл за ним напряжённó и мóлча.

— Чтó ты меня так разгльáдываешь? — поинтересовáлся Вáлька.

— Я не разгльáдываю... Вáлька... Нет, я так...

Чтó-то тревóжило егó. И, чтóбы кáк-то отвлéчь Андриóшку от беспокóйных мýслей, Вáлька сказáл:

— Я договорíлся, с кем тебé на катóк ходíть...

С мойми знако́мыми. В о́бщем, мо́жно поку́пать коньки́.

— Хорошо́,— откликнулся Андрю́шка, но ка́к-то рассе́янно.

Тихо́нько вошёл Па́влик.

— Кро́вь уже́ не идёт,— сообщи́л он.

— Ну и поря́док. То́лько иди́ сра́зу домо́й, а то гу́бы на моро́зе обве́треют. И горя́чего не ешь се-го́дня...

Он проводи́л ребят на крыльцо́.

— До свида́ния, Ва́лька! — крикну́л уже́ от ка-ли́тки Андрю́шка.

— До свида́ния! — го́лко отве́тил Ва́лька и при-слони́лся заты́лком к зайндевелому косяку́. Ему́ каза́лось, что хо́лод проясни́т мы́сли и помо́жет во всём разобра́ться.

Но большо́го хо́лода не́ было. Ве́чер сто́ял па́смур-ный и мя́гкий.

Это сно́ва двига́лся на Ура́л атланти́ческий ве́тер. Ещё́ не пришли́ облака́, но во́здух уже́ потеря́л про-зра́чность, и звёзды́ расплыва́лись в мутно́ватой вла́ге обмеле́вшего не́ба. И то́лько на ю́го-восто́ке, проби-ва́я тума́нную пелену́, сия́л Юпи́тер.

...У кали́тки послы́шались шаги́. Ва́лька знал, что это́ не Андрю́шка и не его́ друзья́. Им не́зачем бы́ло возвра́щаться. И роди́тели долж́ны бы́ли верну́ться позд́нее. Кто же? Ва́лька не хоте́л ви́деть никогó. И, не отрыва́я глаз от я́ркого Юпи́тера, он крикну́л ко́ротко и зло:

— Кто идёт?

СНЕГ ИДЁТ. ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОГО ВОВКИ

Это был Сášка. Он не отвéтил. Он мóлча под-
нялся на крыльцó, поколотíл ботíнок о ботíнок,
стрáхивая снег, и мíмо Вáльки прошёл в дом. И ужé
из сеней сказáл:

— Ну, заходí,— бúдно к себé приглашáл.

Вáлька зашёл слéдом. Он не злýлся на Сášку. Он
хорошó помнил тот рывóк двéри и со звóном скáзан-
ные слова: «Вáлька, не отдава́й!» Но простíть преда-
тельство он не мог. Всё равно не мог. Сášка был
сейчáс не враг и не друг, а бúдно посторóнный человек.
Врóде электромонтёра, котóрый заходит раз в год,
чтóбы проверíть, в порядке ли проводá и прóбки.

— Родíтелей дóма нет,— спокойнó сказáл Вáлька.
— Но ты не бóйся, Бестúжев, оста́вь записку. Я пе-
редáм.

Сášка неторопливо снял пальтó и брóсил на спин-
ку стúла. Потóм снял запотéвшие очкí и стал проти-
рáть их концóм шáрфа. Это был óчень взрóслый жест.

— Дура́к ты,— произнёс он негрóмко и кáк-то ле-
ниво.

— Почему́? — так же тíхо спросíл Вáлька.

Сášка пожáл плечáми. Потóм он надéл очкí и
глянул на Вáльку сердíто и трéбовательно.

— Скажí, почему́ ты решíл, что я поташú эту
записку к вам домóй?

— А куда? — спросíл Вáлька и почúвствовал, что
глупеет.

— Куда... Ну не всё ли равно́ куда? В пéчку, в мý-
сорный ящик. Съел бы, в концé концóв... Ну почему́
ты срáзу решíл, что я гад?

Вáлька помолчáл.

— Сегóдня всё кувыркóм,— сказáл он, мóрща
лоб.— И ты... Не понимаю́ я...

— Я ви́жу,— усмехну́лся Са́шка.— Кро́ме тебя́, наве́рно, нико́му в кла́ссе така́я дура́цкая мы́сль в го́лову не пришла́... Ну, ви́кинул бы я запы́ску — вот и всё. Я лу́чше хоте́л сде́лать. Что́бы он её ни с кем дру́гим не посла́л.

— Но э́то же глупо́,— и́скренне сказа́л Ва́лька.

— Ну и пусть... Я хоте́л, что́бы тебе́ лу́чше бы́ло.

— Он бы всё равно́ узна́л. Про́верил бы.

— Когда́ бы он ещё про́верил!..

— Да сра́зу бы... Зна́ешь, Са́шка, ты запы́ску всё-таки отда́й. Так лу́чше бу́дет.

— А нет её,— сказа́л Са́шка.

— Порва́л?

— Он её забра́л.

— Кто?

— Черте́жник. Я ви́шел из шко́лы, а он идёт на-встре́чу. Вот сейча́с, ве́чером. И говори́т: «Посто́й, Бесту́жев. Я дога́дываюсь, что ты ещё не успе́л переда́ть запы́ску». А я злой был и говори́ю: «Соверше́нно пра́вильно. Не́когда бы́ло». А он говори́т: «Дай мне её, пожа́луйста». Я говори́ю: «Я её, наве́рно, поте́рял». — «А ты поищи́, говори́т, поста́райся. Если ну́жно бу́дет, я ведь, говори́т, могу́ и дру́гую написа́ть». Я отдал и уше́л.

— Интере́сно, заче́м он так?

— Я не зна́ю. Я то́лько заме́тил, что́ к шко́ле он не оди́н подоше́л, а, по-мо́ему, с Раки́тиным. А пото́м Оле́жка наза́д поверну́л. Или мне показáлось...

— Да нет, не показáлось, наве́рно... — нача́л Ва́лька, обра́дованный внеза́пной дога́дкой. И вдруг замолча́л. Ра́зве об э́том на́до бы́ло говори́ть! Ведь Са́шка — с ним. Э́то в ты́сячу раз важне́е вся́ких исто́рий с запы́сками. «Я хоте́л, что́бы тебе́ лу́чше бы́ло»... А он-то, чурба́н безмо́зглый...

А е́сли Са́шка не прости́т такую́ оби́ду?

— Я знаю,— глуховато сказа́л Ва́лька.— Ты те-
пе́рь ду́маешь, что я дура́к и... вообще...

— Конечно,— подтверди́л Са́шка.— Я по́тому и
прише́л. Мне о́чень нра́вится бесе́довать с «дурака́ми
и вообще».

Ва́лька облегче́нно вздохну́л.

Са́шка зевну́л и сообщи́л:

— Прика́зано мне за́втра, коне́чно, в шко́лу без
роди́телей не явля́ться. За срыв...

— И что тепе́рь де́лать?

— Ниче́го не де́лать. Сказа́л отцу́, вот и всё.

— А он?

— А он... Расспроси́л снача́ла. Потом прогна́л:
«Что ж ты к Ва́лке не идёшь, до́ма торчи́шь?» Бү́дто
я сам не собира́лся... Да, ещё я забы́л расска́зать.
Лисовских с Равенко́вым поруга́лись. Тот вы́шел из
пионе́рской, а Пе́тька говори́т: «Ты бо́льше у нас не
пока́зывайся, Га́лка с тобо́й бо́льше никуда́ не пойдёт,
с та́ким крокоди́лом». Все захохота́ли и ушли...

Ва́лька сно́ва вспо́мнил полутёмный коридо́р, вы-
со́кую фигу́ру Равенко́ва, вспо́мнил всё, что случи́-
лось, и тоска́ о́пять уколо́ла его́.

— Что же тепе́рь бу́дет, Са́шка?

— Да, наве́рно, ниче́го,— споко́йно сказа́л Са́ш-
ка.— А что мо́жет быть? Га́лстук-то ты не о́тдал. Вот
ё́сли бы о́тдал, тогда́ действите́льно...

— Ну, не о́тдал... Все́ равно́ они́ проголо́совали.
Зна́чит, исклю́чили.

— Ну да, исклю́чили,— усмехну́лся Са́шка.— Кто
же вы́гонит челове́ка из пионе́ров, е́сли ребя́та про́-
тив? Ведь отря́д про́тив. Это всё-таки наш отря́д, а не
Анны Бори́совны. И не она́ тебя́ в пионе́ры прини-
ма́ла.

— Меня́ принима́л отря́д бараба́нщиков.— хму́ро
и твёрдо сказа́л Ва́лька.— На рассве́те.

— Ну, я знаю...— Сашка вдруг внимательно и резко взглянул на друга.— Ты говорил. Ну и что? Знаешь, ты всё-таки сам виноват. Ты всё время где-то...— Он покрутил ладонью над головой.

— В мечтах? — понял Валька.

— Ты не обижайся. Но когда только барабанщики да паруса на уме, можно ещё не так влипнуть. А ведь не барабанщики тебя сегодня выручали. И не паруса...

Валька помолчал.

— Выручали и они,— наконец сказал он и всё-таки немного обиделся.— Ты ведь тоже ещё не знаешь...

Ведь в самом деле не знал Сашка про крепость и про то, как Андрюшка сказал: «Валька, встань». А маленький Андрюшка и большие паруса — это так связано. И барабанщики...

— И всё-таки...— тихо и упрямо сказал Сашка.

— Ну ладно...— сказал Валька.

Сашка натянул шапку:

— Ты меня проводи.

Они медленно шли к Сашкиному дому. Уже не было звёзд, и сыпал снег. Западный циклон прогнал пронзительный холод, и, казалось, весь город вздохнул спокойно и дремлет теперь под медленным мягким ветром. Деревья вновь развешивали белые кружева. Ступени Сашкиного крыльца были сплошь под снегом.

— До завтра,— сказал Сашка. И вдруг неловко протянул ладонь.

Это было их первое рукопожатие. В последний миг между ладонями скользнула колючая снежинка, но тут же превратилась в тёплую каплю.

...Вáлька шагáл по ўлице. Он не торопíлся домóй, шёл прóсто так. Иногда он поднимáл лицó, и снежинки щекотáли ему лоб и щёки. Скóро снег пошёл мелкими хлопьями. В газóнах, среди вéток нízкого кустарника он застревáл пушистыми клубкáми, и казáлось, что там прýчутся крошечные зайчáта.

А под однóй из берёз Вáлька увидáл на снегу портрét. Крóна дéрева защищáла его от снегопáда. Нарисóван был тонконóгий урóд с мрачным лицóм и рукáми-грáблями. И стояла пóдпись: Вóвка.

Вáлька пожалёл неизвéстного Вóвку, перегну́лся чéрез штакётник и пáльцем нарисовáл на его лице улыбку.

Потóм трóнулся дáльше и, сам не зная как, вы́шел к шкóле.

Подошёл к крыльцý. Вéтер крутил у ступéней снежинки и клочки бумáги.

Вáлька пóднял клочóк и разобрáл обрывки слов: «прид... рисовани... альб...»

Он срáзу пóнял, что дéржит в рукáх обрывок записки Чертёжника. Вídимо, прýмо здесь Юрий Ефíмович разорвáл её.

Вáлька поискáл глазáми и замéтил ещё два клочкá. А бóльше не нашёл. Вídимо, вéтер ужé разнёс их по всему́ квартáлу, а снег припорошил и спрýтал от глаз. И тепёрь, навérно, никто на свéте не сумёл бы отыскáть все éти обрывки, сложить и прочитáть записку.

— Вот и всё,— сказáл Вáлька. Поверну́лся и зашагáл вдоль шкóлы.

В коридóре нíжнего этажá горёл свет. Он пáдал из óкон на заснежённýй тротуáр неяркими пóлосами. Чем дáльше от шкóлы, тем бóльше éти пóлосы расширялись. Онí лежáли на незатóпанном снегу́, слóвно редкие жёлтые клáвиши громáдного пиани́но.

У послѣдней полосы, на границе тѣни и свѣта, маячила маленькая меховая фигурка.

— Андрюшка,— сказал Валька издаleká.— Ты чего?

— А ты чего? — откликнулся Андрюшка. Он старался сказать это независимо, но получилось нерешительно и даже немного жалобно.

Валька подошёл.

Андрюшка смотрел на него выжидательно и тревожно.

— Я гуляю,— тихо сказал Валька.

Андрюшка вздохнул:

— И я...

— Давно? — спросил он.

— Давно. Как ты,— честно сказал Андрюшка.

— Ну, пошли.

— Куда?

— Гулять,— усмехнулся Валька и протянул руку. Рука была без варежки.

Андрюшка сдёрнул вязаную рукавичку и вложил в озябшую Валькину ладонь свою ладошку—маленькую и горячую.

Так они и пошли, держась за руки, словно два маленьких мальчика. Никто не мог над ними посмеяться: улица была пуста, а только для Андрюшки и для Вальки горели фонари, окружённые светлыми облачками летящего снега.

— Завтра будет совсем тепло,— сказал Андрюшка.— По радио говорили.

— Западный ветер,— откликнулся Валька.

— Значит, будет липкий снег. И мы будем строить корабль. Из снега хорошо получится. Можно вот такие борты сделать.— Андрюшка вскинул над шапкой свободную руку.

— Ледокól? — спросил Валька.

— Ну нет... Просто корабль. С мачтами. Как у тебя в альбоме.

— А парусá? — сказа́л Ва́лька. — Из сне́га ведь не сде́лаешь парусá.

— Не сде́лаешь, — вздохну́л Андрию́шка. — Ну, мы без парусо́в. Бúдто круго́м шторм. Когда́ шторм, парусá убира́ют. Да, Ва́лька?

— Не всегда́, — сказа́л Ва́лька. — Кое-что́ оставля́ют в любо́й шторм. Хотя́ бы кли́вер... Но на кли́вер мо́жно найти́ мате́рию.

— Ва́лька... — нерешите́льно нача́л Андрию́шка. — Зна́ешь что...

— Зна́ю. Нарисова́ть кора́бль, что́бы лёгче де́лать бы́ло. Пра́вильно?

— Нарисова́ть, — согласи́лся Андрию́шка. — То́лько ещё зна́ешь что?

— Что?

— Мы о́чень хоти́м, что́бы ты́ был у нас шки́пер... «Шки́-пер», — без усме́шки повто́рил про себ́я Ва́лька.

— Бúдешь? — спроси́л Андрию́шка.

— А кто хо́чет? — поинтересова́лся Ва́лька. — Кто «мы»?

— Па́влик, Ирка, я, Юра... Все.

— Даже Ирка? — усмехну́лся Ва́лька. — Ты, Андре́й, врёшь. Она́ сама́ ме́тит в капита́ны.

— Не вру. — Андрию́шка вы́рвал ру́ку. — Вот че́стное октябрю́тское. Хо́чешь, за звёздочку возьми́сь?

Звёздочка была́ под шу́бой с туги́ми застёжками.

— Ну всё равно́. — Андрию́шка ухвати́лся за шарф. — Ви́дишь, за кра́сное держу́сь. Зна́чит, не вру... Бúдешь?

Гля́дя в сне́жную глуби́ну у́лицы, Ва́лька сказа́л:

— Бúду.

— Пра́вда?

— Я же сказа́л...

Видно, не совсем верилось Андрюшке, потому́ что был сегодня Ва́лька небольшо́го стра́нный.

— Че́стное пионе́рское?

Ва́лька сбил шаг. Но́ющая, как зубна́я боль, трево́га о́пять всколыхну́лась в нём.

Тогда́ Ва́лька прищу́рился и glaнул вдаль. Когда́ так смóтришь, мо́жно уви́деть всё, что угоднó.

Ва́лька уви́дел бараба́нщиков.

Их бы́ло го́раздо бо́льше, чем там, в ла́гере. Они́ стоя́ли со́мкнутым стро́ем. Настороже́нно вски́нув па́лочки. Гото́вые обру́шить лави́ну боево́го гро́хота. И за э́той трево́жной гото́вностью Ва́лька был как за кре́пкой стено́й.

Он пере́глотну́л и обыкнове́нным сво́им го́лосом сказа́л:

— Че́стное пионе́рское... Зна́ешь, Андрю́шка, пойде́м потихо́ньку к до́му. Сого́ласен?

— Да, капита́н.

И тогда́ Ва́лька засмея́лся.

Он засмея́лся негро́мко. Не над Андрю́шкиным отве́том. Он вспо́мнил.

До сих пор он был прóсто споко́ен. Но что́бы норма́льно жить, челове́ку ма́ло споко́йствия. Нужна́ ещё кака́я-то ра́достная звёздочка, что́бы она́ свети́ла впередí. И Ва́лька вдруг подумал, что, несмотря́ на всё случившееся, его́ ждёт альбо́м с незакóнченным рисо́нком «Легенды́ оке́ана». Ма́льчик на бере́гу и стремите́льный па́русник в опа́сной бли́зости от ка́менных плит. Они́ ждут, как и ра́ньше, что́бы му́чить и ра́довать Ва́льку...

Снег всё сы́пал и сы́пал на тротуа́ры и газо́ны. Одна́ко портре́т неизве́стного Во́вки ря́дом с большо́й бере́зой был ещё хорошо́ ви́ден. Де́рево охра́няло его́ от снегопа́да.

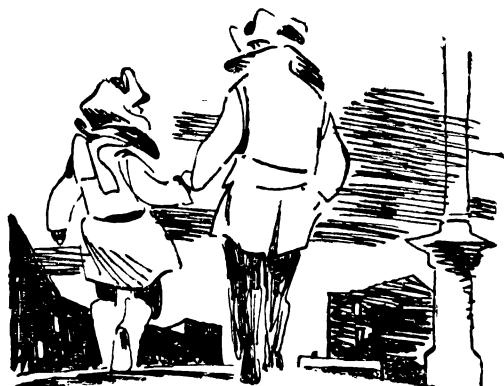
Несмотря на улыбку, Вовка с волосами-рожками и загребущими руками был совсем несимпатичен.

Валька вытащил из кармана вафельку и двумя широкими взмахами уничтожил кривые буквы.

— Зачем? — удивился Андрюшка.

— Так... — сказал Валька.

Какой-нибудь Вовка, наверное, и заслуживал такого портрета. Но на свете много тысяч Вовок, и они-то совсем не виноваты.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Начáло. Барабáнщики	3
Рассвёт. Андрюшка	15
Август. Песчáный гóрод	23
Утро. Парусá	42
Парусá. Вáлькины альбóмы	59
Парусá. Андрюшка и вéтер	75
Парусá и желéзо. Вéчер	82
Антициклóн. День	88
Антициклóн. Вáлька, держи огóнь! . .	99
Крéпость. Вáлька, пожáлуйста, встань!	122
Снег идёт. Портрét неизвéстного Вóвки	133

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге присылать по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Для восьмилетней школы

Крапивин Владислав Петрович

ВАЛЬКИНЫ ДРУЗЬЯ И ПАРУСА

Повесть

Ответственный редактор
Г. В. Кузнецова

Художественный редактор
А. В. Пацина

Технический редактор
Л. В. Гришина

Корректоры

Л. М. Короткина и К. П. Тягельская

Сдано в набор 2/IV 1970 г. Подписано к печати 20/V 1970 г. Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л. 9. Усл. печ. л. 8,4. (Уч.-изд. л. 6,23). Тираж 150 000 экз. ТП 1970 № 620. Цена 28 коп. на бум. № 2. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Центр, М Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сушевский вал, 49.
Заказ № 484.

Издательство
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В 1970 году в серии «Школьная библиотека для нерусских школ» выходят следующие книги для 8-летней школы:

●
Гоголь Н.— Повести: «ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК ПОССОРИЛИСЬ ИВАН ИВАНОВИЧ С ИВАНОМ НИКИФОРОВИЧЕМ» и «ШИНЕЛЬ».

●
Горький М.— «ПЕСНЯ О БУРЕВЕСТИКЕ».

●
Кожедуб И.— «ВЕРНОСТЬ ОТЧИЗНЕ»
(сокращённое издание)

●
Крупская Н.— «О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ЛЕНИНЕ».

●
Лермонтов М.— «СТИХОТВОРЕНИЯ. ПОЭМЫ».

●
Ершов П.— «КОНЕК-ГОРБУНОК».

Обращайтесь за этими книгами в свои районные и школьные библиотеки.

Цена 28 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“